

Их свет
не угаснет

Издавите си
звёзга

ХАФСА ФАЙЗАЛ

Хафса Файзал
Избавители звезд
Серия «Хафса Файзал. Пески
Аравии и другие истории», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66847518
Избавители звезд / Хафса Файзал ; [перевод с английского А. Сеит];
Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-162202-2

Аннотация

Вторая и заключительная книга дилогии "Пески Аравии", продолжение "Охотников за пламенем"! Бестселлер New York Times! Восторженные отзывы, высокие места в рейтингах amazon и отличные оценки западных изданий! Роман восходящей звезды жанра Young Adult, по которому телеканал STXtv уже готовит масштабный фэнтезийный сериал. Увлекательное фэнтези с арабским колоритом для поклонников Ли Бардуго и Шеннон Чакраборти!

Зафира, Насир и Кифа направляются в Крепость Султана, надеясь вернуть магию в Аравию. Но у них мало ресурсов и союзников, Альтаир в плену, а королевство страшится Ночного Льва.

Насир учится управлять магией в своей крови, чтобы использовать её против Льва и отца, который находится под контролем чудовища. Зафира борется с голосом колдовской книги Джаварат, который звучит в её голове и которому трудно противиться.

Пока вокруг сгущается тьма, Зафира и Насир всё отчётливее осознают, что любят друг друга. Но чтобы победить Льва и спасти Аравию, им придётся идти на жертвы. И, быть может, цена победы окажется выше, чем они готовы заплатить...

Содержание

Действие I	9
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	51
Глава 7	62
Глава 8	76
Глава 9	79
Глава 10	82
Глава 11	86
Глава 12	107
Глава 13	114
Глава 14	136
Глава 15	147
Глава 16	156
Глава 17	161
Глава 18	166
Глава 19	169
Глава 20	177
Глава 21	191
Глава 22	196

Глава 23	199
Конец ознакомительного фрагмента.	200

Хафса Файзал

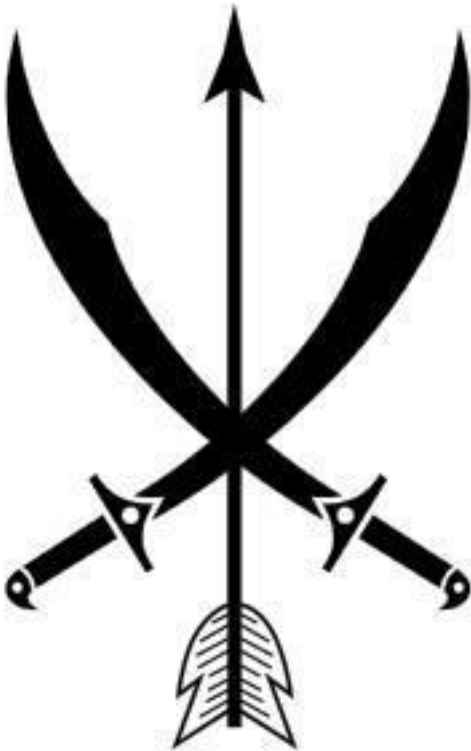
Избавители звезд

*Посвящается Азре, которая иногда
была мне другом, иногда – недругом,
иногда – безжалостной.
Моей сестре навсегда.*

*Честь – важнее сердца, – сказала девушка.
Хрупкость – прямой путь к смерти, – сказал
лев.*

*За тьмой приходит погибель, – сказал юноша.
Власть порождает боль, – сказал владыка.
И все они были совершенно правы.*

Встречайте заключительную часть фэнтезийной YA-дилогии «Пески Аравии»: завораживающую историю о сильных героях с чарующим флёром арабских ночей.

Hafsah Faizal

WE FREE THE STARS

WE FREE THE STARS © 2021 by Hafsah Faizal

Published by arrangement with Folio Literary Management,

LLC.

Перевод с английского *Анны Сешт*

© Сешт А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Действие I

Темно, как в пустой гробнице

Глава 1

Тьма вскипала в его венах, выпускала струйки дыма с кончиков его пальцев и замутняла взгляд. А когда он думал слишком усердно, слишком быстро, тьма поднималась по его рукам чёрными потоками вместе с кровью.

«Страх становится с тобой одним целым».

Солнце стояло высоко, обрисовывая тень Насира Гамека

на палубе корабля Цзинань, когда он сдвинул крышку ящика и вернул на место – по его ощущениям, уже в тысячный раз с тех пор, как они покинули Шарр. Он чувствовал мерный пульс в пальцах – биение четырёх сердец внутри, тех самых сердец, что когда-то принадлежали древним Сёстрам-основательницам Аравии. Тех, что черпали магию из королевских минаретов пяти халифатов, усиливали её и передавали народу. И пока сердца не вернут, волшебство всё равно что исчезло – как это и было в последние девяносто лет.

И всё же магия жила в нём, и Насир не мог скрыть этого, поскольку тени следовали за ним.

– От того, что ты смотришь так пристально, пятое сердце не появится, – сказала Кифа, легко спускаясь по мачте из вороньего гнезда. – Да и он тоже, если уж на то пошло.

Браслет на её руке блестел – выгравированные на нём скрещенные копья напоминали о том, кем она была когда-то: одной из Девяти, элиты, охранявших халифу Пелузии. С болью Насир понял, что ждёт ответ золотоволосого генерала на эту брошенную походя фразу – остроумный или глупый, не важно, – за которым последуют слова очаровательной Советницы, одной из Девяти.

Но тишина оглушала и тревожила, как и волны Баранси, ударявшиеся о палубу корабля.

Насир подошёл к Цзинань. Рана на ноге, оставленная ифритом на острове Шарр, заставляла его прихрамывать.

– Мы в море уже два дня. Почему так долго?

Зарамийка прищурилась, глядя на него из-под шлема. Непокорные тёмные кудри выбились из-под клетчатого тюрбана, и в тени ткани её карие глаза блеснули красноватым.

– «Анка» – самый быстроходный корабль, Ваше Высочество.

– Не то чтобы в нашем распоряжении были другие корабли, девочка, – заметила Кифа.

Насир задвинул ящик, пряча его в нишу рядом с ней.

Цзинань нахмурилась.

– Я – не девочка. «Анка» означает «феникс». Знаешь, что такое феникс? Бессмертная птица, сотканная из пламени. Этот корабль назвали в честь моей любимой звезды. И мой отец...

– Без разницы, – прервал её Насир, удерживаясь за борт, когда корабль качнуло. Цзинань тяжело вздохнула. – Долго ещё?

– Пять дней, – ответила она гордо, но натолкнулась на усталый взгляд Насира. – Что, корабль Его Высочества мог добраться самое большее за шесть дней? Простите, я ведь не располагаю могуществом султана.

– Мой корабль, – медленно проговорил Насир, – мог добраться до Шарра меньше чем за пару дней, даже учитывая бой с данданом, которого мы победили по пути.

Цзинань присвистнула:

– Ого. Что ж, надо будет мне взглянуть на чертежи этого корабля, когда мы доберёмся до вашего пышного дворца. А

что за спешка?

Под покровом кожи вспыхнуло раздражение, и тонкая чёрная струйка сорвалась с пальцев. Цзинань уставилась на него. Кифа сделала вид, что не заметила, и это ещё больше разозлило Насира.

– Ты училась в школе?

Цзинань прищурилась:

– А это-то тут при чём?

– Тогда ты должна понимать весь ужас происходящего, когда я говорю, что Ночной Лев – жив, – ответил Насир, и хашашин внутри него упивался ужасом, отразившимся в глазах девушки. Он не рассказал ей о сердце, которое похитил Лев. Это было ему безразлично, и даже волшебство было не так важно, как Альтаир, но девчонка ведь не поймёт. Насир и сам не понимал, почему так остро переживает за другого человека; все подобные чувства померкли после мнимой смерти матери. – Ты считаешь, Беньямин просто споткнулся о камень и помер?

Нахмурившись, Цзинань отвернулась, а Кифа привалилась плечом к мачте, скрестив руки на груди, изучая его.

– Мы вернём его.

И говорила она не о Беньямине.

– Я не волнуюсь.

– Конечно же, нет, – протянула Кифа. – Я просто напоминаю себе сама, что он ведь Альтаир и вполне может о себе позаботиться. Он может заболтать кого угодно. Лев сам бу-

дет умолять нас, чтобы мы забрали его. Не удивлюсь, если он оставил этого дуралея где-нибудь с запиской: «Он весь ваш».

Кифа лукавила, и они оба это понимали. В её голосе, обычно таком твёрдом, сейчас сквозила неуверенность.

Насир вглядывался в морскую гладь, туда, где лежал остров Шарр. Некая часть его ожидала, что их преследовал корабль, такой же тёмный и ужасающий, как сам Лев. Полмесяца назад Насир был готов убить Альтаира, убить любого, кто встанет у него на пути, но теперь стоило закрыть глаза – и он видел ослепительный свет, исходящий из ладоней Альтаира. Видел острые грани наконечника чёрного посоха Льва, пронзившего сердце Беньямина.

«Жертва», – прошептал тогда Беньямин. Романтическая глупость... Жертва была не чем иным, как смертью – Насир знал, ведь он был рождён для смерти и тьмы. Сложно сохранить своё сердце, когда останавливаешь сердца многих. Сложно делать добро, когда бывшие ошибки всегда будут бросать тень на любое его доброе дело.

Где-то там, на Шарре, его сердце научилось биться снова, и Насир хотел сохранить это. Он желал быть достойным этого, даже если для этого ему придётся сохранить то самое волшебство, которое уничтожило его семью.

Но для начала ему нужно спасти Альтаира и уничтожить Льва.

Он посмотрел на Цзинань:

– Пять дней – это слишком долго. Сделай так, чтобы мы

добрались за три.

Цзинань сплюнула.

– Невоз...

Он уже направился к ступеням, ведущим на нижнюю палубу.

– Сделай так, чтобы мы добрались за три, и я удвою сумму, которую Беньямин заплатил тебе серебром.

Молодая капитанша тут же выкрикнула что-то, и зарамский сброд, составлявший её команду, радостно загалдел – их голоса сливались с грохотом волн, бьющихся о борт. Насир не знал, что девушка будет делать с таким количеством монет, но, в сущности, ему было всё равно. Трон вполне сумеет оплатить.

Хромая, Насир спустился по ступеням. Три дня всё-таки было слишком долго. Теперь, когда Лев уже не прикован к острову, у него не было причин там оставаться, особенно учитывая, что Джаварат – ключ к тому, что он мечтал заполучить больше всего – отдалялся всё больше. Zumra¹ должна успеть добраться до берега раньше, чем Лев, иначе всё станет намного сложнее. Но если кто-то и мог ускорить их, то уж точно не смертная девчонка из Зарама.

В утробе корабля пахло солью, и этот запах смешивался с запахом горящего масла. Огни светильников подрагивали, когда Насир пробирался мимо кают, жавшихся друг к другу, словно зубы во рту. В полумраке, напоминавшем ему о двор-

¹ Zumra – банда (здесь и далее – перевод с арабского, если не указано иного).

це, теснились койки и другая немногочисленная мебель.

Не успел он вздохнуть, как оказался вдруг перед Гамеком, рассказывая ему о миссии. О том, как не сумел убить генерала султана. Как не сумел убить Охотницу и вернуть Джаварат.

Не сумел. Не сумел. Не сумел.

Он освободил свой разум, стряхнув мысли. «Теперь всё по-другому», – напомнил себе Насир. Поводок, связывающий его с отцом, спутался, цепляясь о жизни многих других. Зафира, Альтаир, Кифа, его мать, и самое главное – Ночной Лев, вонзивший в Гамека свои когти, контролировавший каждое движение султана.

Взгляд Насира метнулся к дальнему концу коридора, где вне досягаемости располагалась каюта Зафиры.

Девушка редко показывалась на палубе, но каждый раз крепко прижимала к себе Джаварат, а её взор был пустым, отсутствующим. Насиру было не по себе от того, что лёд в её глазах таял, и вместо этого во взгляде девушки появлялось нечто иное. Но он трусил, не мог приблизиться к ней, и память о последних безумных мгновениях на Шарре, которые они разделили, отступала. Они отдалялись друг от друга всё больше, и Насир не знал, как это прекратить.

Он остановился, чтобы дать отдых ноге, и опёрся о расщеплённую балку. Серебряная Ведьма – его мать, *gimaal!* – выбрала себе каюту так же далеко, как и Зафира. Когда Насир наконец добрался до её двери, то замер, увидев, как что-

то тёмное блеснуло на досках пола.

Кровь?

Стянув перчатку, Насир коснулся пятна двумя пальцами, потом поднёс руку к носу. Острый металлический запах — точно, кровь. Отерев пальцы об одежду, он поднял взгляд, проследил, куда ведёт след.

Тот вёл к двери последней каюты и исчезал за ней.

Это была каюта Зафиры.

Глава 2

Её кости кровоточили силой, сочившейся из самой её души, а остатки струились в какую-то невидимую бездну, опустошая её. Сколько себя помнила, Зафира бинт Искандар не раз уже отправлялась в проклятый лес Арз, и магия понемногу впитывалась в её кожу. Присутствие волшебства было постоянным, всегда – рядом.

А теперь оно вдруг исчезло.

Заперто в ящике, в укромном закутке под надзором излишне самоуверенной зарамийки. Джаварат отзывался на её раздражённые мысли.

– Я собиралась уничтожить книгу после того, как волшебство вернётся. – Анадиль, Серебряная Ведьма, Султанша Аравии, одна из Шести Сестёр Забвения, поджала губы, глядя на зелёный фолиант на коленях Зафиры. В огне светильника тени обрисовывали её лицо, а белые волосы сияли золотом. Каюта Зафиры меркла перед её величием.

«Она нас не любит», – напомнил Джаварат.

Зафира больше не вздрагивала, когда слышала голос книги. Этот голос уже не был похож на успокаивающий шёпот, ласкавший её, зовущий из теней в окрестностях Арза. Прежде девушка думала, что её зовёт друг, пока не узнала, что голос этот принадлежит Ночному Льву.

Нет, теперь он звучал напористо, требовательно, и всё же

наполнял пустоту, оставшуюся после ухода волшебства, и жаловаться не приходилось.

«Да, не любит».

Теперь она отвечала Джаварату.

После всех тех трудностей, через которые прошла Зафира, чтобы заполучить отверженный артефакт, она не позволит этой полной презрения ведьме уничтожить книгу. О небеса, да зачем Анадиль вообще явилась к ней в каюту?

– Ты боишься его. Джаварат – воплощение памяти моих сестёр, – сказала Серебряная Ведьма, бросив на неё испепеляющий взгляд с койки. Теперь, когда Зафира знала, что эта женщина была матерью Насира, она видела сходство с ним в этом взгляде.

– Чего мне бояться?

«Она не знает. Не ведает, что мы узнали на Шарре».

Отзвук в её лёгких был приказом молчать, но также служил напоминанием: даже сама Зафира не знала, что именно она узнала на Шарре, когда случайно порезала ладонь и привязала себя к этой книге. Ибо Джаварат был чем-то большим, нежели воспоминания Сестёр.

За девяносто лет с Ночным Львом на Шарре книга пропиталась в том числе и его воспоминаниями, о чём Серебряная Ведьма не имела ни малейшего представления. *Никто* не представлял.

«Расскажи им». Её совесть была едва слышным шёпотом, заглушённым тяжёлым присутствием Джаварата, но не по-

этому Зафира к ней не прислушивалась. Она просто не могла. Не могла рассказать о Джаварате точно так же, как не могла рассказать о тьме, которая прежде говорила с ней. Страх искажал любые слова, которые она пыталась произнести. Зафира боялась – боялась, *какой* её увидят другие. Её ведь уже осуждали просто за то, что она родилась женщиной.

– Но он нужен нам, – проговорила Зафира наконец, стараясь, чтобы её лицо выглядело безмятежным. Сундук под ней был накрепко привинчен к палубе корабля, но её желудок подпрыгивал в такт качке. – Чтобы вернуть волшебство.

– Я – одна из Сестёр, девочка. Я знаю, как вернуть волшебство. А вот об этой книге, напротив, я знаю не так уж много, ибо Сёстры создавали её в последние мгновения своего существования. Такова была их последняя попытка одолеть Льва.

И это им удалось. Сёстры оказались достаточно могущественны и не только уничтожили Льва, но и пленили его на Шарре и создали Джаварат. С точки зрения Зафиры, книга была создана для одной-единственной цели – стать вместилищем воспоминаний Сестёр, чтобы однажды другие узнали их историю. Узнали, почему в тот роковой день Аравия лишилась магии и почему они погибли, а главное – где были их сердца.

– Когда сердца извлекли из минаретов, Аравия лишилась магии, но заклятие, пленявшее Льва, зачерпнуло так много, что это стало проклятием для всего королевства, выпило

энергию из каждого халифата и принесло хаос. Снег в Деменхуре. Тьма в Сарасине. А на Шарре время замерло, – сказала Серебряная Ведьма, увидев, как удивлена Зафира. – Разумеется, сроки жизни стали длиннее безо всяких причин. Смерть стала заветным желанием. Даровав свободу Джаварату и сердцам, ты освободила Аравию и всех тех, кто был пленён под островом. Наконец им был дарован мир, которого они так жаждали.

– Но, значит, кафтары... – Зафира осеклась, теребя край шарфа на шее. Ей не нравилось, как на неё смотрели мужчины, умевшие превращаться в гиен, но они пришли на помощь zumга. Помогли отбить орду ифритов Льва.

– Мертвы.

Зафира судорожно вздохнула. Как долго нужно было прожить, чтобы смерть стала заветным желанием?

В тишине раздались крики Цзинань, но шум волн заглушал топот множества ног по палубе. Её договор с Беньямином обеспечит им путь только до Крепости Султана, но они направлялись на материк, достаточно близко к Деменхуру, чтобы вызвать у Зафиры острую тревогу.

– Раз ты знаешь, как вернуть волшебство, я тебе не нужна, – заметила она. «И книга тоже». – Значит, я могу вернуться домой.

Ради магии она оставила всё, что знала. Пересекла Баранси. Пробиралась через зловещий остров Шарр. Но это было до того, как время и расстояние породили ненасытную тос-

ку, приправленную страхом.

Ей ведь придётся встретиться с Ясмин.

— Куда вернуться? — спросила Серебряная Ведьма без тени сочувствия. — Арза больше нет. Твоему народу больше не нужен Охотник.

Её слова были трезвыми, рациональными. *Жестокими*. Они обнажили уязвимость Зафиры, разом превратив девушку в ничтожную песчинку на просторах необъятной пустыни. Потерянно она потянулась к кольцу на груди...

И уронила руку на Джаварат, погладив пальцами корешок книги. Тотчас же её наполнил покой, убаюкивая все тревоги.

— А когда я буду купаться, страницы размокнут?

Тонкие струйки печали, точно дым, вились на границах разума — слишком далёкие, чтобы ощутить их в полной мере и осознать. Теперь Зафира не помнила, что ей было грустно. Не помнила даже почему. Джаварат мурлыкал.

Серебряная Ведьма замерла.

— Иногда я забываю, что ты — всего лишь дитя.

— Этот мир крадёт детство у всех, — ответила Зафира, думая о луке Бабы² в своих тогда всё ещё мягких руках. О Лане, промокавшей тёплой тканью лоб Умм³. О Дине, который стал похож на призрак, когда его родители стали лишь телами в погребальных пеленах.

— И то правда. Джаварат — творение магии, неподвластное

² Баба — отец.

³ Умм — мать.

стихиям, иначе бы давно рассыпался в прах ещё в первые десять лет на Шарре. Но его жизненная энергия теперь связана с твоей, ведь ты сама так глупо создала нить между вами.

Зафира об этом не просила, не хотела быть связанной с книгой. Серебряная Ведьма ведь сама просила *дитя* отправиться в это путешествие. Именно из-за неё Зафира теперь связана с древним фолиантом, а теперь выходит, ей даже не нужно было, чтобы Зафира отправлялась на эту миссию? Ей просто нужен был кто-то достаточно сильный, чтобы противостоять хватке Льва... которой не сумела противостоять сама Серебряная Ведьма, падшая глубже, чем кто-либо из них мог даже представить.

Зафира была уверена: Шарр даровал им откровения, которых хватит на целую жизнь, но это было до меткого вопроса Кифы. До того как они узнали, что Альтаир был сыном Льва, а ещё – сыном Серебряной Ведьмы. Странно, но то, что Зафира узнала правду о его наследии, сделало её для генерала ещё более желанной.

Девушка прикусила язык.

– И что же, эту связь ничем нельзя разрушить?

– Смерть может её разрушить, – ответила Серебряная Ведьма, словно Зафира откуда-то могла это знать. – Вонзи кинжал в центр фолианта, и будешь свободна.

– Какая доброта, – процедила Зафира. – И от всего прочего я тоже «освобожусь», ага.

Она провела пальцами по зелёной коже переплёта, чув-

ствуя узор огненной львиной гривы в центре. Серебряная Ведьма только хмыкнула, изучающе глядя на девушку, которая успела узнать Льва почти так же хорошо, как она сама.

«Она нам завидует».

Зафира уже готова была согласиться, но стиснула зубы, сопротивляясь шепоткам Джаварата. Девушка понимала, его слова могли быть весьма далеки от правды. К чему одной из Сестёр завидовать смертной девчонке?

«Однажды мы будем равны».

Что бы это ни значило.

Девушка подскочила, когда два светильника вдруг с лязгом ударились о стену. Её колчан упал, стрелы рассыпались, а пыль закружилась, точно пески Шарра. Серебряная Ведьма не вздрогнула, хотя Зафира успела заметить, как напряглись плечи женщины – удивительно для безмятежной бессмертной, – прежде чем дверь распахнулась, и на пороге показался силуэт.

Зафира узнала растрёпанные волосы, совершенную неподвижность, которую она видела лишь у оленя, прежде чем сделала тот роковой выстрел.

Плащ тьмы струился за наследным принцем Аравии. Он держался, как всегда, непринуждённо, почти небрежно, если только не наблюдать за ним пристально, не обращать внимание, как выверено каждое его движение. Взгляд его серых глаз скользнул по тесной каюте, а когда остановился на девушке, та не сумела сдержать трепет.

На краткий миг этот взгляд замер на её губах.

– Тебе больно? – спросил Насир тем мягким, требовательным голосом, в который вплетались тени. Но в его тоне сквозило напряжение, смущение, и Зафира отчётливо чувствовала, что Серебряная Ведьма вся обратилась во внимание, прислушиваясь к их разговору.

Прежде Зафира знала, *что* стояло за этим вопросом. Тогда она была лишь ресурсом, который нужно защищать. Компасом, ведущим его по пути уничтожения. В чём же причина его беспокойства теперь, когда они получили то, что искали, когда она уже выполнила свою задачу – на Шарре, в Деменхуре? О небеса, да вообще в мире!

Прежде чем она нашлась со словами, Насир посмотрел на Серебряную Ведьму, указал на тёмный след на досках, которого раньше не было. Его пальцы были испачканы алым.

– Так вот почему корабль не идёт быстрее.

В тишине волны разбивались о борта.

– Я могу выполнять простые задачи, подвластные любой мираги, – ответила его мать наконец. – Но время – это иллюзия, требующая концентрации и силы, которыми я сейчас не располагаю.

– И почему же? – Его слова были скупыми, а тон – нетерпеливым.

Серебряная Ведьма поднялась, и, несмотря на высокий рост Насира, показалось, что перед ней всё сжалось. Женщина распахнула плащ, открывая алое одеяние, порванное,

перепачканное кровью.

Зафира вскочила.

– Чёрный кинжал Льва. Там, на Шарре.

Под правым плечом Ведьмы зияла рана, которую она получила, когда защитила Насира – воспалённый клубок тьмы, похожий на дыру с рваными краями.

– Он самый, – подтвердила Серебряная Ведьма, и ещё одна капля крови выступила на её насквозь промокшем одеянии. – Ни одно из известных снадобий не может исцелить рану, нанесённую проклятой рудой. Древние целители жили уединённо на островах Хесса. И если кто-то из них ещё жив, там – моя единственная надежда.

– Что с *Bait ul-Ahlaam*? – требовательно спросил Насир.

Зафира перевела с древнего сафаитского. «Дом Грёз». Никогда прежде она об этом не слышала.

– Ты ведь можешь просто пересечь пролив у Крепости Султана и найти там то, что требуется.

– Какой ценой? Ноги моей не будет в этих стенах, – ответила мираги, но Зафира услышала и то, что осталось невысказанным: «Больше никогда». Ей уже доводилось бывать там, и, очевидно, цена исчислялась совсем не динарами.

Серебряную Ведьму было не так легко вывести из равновесия, и потому странно было увидеть гнев, вспыхнувший в её взгляде, и то, как напряжённо дёрнулись уголки рта.

– Тогда ты оставишь нас, – сказал Насир, и Зафира вздрогнула от его жестокого безразличия.

– Я буду живым сосудом для волшебства, бесполезным для тебя, но весьма полезным для Льва, ведь он непременно доберётся до меня, – ответила Серебряная Ведьма. – С моей кровью и его знанием *dum sihr* нигде в Аравии больше не будет безопасно. С помощью моих сыновей-полусилахов он может сделать не так уж много.

Насир опустил взгляд, посмотрел на свои руки; струйки тьмы срывались с его пальцев и снова впитывались в кожу. Тьма словно дышала. Его тени не исчезли, как чувство направления, свойственное прежде Зафире. Магия сердец была ему не нужна, ведь он располагал собственным волшебством. И он не страдал от той ужасной пустоты, от которой страдала девушка.

Некое отвратительное удушливое чувство поднялось в ней, захлестнуло, и Зафира чуть не выронила Джаварат в приступе паники. Но тотчас же гнев схлынул, и биение сердца вернулось к прежнему ритму.

«Что...» Она судорожно вздохнула.

– Всё это началось из-за тебя. – Слова Насира были холодными, и Зафире пришлось напомнить себе, что обращался он к матери, а не к ней. – Из-за тебя нам пришлось оставить Альтаира в руках Льва.

Серебряная Ведьма встретила его взгляд.

– Прежде эта сталь в твоём взоре была обращена на других. Прежде ты смотрел на меня с любовью, нежностью и заботой.

Насир ничего не сказал, но если тьма, которой кровото-чили его сжатые кулаки, о чём-то свидетельствовала – сло-ва женщины попали точно в цель. Зафира знала – он любил мать; вот почему его слова были полны такой ярости.

– Я научила тебя всему, что ты знаешь, – нежно сказала мать. – Время у нас ещё есть... я научу тебя сдерживать и направлять тьму. Подчинять тени твоей воле.

– Так же как ты научила его?

Тишина оглушала, словно рёв. Насир не дождался отве-та – резко развернулся и, хромая, направился прочь. Тени скользили за ним по пятам. Зафира с трудом удержалась, стараясь не смотреть ему вслед, прекрасно зная, что это не укроется от Серебряной Ведьмы.

– Послушай меня, Охотница, – проговорила мираги. – Всегда имей при себе клинок и великодушие. Никогда не угадаешь, что именно тебе понадобится, – Зафира уловила что-то в её словах. – И нет, ты не можешь вернуться домой.

Цель. Вот что она ощутила! Цель, которая вытаскивала её из этого всепоглощающего чувства, выбивающего почву из-под ног – чувства, что она – ничто.

– Если вернёшься, значит, всё твоё путешествие на Шарр потеряет смысл. И гибель твоего друга Беньямина, и пленение Альтаира – всё будет напрасно.

Возможно, ведьма всегда знала, что у них нет нужды в da'ira, обладательнице удивительного таланта находить то, к чему стремилось сердце. Возможно, Анадиль просто виде-

ла в Зафире то, чего Зафира не видела в ней, но знала из воспоминаний Джаварата, – обладательницу доброго сердца и чистых намерений. Такой была сама Серебряная Ведьма, прежде чем пала жертвой лживых искушающих речей.

– Сердца умирают. Извлечённые из своих домов, они постепенно иссыхают, рассыпаются с каждым мигот. Верни их в минареты, или волшебство исчезнет навсегда.

Глава 3

Согласно его философии, вспоминать прошлое – лишь множить морщины. Но теперь, когда Альтаир аль-Бадави был закован в цепи и заперт в сыром трюме корабля, ему не оставалось ничего иного, кроме как вспоминать.

Большую часть своей жизни он провёл, борясь за любовь матери, пытаясь заслужить хотя бы тень её улыбки каждый раз, когда она смотрела на него. И хотя он быстро понял, что мать видела в нём воплощение своих неудач, лишь на Шарре Альтаир осознал весь масштаб этого. Она была одной из Сестёр, той самой причиной, по которой исчезло волшебство, и она...

Альтаир скривился, не позволив себе закончить эту мысль. Не каждый день узнаёшь, что ты – сын Ночного Льва.

Солнечный свет просачивался сквозь крохотное подобие окна, отмечая ход времени – два дня прошло с тех пор, как он трудился с ифритами на Шарре, чтобы спасти корабль, на котором они плыли теперь. И за эти прошедшие два дня его кормили и даже выделили ему стул, на который он мог сесть. Неплохо для пленника.

Если бы его только не доили, как призовую козу.

Время от времени приходил ифрит, приковывал его крепче к стене, чтобы лишить всякой подвижности, а потом рассекал ему ладонь и наполнял кружку для Льва. Альтаиру бы-

ла отвратительна такая участь – стать подпиткой для *dum sihr* отца, запретной магии, которая позволяла любому преодолеть собственные пределы, способности, дарованные при рождении. Но даже хуже, чем цепи и кровопускания, были эти оковы, охватывавшие его предплечья на четверть, подавлявшие его Силу. Тяжёлый чёрный металл, испещрённый словами на древнем сафаитском языке. Что-то словно толкалось в его венах, тянуло за них, и Альтаир чувствовал, как странное воздействие заставляет его разум потерять остроту. Это беспокоило его куда больше, чем потеря физической силы: значит, теперь Лев всегда будет на шаг впереди.

*Laa*⁴. На *половину* шага.

Щёлкнул засов, и Альтаир рухнул обратно на свой ветхий стул, закинув ноги на потёртый стол, не обращая внимания на звон цепей. Ночной Лев вошёл в трюм, и его ноздри трепетали от гнева, что весьма обрадовало Альтаира.

– Твоя орда медлительна, – заявил Альтаир так, словно обращался к своим людям в форме. То, что он был закован в цепи, не означало, что он поступится достоинством. Богачи ведь всегда щеголяли цепями. – Мы даже не близко от берега. Ну а теперь, когда на стороне Насира Серебряная Ведьма, ткущая иллюзии так же искусно, как ты – свои тени, они точно доберутся до материка раньше, чем ты. Время – всего лишь ещё один мираж, который она может подчинить своей воле. И когда мы причалим там – где бы ты ни собирался

⁴ Laa – нет.

причалить, – мой брат будет ждать.

На этом бравада Альтаира закончилась. Его брат ведь был всё тем же Принцем Смерти, которого он сопровождал на Шарр, прекрасно понимая, что тому было приказано похоронить Альтаира на этом заброшенном острове. Вместо этого Насир просто оставил его там.

Насир и zumga – чужаки, ставшие семьёй, – просто развернулись и сбежали, бросив его на милость врагу. Лаа, на самом деле он не знал, будет ли брат ждать его. Но если что-то и удавалось Альтаиру лучше, чем придать себе безукоризненный вид, – так это блеф.

– Твоя свобода, Лев, будет недолгой, – закончил Альтаир, но прозвучало это несколько неубедительно. Ах, доблесть была так соблазнительна, но так изменчива.

Тень усмешки коснулась губ Льва – отражение той, что была так свойственна самому Альтаиру. «Яблоко от яблони...» При мысли о том, что этот человек был его отцом, хотя выглядел едва ли на день старше, чем он сам, становилось не по себе. С другой стороны, самому Альтаиру было уже девяносто – ровно столько, сколько Аравия жила без волшебства. Он был почти в четыре раза старше Насира, но без лишней скромности мог сказать, что выглядел на год младше, чем этот ворчун.

– Как бы тебе сказать? – проговорил Лев. – Анадиль умрёт через три дня.

Возможно, он мог блефовать не хуже, чем Альтаир.

– И тогда, как только твои друзья доберутся до берегов, мы заберём у них Джаварат и оставшиеся сердца. – Лев вскинул голову. – Видишь, мои планы простираются далеко, Альтаир, и многое я могу предусмотреть. Возможно, тебе это знакомо.

Умение Альтаира строить планы и предусматривать всё никогда не служило его личной выгоде или непостижимой жадности. Собрать команду, вернуть волшебство. Простой план, разработанный им вместе с Беньямином, с каждым днём становился всё более запутанным.

Альтаир отказывался верить, что его мать умирает. Отказывался верить, что zumga слишком малочисленна – не теперь, когда позаботился о том, чтобы в Крепости Султана их ждали союзники, владеющие dum sihr, которые смогут защитить их. И более того: у Насира была своя магия, а в распоряжении Зафиры была сила Джаварата, связанного с ней кровью.

Этого должно быть достаточно. Впервые за очень долгое время Альтаиру пришлось напомнить себе, что он должен дышать.

– Почему? – спросил он.

Вот чего он никак не мог понять – в чём была причина этой алчбы Льва. Он отказывался верить, что человек, родной с ним по крови, мог просто жаждать власти. Вряд ли можно придумать причину скучнее.

Взгляд отца застыл – сияющий янтарь в хрустале, – но

Альтаир не сумел прочитатъ этотъ взглядъ.

— Местъ, — отвѣтилъ Лев, но его голосъ выдавалъ не больше, чемъ просто привычку — ни жажды, ни ярости. — И, конечно же, есть нечто большее. Долженъ воцариться порядокъ. Волшебство должно остаться въ достойныхъ рукахъ. Неужели ты полагаешь, что обычные люди понимаютъ всю мощь того, что Сёстры готовы были дарить свободно?

Равенство — вотъ что Сёстры Забвения даровали Аравии, несмотря на все ихъ ошибки.

— Ах, какъ же изобретательны становятся люди въ выраженияхъ, когда дело доходитъ до ихъ пороковъ, — скучающе протянулъ Альтаиръ, ничуть не удивившись. «Порядокъ» въ данномъ случаѣ былъ лишь инымъ определениемъ для «жадности». — Но разъ ужъ ты такъ жаждешь магии, ты, со своей бесконечной жаждой познания, ужъ точно долженъ знать старую поговорку: магия — для всехъ или ни для кого. Нетъ никакихъ «между».

Если, конечно, ты не былъ силахомъ, какъ Серебряная Ведьма. Или полукровкой, какъ Альтаиръ и Насир. Но ещё одно откровение ждало его на Шарре. Всю свою жизнь онъ думалъ, что онъ — чистокровный сафи, а Насир — сафи-полукровка, хоть у мальчишки и были округлые уши.

Что ж, навѣрное, онъ долженъ быть благодаренъ, что не слишкомъ походилъ на отца — на человека, у котораго даже сердца не было. Лев приоткрылъ дверь, ведущую на верхнюю палубу. Странно, что онъ навещалъ Альтаира такъ часто, кажется, даже

без особых причин. Его тёмный тауб⁵ чуть отливал фиолетовым в угасающих лучах заката. Альтаир понял вдруг, что не очень хочет, чтобы Лев уходил.

Тишина оглушала, а призраки были слишком реальными. Слова сорвались с губ сами:

– Ты скорбишь по нему?

Чувства живых мало беспокоили мёртвых, но чем больше времени Альтаир проводил в одиночестве, тем чаще думал о брате своего сердца.

– Я знаю всё о высших сафи из окружения Беньямина, – продолжал Альтаир, хоть слова эти и бередили его древнее сердце. – Он принял тебя в свой круг против их воли, а ты зарезал его проклятым металлом. Ты прекрасно знаешь, сколько мучений он испытывал в последние мгновения своей жизни.

Лев обернулся, глядя на него холодно, оценивающе. Он словно только и ждал, что Альтаир заговорит об этом.

– Ему не следовало пытаться спасти никчёмного.

Насир никогда не нравился Беньямину. Все те годы, которые они строили планы, целью Альтаира было, чтобы Насир занял трон, Беньямин был против этого. Но где-то там, на острове, всё изменилось настолько, что сафи решил – Насир достоин того, чтобы ради него пожертвовать собственным бессмертием.

⁵ Тауб – традиционная арабская мужская одежда, похожая на рубаху до щиколоток, с воротником и длинными рукавами (*прим. пер.*).

– Ты и правда бессердечный. – Альтаир устало рассмеялся.

Улыбка Льва была саркастической.

– Да, чтобы утверждать иначе, мне бы потребовалось сердце.

Он одарил Альтаира долгим взглядом, и тот ответил тем же.

– Мёртвые не чувствуют боли, – мягко добавил Лев, и Альтаир невольно прикрыл глаза. Возможно, именно потому, что он обнажил свои эмоции, отец продолжал: – А вот твои друзья, напротив, прекрасно знали, как больно тебе будет от того, что они оставили тебя. Ты устроил своё маленькое представление со светом, чтобы спасти их – и ради чего? Каково это – чувствовать себя брошенным?

Альтаир напрягся. Он предпочитал думать, что готов ко всему, но эти слова ударили по больному. С его губ сорвался смешок, каких было немало в его арсенале.

– О, так ты хочешь поговорить о чувствах.

Глаза Льва сверкнули, и корабль чуть тряхнуло. С тихим, почти потусторонним скрипом качнулись снасти.

– Если уж кто-то и способен тебя понять, так это твой отец.

– Я польщён, – протянул Альтаир, громыхнув цепями. В первую ночь он наполнил это место светом, прежде чем понял, как воздействовали на него оковы. – Но разве так нужно обращаться с собственным сыном?

Лев просто смотрел на него.

– Они бросили тебя, Альтаир.

Губы Альтаира плотно сжались. Нет, он не станет отвечать, не подарит отцу такого удовольствия. Вот только Лев, как и его сын, умел добиваться своего.

– Они знали, что я стану твоим единственным убежищем.

Альтаиру не нужно было закрывать глаза, чтобы явственно увидеть, как они бежали к кораблю. Волна песка поднялась за ними. Насир. Зафира. Кифа. Мать, которая никогда не любила его. Никто из них его не искал, даже не обернулся.

Ни когда расстояние между ними увеличивалось всё больше.

Ни когда они подняли якорь на корабле Беньямина.

– Они просто забрали то, за чем пришли, и сбежали, – продолжал Лев, и его голос окутывал бархатистой тьмой. Альтаиру пришлось закусить язык, чтобы не отвечать. – Ни разу не обернувшись.

Ни даже когда его заставили упасть на колени и тени обвили его горло.

– Даже не взглянули на мёртвое тело Беньямина.

Альтаир наконец не выдержал, огрызнулся:

– Я сам был там. Нет нужды напоминать.

Лев не улыбнулся. Он не злорадствовал, нет – смотрел на Альтаира сочувственно, словно понимал его мучения. А потом он вышел, оставив пленника в темноте.

Альтаир опустил ноги на пол и, опустив голову, закрыл

руками лицо.

Глава 4

Смерть пришла до рассвета, и возвестил о ней оглушительный грохот. Трюм трянуло так яростно, что Зафире показалось, что у неё выпадут зубы. В свете раскачивавшихся светильников она видела изломанные тени – словно zumra, неверным шагом идущие прямо на погибель. И сердца рассыпались в прах.

Закинув Джаварат в сумку, девушка собрала стрелы в колчан и бегом поднялась по ступеням, едва не упав по дороге. Казалось, она может мыслить трезво, только когда не держит фолиант в руках.

Последние три дня Зафира провела, листая потрёпанные страницы, безуспешно пытаясь сосредоточиться на древнем сафаитском, и в итоге у неё сложилось ощущение, что книга просто не хочет быть прочитанной. Джаварат хотел лишь, чтобы его держали в руках, перебирали страницы, любовались изысканной вязью письмен и i'jam⁶. И Зафира понимала, как ни абсурдно было об этом думать, что у книги есть свои желания. Впрочем, не более абсурдно, чем умение артефакта говорить.

И влиять на других.

Нет, Зафира не была глупа, но Джаварат играл с ней, и девушка понимала: чем больше она вслушивалась в шёпот

⁶ Ġjam – диакритический знак в арабском шрифте, обращение согласного.

книги, чем больше пыталась понять, чего хочет фолиант, тем опаснее становилось каждое её действие. Вот почему она стала осторожнее, ведь теперь в её руках было нечто гораздо большее, чем лук, и от неё зависела не просто судьба какого-нибудь несчастного оленя или зайца, а будущее всей Аравии. И сердца, когда-то принадлежавшие даамовым⁷ Сёстрам.

Проблема заключалась в том, что она не могла просто взять и перестать слушать.

На палубе звенели хриплые крики зарамцев, в которых не было ни паники, ни страха. А когда корабль перестало трясти, Зафира нахмурилась, увидев вокруг сияющие лица и усталые улыбки.

– Что это был за грохот? – спросила она, перекрикивая ветер.

– Якорь, – отстранённо ответил Насир, и девушка посмотрела, куда он указывал.

Морские волны лениво ласкали умбровый берег. Вздывавшиеся дюны уходили вдаль, и рассвет окрашивал пески золотом, напоминая Зафире, как ветер играл с кудрями Дина и локонами Ясмин.

Девушка сглотнула, подавляя нахлынувшие чувства – смесь страха и тоски по друзьям. Она так хотела увидеть Ясмин, рассказать, как сильно жалела о том, что не сумела спасти брата подруги. Как сильно жалела, что не любила его

⁷ Даамов – проклятый.

достаточно. Но как сильно Зафира ни желала увидеть Ясмин снова – а ещё Умм и Лану, – она не могла унять дрожь.

– Крепость Султана. Город, что не принадлежит никому и повелевает всеми, – провозгласила Цзинань.

Каждый ребёнок в Аравии знал о Крепости Султана. В школе они изучали карты, историю на папирусе. Прежде чем возник Арз, под стенами города располагался залив, и на берегах бурлила жизнь – яркие разноцветные шатры, высокие арки окон, минареты, пронзавшие небо.

Всё это было здесь и теперь, но тусклое, безжизненное. Теперь в этом месте обитали призраки, и лишь одинокий сокол лениво кружил в небесной выси.

– Народ предпочёл страх перед Арзом страху перед султаном, – объяснил Насир.

Впереди Зафира видела свидетельства жизни – песок вздымался далеко-далеко, у туманных силуэтов минаретов, и ветер доносил гул дневной суеты.

– Пройдёт немного времени, и жители вернутся сюда, – проговорила Кифа, когда к ним присоединилась Серебряная ведьма. – Теперь, когда Арза больше нет.

После себя Арз оставил хаос – колючие кустарники и ветки, камни, туши животных. Не прошло и недели с тех пор, как проклятие было снято с Аравии, а песок уже поглотил остатки леса. Нигде не было видно тёмных деревьев; земля как будто вобрала их, и когти Шарра – а может, и самого Льва – исчезли.

– Что-то зверей не видно, Охотница, – поддразнила Кифа. – Я начинаю думать, что ты была лишь мифом.

– Они сбежали в глубь земель, – сказала Серебряная Ведьма.

Зафира знала – Арз исчез в тот самый миг, как они вынули пять сердец из великих деревьев Шарра. Когда Лев украл одно, а зумга сбежала, оставив Альтаира там. Каждый рывок их корабля был напоминанием о том, что Арз, эта гробница, неизменно захватывавшая всё больше земель, та самая непокорная тёмная чащоба, делавшая Зафиру той, кем она была, пала.

Но увидеть подобное воочию – совсем иное: эта окончательность рассекла что-то внутри неё, оставив брешь. Слова Серебряной Ведьмы, точно нож, рассекли эту брешь ещё глубже, и девушка вздрогнула от тишины в воздухе. Перемены.

«Кто же я?» – спросила она у моря. Волны нашептали ей ответ, который она не могла понять, и Зафира вспомнила, как уже стояла на берегу, почти как сейчас, на гладких чёрных камнях.

Она увидела Ясмин в бледно-голубом платье, которая махала ей вслед. И дорогая Лана жалась к подруге. Миск кивнул в знак прощания – шпион, которого никто из них даже не думал подозревать и не подозревал бы до сих пор, если бы Зафира не узнала правду от Беньямина на Шарре. Зловещие слова сафи о Деменхуре эхом отдавались в её разуме.

О том, как султан обратил свой взор на вторую по величине армию Аравии и взял её под контроль так же, как уже сделал прежде с Сарасином.

– Нужно было сперва отправиться в Деменхур, – уже в тысячный раз сказала Зафира. Насир сопровождал её к шлюпке, нёс ящик с сердцами. Девушка не хотела, чтобы её слова прозвучали так эгоистично, как она себя чувствовала, и добавила: – И просить халифа о помощи. Кто знает, где сейчас Лев?

Она отвела взгляд от небольшого ящика, ощутив укол вины. Было ли эгоизмом беспокоиться о своей семье? Желать удостовериться, что с ними всё хорошо? Было ли эгоизмом выбрать не семью, а восстановление умирающих сердец?

– Кто платит монетой – тот и крутит штурвал, – процитировала Цзинань. – Ну а Хаади-эфенди оставил распоряжения добраться сюда.

«А теперь он мёртв», – этого Зафира не сказала вслух. Со вздохом она села в лодку, и все её инстинкты обострились, когда Насир сел напротив, чуть задев коленом её ногу. «Возьми себя в руки».

Они направлялись в Крепость Султана, где все будут кланяться ему и корона увенчает его голову. Туда, где смерть сидела у его ног и тьма была ему послушна.

И всё же у неё перехватило дыхание, когда нежный солнечный свет коснулся его волос и они блеснули. Когда Насир подхватил весло, и угасшее воспоминание тронуло его губы

слева, отпечаталось морщинками на коже, словно на тонкой конфетной обертке.

А потом Насир смотрел на неё, а она отводила взгляд. Вспышка серебра отвлекла её внимание от палубы корабля Цзинань, когда лодка начала спускаться на воду. Девушка поняла, что именно здесь они и расстанутся с Серебряной Ведьмой.

Анадиль склонила голову, и Зафира с удивлением поймала себя на том, что будет скучать по этой женщине. «Ну разве что самую малость».

Серебряная Ведьма посмотрела в глаза сыну, прощаясь, и Насир перехватил этот взгляд, и его губы сжались. Он держал в узде все свои эмоции, скрытые глубоко под пепельным стеклом его глаз.

Шлюпка коснулась ласковых вод моря в тени корабля. Судно купалось в солнечных лучах – изогнутый золотой птичий клюв, перья крыльев, складывавшихся в языки пламени. Феникс. Над парусами развевался бирюзовый флаг с гербом Зарама – золотой топор и три капли крови. Вёсла ритмично рассекали лазурные волны, убаюкивая, но потом Цзинань начала болтать, и её команда не меньше, чем она сама, хотела говорить обо всём и ни о чём.

– Как можно столько болтать? – наконец спросила Кифа с наигранным изнеможением.

Зафира не слышала, что ответила Цзинань. Они уже приближались к берегу, когда она ощутила, словно чей-то палец

провёл по позвоночнику. Воздух стал тяжёлым – предупреждение. Охотник – а точнее, Охотница – всегда прислушивалась к дыханию земли.

– Что-то неправильно, – тихо проговорила она.

Кифа стукнула себя копьём по бедру и покачала головой.

– Чего нам бояться? Мы – призраки, исправляющие ошибки. Никто и ничто не встанет на нашем пути.

– Вычурные слова никому ещё не помогли выжить, – заметила Цзинань, когда лодка скользнула на песок берега.

– Жаль, что ты никогда не встречалась с Альтаиром, – ответила Кифа.

Зафира вышла на берег первой. Здесь тяжёлое чувство лишь усилилось, и по рукам побежали мурашки. С чавканьем она вытащила ногу из мокрого песка. Команда развернула лодку и начала грести обратно к кораблю, громко прощаясь. Цзинань, такая же беззаботная, как и её моряки, разминала ноги.

– Нет ничего, что я любила бы больше, чем море под ногами. А всё-таки приятно размять ноги на твёрдой земле.

– Ах, маленькая жар-птица, ты говоришь как старик, – ответила Кифа. Теперь, когда она выбралась с тесного корабля, её голос звучал с азартом. – Эй, а почему ты не вернёшься с остальными?

– Ну, боюсь, тебе придётся ещё некоторое время потерпеть моё общество, пока я не получу причитающееся мне серебро. А моя команда в это время отвезёт ведьму на ост-

рова Хесса и вернётся. Не уверена, можно ли доверять монетам от ведьмы, но предложение было слишком соблазнительным, чтобы отказаться.

– Что ты собираешься делать с таким количеством серебра? купишь себе стульчик?

– Тихо, – велел Насир, и Зафира мгновенно натянула тетику. Лук лежал в руках как родной – она соскучилась по этому чувству.

Кифа перехватила копье. Насир осторожно зажал ящик под мышкой, а свободной рукой обнажил свой скимитар.

Солнечный свет скользил по барханам и заброшенным зданиям. Зафира не заметила фигуры в капюшонах, пока что-то не ужалило её в шею, и в следующий миг мир погрузился во тьму.

Глава 5

Затишье, наступившее сразу после того, как якорь с оглушительным скрежетом прочертил по дну, было бесконечно хуже любой тишины, которую Альтаир слышал прежде. Хуже, чем тишина, воцарявшаяся после умащения свежего трупа. Хуже, чем молчание в ответ на непринятое предложение.

Хотя, возможно, последнее и было самым ужасным – откуда ему знать? Никто никогда не отказывал таким, как Альтаир.

Он сразу узнал тёмные пески и мрачное небо Сарасина. Хотя теперь небеса стали ярче, а песок – не таким чёрным, это место идеально подходило для ифритов и дурных предчувствий, сжимавших его желудок вместе с голодом. Что чувствовала мать, когда сбежала из Шарра после того, как Сёстры пали, а Лев был заключён в ловушку, сбежала, отягощённая бременем в утробе? Каково ей было притворяться кем-то иным, рассказывать сыновьям, что они – сафи по крови, наследие, многократно уступающее редкой крови силахов?

Альтаир связал эти мысли и загнал поглубже.

Он последовал за Львом вниз по деревянным сходням, размахивая руками и гремя цепями так громко, что даже мёртвые в далёком Зараме бы проснулись. Альтаир скользил взглядом по заброшенным ветхим домам, вырисовывав-

шимся у берега, в поисках помощи, но вокруг была лишь пустота, и осознание, что он остался совсем один, пробирало до самых костей.

Ничего. Никого. Они ещё не успели прибыть, иначе бы были здесь, не так ли? Альтаир знал, что Насир и остальные должны попасть в Крепость Султана, и всё же. Если бы он потерял кого-то из своих, то объехал бы целый свет, только бы отыскать.

– Их здесь нет.

От голоса Льва Альтаир вздрогнул. В протянутой руке тот держал кусок лаваша. Вторая половина осталась у него, для себя. Только Насир делил еду пополам настолько идеально.

– И всё же твой взгляд блуждает в поисках тех, кто никогда не придёт.

«Тише, тише», – пели волны, плескаясь о песок, жажда унести тайны к новым берегам.

– Я – генерал, – ответил Альтаир наконец. Пищу он принял осторожно, нерешительно, хотя голод притупил его гордость. – Бдительность уже вошла в привычку.

Лев хмыкнул:

– Мы найдём их, не беспокойся. Если они не придут за тобой, мы отправимся за ними.

– И как же ты это сделаешь? – устало спросил Альтаир.

– С помощью крови – твоей и моей. Dum sihr. Есть одно заклятие, имитирующее заклинание Охотницы. Мне нужно лишь найти его. – Лев нахмурился над своей внезапной иг-

рой слов.

Альтаир с облегчением сошёл со сходней. Пустыня – не вполне твёрдая земля, но она хотя бы не покачивалась, как море, и не кренилась, как корабль на волнах. И всё же пустыня была такой же бесплодной. На многие мили вокруг не было ничего. От пустоты в груди стало больно.

– Почему? – вдруг спросил Лев, с любопытством склонив голову набок. Солнечный луч окрасил резкие линии его татуировки, заставил переливаться. – У тебя нет ни имени, ни трона. Аравия ничего тебе не дала, тогда как ты отдал ей всё.

«Ради чего?» Вот что хотел знать Лев.

Альтаир уже давно знал, что никогда не станет королём. Слишком долго мать держала его в тени. Ни разу она не назвала мальчика рядом своим сыном. Ни разу она не делила с ним трапезу и не держала его за руку.

Слишком больно было на него смотреть. Слишком грешно.

Десятилетия спустя Гамек был назначен её преемником – первый смертный, претендовавший на трон. Но судьба Альтаира была решена задолго до того, как родился их наследник – темноволосый, сероглазый. Мальчик с огромным потенциалом и великой целью, которого перековали в клинок.

Альтаир полагал, что мог бы ревновать, если бы был устроен иначе, если бы трон не был ему безразличен и если бы не знал, что к позолоченному трону прилагались испытания и невзгоды.

Но он был проницателен.

Мать заглядывала в тени – не для того, чтобы увидеть, что он оставался там, а для того, чтобы убедиться, что он в безопасности. Она дала ему лучшие покои во дворце и свободу, достойную принца. Она обеспечила ему опеку и лучшее обучение. Это были жалкие крохи любви, но каждая кроха заставляла его сердце трепетать, научила его ценить хрупкость чувств.

Альтаир любил Аравию, и поскольку некому было любить его, он любил себя сам. Более того, он посвятил свою жизнь тому, чтобы заслужить эту любовь, убедить себя, что он не был бичом, проклятием, каким считала его мать.

– Как думаешь, она желала скрыть тебя от меня? – спросил Лев, и Альтаир невольно замер – в голосе собеседника не было пренебрежения.

На этот раз «она» относилось к Серебряной Ведьме, но Альтаир не считал, что мать настолько боялась Льва. По крайней мере, пока он не вонзил свои когти в Гамека.

– Толку-то, – ответил Альтаир, отпрянув, уперевшись пятками в песок.

Тень улыбки коснулась губ Льва.

– И то верно. В конце концов, она бросила тебя, как и они. И Бенъямин в какой-то мере тоже. Когда он прыгнул наперерез, то предпочёл тебе принца.

Альтаир привык к тому, что всегда был вторым. Он убеждал себя, что совсем не возражает против такого порядка ве-

щей.

Но почему же тогда казалось, словно сердце пронзают ножи? Почему вены под кожей вздуваются от внезапного жара?

– А ты – предпочёл меня? – насмешливо спросил Альтаир. – Я правильно понимаю? Но будь это так, я не был бы закован в цепи, точно зверь.

Лев опустил взгляд, задумчиво глядя на цепи.

– Что ж, возможно, пришло время для нового союза.

Альтаир взглянул на него, не обращая внимания на шум в крови, на гудение. На чувство, которое пришло с этими переменами, словно он... нужен.

– Месть мне не подходит, Баба.

Лев размышлял над его словами, изучая сына, пока солнце поднималось всё выше и ветра струились между ними.

А потом он обернулся, и Альтаир едва услышал его тихий приказ:

– Отойди в сторону.

Чёрный вихрь пронёсся мимо, выпуская на Сарасин орду в их истинном обличье – изменчивых, бесформенных созданий бездымного пламени. Некоторые из них были крылатыми, когтистыми, не сдерживаемыми пределами человеческой формы.

Лев улыбнулся.

– Вперёд, мои сородичи, – мягко приказал он. В тот миг Альтаир не гордился тем, что замер от восхищения. – Аравия принадлежит нам.

Глава 6

«Смерть вселяет дрожь в сердца живущих.

Живи так, словно ты – сама смерть. Повелевай ею, словно ты – её господин. Не полагайся ни на кого, ибо в самый тёмный час даже твоя тень покинет тебя».

В итоге пугала Насира не смерть, ведь мать хорошо обучила его. Ужас в нём вызывала тьма – и одиночество, которое она приносила с собой, напоминая, что он всегда был один. Тьма лишала его зрения, оставляя лишь бездну, кошмар, в котором были:

Юноша, увенчанный серебряным обручем, скованный теньями.

Солнце, которое поглотили сомкнувшиеся челюсти.

Девушка, чьи волосы были заплетены в корону, точно у королевы, а огонь в льдистых глазах заставлял его преклонить колени.

И был голос, что говорил: *«Не страшись тьмы, ведь ты можешь стать ею».*

Когда Насир очнулся, в глаза бил свет вечерней зари. Его вздох поднял облачко пыли. Шея отозвалась тупой болью там, куда вонзилась игла. Он зарылся пальцами в коврик, на котором лежал, – тот был соткан из тончайшей овечьей шерсти, а под ним блестел каменный пол. Ничто из этого не было знакомо, но где бы Насир сейчас ни находился, недостатка в

динарах здесь явно не испытывали.

Да и храбрости у похитителей явно тоже было в избытке. Шутка ли, похитить Принца Смерти. Насир не ждал, что в Крепости Султана его встретят с распростёртыми объятиями, но не ожидал также, что попадёт в неприятности *на- столько* скоро.

Зафира рядом пошевелилась – он услышал шорох её одежд. Её волосы рассыпались по светлому шерстяному ковру. Грудь поднималась и опадала, доводя его до исступления. Ковёр под ними стал подобен простыням во дворце султана. Её волосы, заплетённые короной, превратились в серебряный обруч и шёлковый платок. Насир судорожно вздохнул.

Как непохоже на него – мечтать. Желать.

Всего несколько ударов сердца, но Зафира ведь смотрела на него с тем же огнём из-под тени капюшона, словно знала, что его мучило. Словно у неё имелся тысяча и один вопрос, но именно по его вине они были пленниками молчания. Несколько слов переросли в день, протянулись к восходу луны и продолжали расти – словно гноящаяся рана, воспаляющаяся с каждым днём. *«Это ничего не значит»*.

Он никогда не умел говорить ладно, но прежде и не думал, что будет сожалеть об этом.

С другой стороны застонала Кифа, и Насир быстро отвёл взгляд, прежде чем Советница села, недоумевая, чем он так раздражен. Он размял запястья, на которых не было наручей. Обувь с него так же сняли, как и с остальных. Да, в помеще-

нии принято снимать обувь, но всё-таки не принято, чтобы её с тебя снимал кто-то другой.

– Сердца! – вдруг воскликнула Зафира, садясь.

Насир дёрнулся, упёрся локтем в ящик рядом с ними. «Ящик!» Он резко открыл крышку, невольно затаил дыхание, когда увидел, что все четыре сердца пульсируют внутри. Его подозрения выросли втрое.

– Эй. А где Цзинань? – спросила Кифа, с нарастающей тревогой разглядывая просторную комнату: алые меджлисы⁸ на полу, почти не изношенные подушки, словно здешние обитатели никогда не сидели подолгу. Россыпь карт и старых папирусов, тростниковые палочки для письма, астролябия и незаконченные заметки. Вдоль противоположной стены выстроились полки, полные книг и старинных артефактов, которые, казалось, вот-вот рассыпятся. Сбоку была единственная дверь – закрытая.

И ни следа зарамского капитана.

– Это место, – Кифа говорила тихо, медленно. – Оно напоминает мне о доме.

То, с каким усилием давались ей слова, дало понять, почему вязь чернил пелузианских эрудитов не украшала обе её руки.

Зафира поднялась с тем проворством, от которого у Насира всегда сжималось горло, и он отметил, как девушка быстро потянулась за сумкой – убедиться, что Джаварат всё ещё

⁸ Меджлис – невысокий арабский диван.

внутри. «Повезло же этой книге».

Он раздвинул шторы на одном из узких окон и выглянул наружу: финиковые пальмы, ухоженные сады, богато украшенный край огромного здания. Взгляду открывалось немного, но это точно были не трущобы. Дворец, должно быть, лежал совсем недалеко отсюда. И отец, скорее всего, был совсем недалеко, под властью медальона и чудовища.

– Похищение, – проговорила Кифа, и её голос чуть звенел от напряжения. – Подумать только – из всего, что с нами могло случиться в Крепости Султана, случилось это.

– Ты знаешь, где мы? – спросила Зафира.

Не сразу он понял, что вопрос обращён к нему. Взгляд ледяных глаз застал его врасплох. *Rimaal*⁹, он становится слишком мягким.

– Я не знаю, что находится внутри каждого дома в Крепости Султана, – ответил он – резче, чем хотел.

– Если бы знал, я бы невольно задавалась вопросом – принц ты или амбициозный управляющий.

Он сжал в кулаке клочок тени.

– Нет, я не знаю, где мы.

– Видишь, не так уж сложно было ответить, правда? – Она удовлетворённо усмехнулась, и в груди кольнуло.

– Мужчины – как рыбы, – сказала Кифа, и её голос чуть дрогнул, выдавая напряжение.

⁹ Rimaal – пески (в значение ругательного слова, как, например: чёртовы пески!).

– Блестящие и почти без мозгов? – уточнила Зафира. Кифа, помедлив, подняла ящик.

– Я почти что ожидала ответ Альтаира.

Это стало для него своего рода сигналом, тревожным напоминанием: хватит уже попусту тратить время. Насир попробовал покрутить бронзовую ручку на двери и замер, поняв, что она не заперта.

– Лев может быть там, снаружи, – предупредила Зафира. Подняв лук, она жестом указала на его меч и копьё Кифы. – Цзинань нигде нет. Мы не связаны, невредимы, и оружие всё ещё при нас. Кто бы ни ждал нас снаружи – он нас не боится.

Насир пропустил мимо ушей холод в её словах.

Короткий коридор вёл в комнату, залитую лучами вечерней зари. В нос ему ударил аромат оленины, жаренной в травах, и тёплого хлеба. В животе заурчало, прежде чем до них донеслась далёкая печальная мелодия. Зафира напряглась, втянув плечи.

Что-то в воздухе изменилось, когда прозвучал чей-то вздох. Насир резко развернулся. Пара ударов сердца – и кончик его клинка уже был прижат к горлу незнакомца.

– Прошу простить за соблюдение необходимых мер предосторожности.

«Беньямин...» – пронеслось в уснувшей части его разума, и перед внутренним взором возникли глаза цвета умбры и кошачья усмешка. Но хотя слова эти были произнесены расслабленно, с отчётливым сафайтским акцентом, тон не был

таким уж добродушным.

Незнакомца не остановило и лезвие у самого горла. Казалось, сафи вообще этого не заметил, и Насир почувствовал себя полным дураком, когда на свету блеснули два кольца, сверкающих на кончике удлинённого уха.

Кожа у сафи была такой же тёмной, как у Кифы, – гладкой, коричневой, и вокруг левого глаза змеилась золотая татуировка. При виде её Насир немного расслабился, прежде чем прочитал смысл: *nuqí*. Чистый. Напоминание, что не все сафи были столь дружелюбны, как Беньямин. Многие из них ценили так называемую чистоту расы, совершенство, и смотрели на всех остальных сверху вниз. И словно одной этой татуировки было недостаточно, чтобы подчеркнуть его надменность. Его тауб был украшен вычурными кремовыми и золотистыми вставками, а большинство пуговиц – расстёгнуто, обнажая торс.

– Чего б и все остальные не расстегнуть, – пробормотала Кифа за спиной Насира – слишком тихо, чтобы быть услышанной... Услышанной человеком.

– Я могу, если желаешь, – протянул сафи, и Насир едва сдержался, чтобы рискнуть своим достоинством и увидеть, что может её смутить. – Принц отбывает на Шарр и возвращается дикарём. Не могу сказать, что это меня удивляет. Но разве так надлежит относиться к гостеприимному хозяину?

– Гостеприимный хозяин не берёт своих гостей в плен, – заметила Зафира.

– И всё же ты здесь, смертная. Несвязанная и невинная, – ответил он, повторив её собственные слова, и коснулся двумя пальцами шнура, стягивающего тёмную бороду. Шнур был того же оттенка, что и его тюрбан, – цвета слоновой кости.

– А где же тогда зарамийка, которая была с нами? – спросила Кифа.

– Полагаю, вернулась в море. После того как она получила целую гору обещанного ей серебра, она ушла, даже не обернувшись. А что, вы ждали чего-то иного от зарамцев?

Насир прекрасно знал, как это бывало с людьми, жадными до монет. Они набивали карманы и разворачивались к тебе спиной, и их совершенно не беспокоило, что их наниматель погиб на зловещем острове.

– Напомни, кто ты? – спросила Кифа.

– Сеиф бин Укуб, – ответил сафи. На этом даже поверхностное дружелюбие исчезло. – Назад, принц. Может, в твоих жилах и течёт королевская кровь, но я расчленил некоторых и поважнее тебя.

Тишина налилась тяжёлым предчувствием кровопролития. И кровопролитие непременно случилось бы, если бы Насир не побывал на Шарре. Если бы не обрёл там брата и друзей, и свою голубоглазую охотницу, которая сейчас смотрела на него с безмолвным приказом. Стиснув зубы, он опустил клинок, одарив сафи напоследок тяжёлым взглядом, прежде чем отступил и занял место между Кифой и Зафи-

рой.

– Что тебе нужно? – спросил он.

– Где Альтаир аль-Бадави бин Лаа Шайи?

Ничей сын.

– Ты хотел сказать – Беньямин? – спросила Кифа, наконец вызвав хоть какую-то эмоцию в его бесстрастном взгляде. Глаза сафи были бледно-золотыми, и радужка пугающе почти сливалась с белками. – Татуировка, – объяснила девушка, всё ещё удерживая копьё наготове. – У Беньямина тоже была татуировка. Ты – из его круга сафи.

– *Высших* сафи, – поправил её Сеиф, как будто кому-то из них было дело до древнейших родов Аравии – богатых, влиятельных и мудрых. – Мы – древняя кровь. Во главе с Беньямином мы защищали тайны Аравии, давали наставления Альдемарину, и не только ему, до тех пор, пока мы не распались, потому что он привёл к нам предателя. Совсем недавно Высший Круг был собран снова, согласно повелению Альтаира аль-Бадави.

Сердце Насира пропустило пару ударов.

Альтаир собрал Круг? Стало быть, это Беньямин отправился на Шарр из-за Альтаира, а не наоборот, как предполагал Насир. Значит, это Беньямин был пауком Альтаира, как и девушка в таверне, и Кульсум, и, может, даже Цзинань.

На миг разум Насира затуманился, и он вспомнил Альтаира, который вёл себя как пьяница и распутник. Принц чуть не рассмеялся над собственным невежеством, над своими

эмоциями, от которых стало больно дышать.

Конечно же, это был Альтаир. Ни у кого больше не было столь высокого положения у самого трона Аравии. Никто больше не был генералом, наделённым правом свободно путешествовать по халифатам. Альтаир с самого начала дёргал за ниточки. Он филигранно сплёл паутину тайн и лжи, скрытых за беспечными усмешками и витиеватыми словами. Но каждый его вздох был тонко рассчитан, чем не мог похвастаться никто.

Альтаир спланировал всё это заранее, вплоть до того, что был назойливым шипом в боку султана и позаботился о том, чтобы его отправили на Шарр вместе с Насиром. Принц боролся с эмоциями, сдавившими горло. Кто он такой, чтобы гордиться этим дуралеем, своим единоутробным братом? «Ты любишь его». Он рассёк эту мысль надвое.

Rimaal, они ведь оставили Альтаира со всей его бездной тайн на милость Ночного Льва.

– Как бы там ни было, никого из них с нами нет, а тебе, принц, здесь не рады.

– Насколько я помню, это вы напали и привели меня сюда. Так что сделай милость, избавь меня от своей ненависти, – тихо ответил Насир.

– Сеиф, – прозвучал ещё один голос, словно предупреждая.

В комнату нежно-розовым вихрем ворвалась ещё одна сафи.

– Marhaba¹⁰, мои дорогие, – проговорила она, чуть улыбнувшись. – Я рада вам.

Её голос был родом из мечты, ирреальный, мелодичный. Большие карие глаза были широко распахнуты, и она выглядела бы невинной, если бы не удлинённые уши и татуировка вокруг левого глаза, говорившие о её древнем возрасте. Высокие заострённые скулы, распущенные бронзовые волосы со вплетёнными в них нитями жемчуга. Она была самым прекрасным созданием из всех, каких только доводилось видеть Насиру.

– Ваша юная спутница ушла, как только мы заплатили то, что ей причиталось. Теперь она направляется на острова Хесса вместе с Анадиль.

Кажется, кто-то поменял свои планы, но Насир вынужден был признать – он вздохнул с облегчением, когда узнал, что капитан корабля доставит его раненую мать на острова.

– Как жаль, что у меня под рукой нет нужных средств, чтобы исцелить рану, нанесённую проклятым металлом. В противном случае я бы сама занялась её исцелением, – добавила сафи.

Брови Насира приподнялись, но в её голосе не было ни намёка на гордыню – только практичность, несвойственная сафи.

– Простите за то, как мы приняли вас. В этом городе более небезопасно, и осмотрительность чрезвычайно важна.

¹⁰ Marhaba – здравствуйте.

– Разве Крепость Султана когда-либо была безопасной? – спросила Кифа, и Насир одарил её тяжёлым взглядом.

Гамек мог быть каким угодно, но он никогда не сеял панику. Вот почему так полезен был убийца – такой, как Насир.

– Безопаснее, чем теперь, – ответила сафи. – Султан объявил о резком повышении налогов. В народе волнения, и кое-кто даже поговаривает о восстании. Стража султана выжидает, и город затаил дыхание. Даже в Сарасине в последнее время легче.

Прежде чем Насир успел спросить, почему это они должны ей доверять, он увидел простой чёрный обруч, охватывавший её виски. Такой же он видел раньше – на сафи с кошачьей усмешкой и мудрыми глазами цвета умбры.

Глава 7

В тот самый миг, когда печальная мелодия достигла слуха Зафиры, она снова оказалась на золочёном балконе в Аль-дерамине.

– Это ведь ты, да? – спросила девушка, чувствуя, что впервые с тех пор, как они покинули корабль Цзинань, может ослабиться. – Ты – супруга Беньямина.

– Не оскверняй его имя своим смертным ртом, – огрызнулся сафи по имени Сеиф, и Зафира едва удержалась, чтобы не огрызнуться в ответ. На одной лишь красоте далеко не уедешь. – Посмотри на них, Айя.

– Думаешь, мне стоит произносить его имя по буквам, когда я говорю о нём? – резко ответила Зафира, а потом встретилась взглядом с супругой Беньямина. С Айей. – Я слышала твой голос... в сновидении Беньямина.

– Он проводил тебя по снам? – спросила сафи, удивлённо склонив голову.

Зафира внезапно почувствовала, что сделала что-то очень неправильно. Беньямин был прав – Айя была самым прекрасным созданием из всех, кого Зафира когда-либо видела. А ещё было в ней что-то нереальное, нездешнее, как в ускользающем сне. Айя словно существовала в своём мире, отдельно от всех них.

– Снова обрести возможность бродить по снам – только

об этом он и говорил, когда мы покинули Альдерамин. И он, и Альтаир были уверены, что на Шарре можно найти и волшебство, и причину того, почему Аравия пала, ибо там, на Шарре, всё начиналось. Наши пути разошлись в Пелузии – он остался там, чтобы искать помощи у Девяти Советниц. Сеиф и я отправились в Деменхур, чтобы найти тебя, но, когда добрались, тебя там уже не было. Здесь, в Крепости Султана, мы должны были встретиться снова, когда Арз падёт.

Но Беньямина здесь не было. Он никогда не вернётся.

Айя попыталась улыбнуться им, но не сумела.

Nanan, гласила её татуировка на древнем сафаитском наречии, и означало это «любовь» – тёплую, страдающую. Добрую. Эти буквы вились вокруг её глаза, и на её коже им было самое место.

Тук-тук-тук. Постукивание копья Кифы вдруг нарушило тишину, и Зафира не сумела произнести ни слова, не сумела ответить на безмолвный вопрос Айи, думая об Умм и Бабе. Как же можно было пережить смерть супруга, которого любила *целые века*?

– Он обрёл отдых с Сёстрами, – наконец сказал Насир, и Зафира невольно вздрогнула от нежности в его голосе.

Айя тихонько вскрикнула. Сеиф замер, и его взгляд застыл от изумления.

– Он... его смерть была благородной.

– Благородной? – рявкнул Сеиф, и Насир вздрогнул, без сомнения, вспоминая, *почему* погиб Беньямин. – Смерть –

насмешка, неизбежная для всего вашего рода. Только смертные украшают трупы красивыми титулами. Ты слышишь, как они говорят о твоём возлюбленном, Айя?

Зафира подумала, что если что-то Сеиф и любит больше себя самого, так это слово «смертный».

– А ты помнишь, как *вы* говорили о нём, Сеиф? Как Высший Круг сторонился моего возлюбленного, когда он действовал согласно доброте своего сердца? – тихо спросила Айя. Прикрыв глаза, она чуть слышно вздохнула. – Как? Как случилось, что Беньямин... погиб благородной смертью?

Насир тонул в тишине, и целая буря чувств пылала в его взгляде. На этот раз ответила Зафира:

– Он прыгнул, приняв на себя удар посоха из проклятого металла.

Она не сказала, что посох принадлежал Ночному Льву – тому, к кому Беньямин некогда проявил доброту, из-за чего потерял расположение своего народа. Так неправильно, что Сеиф, очевидно, всё ещё презирал его именно за это. Лаа, Зафира не собиралась осквернять память своего друга таким образом.

– Мы бы не сумели пересечь Шарр без его мудрости, и мы бы не сумели покинуть остров без его жертвы. – Девушка прикусила язык. Беньямин был её другом, её наставником, учителем. И Зафира не представляла, как Айя держалась, когда сама она содрогалась от боли потери. – Он пожертвовал собой ради Аравии.

Она пропустила мимо ушей резкий вздох Насира, ведь это было правдой. Беньямин доверился зумга, чтобы она завершила начатое. Он верил, что они справятся, иначе бы не совершил то, что совершил, не так ли? Ибо, как и Альтаир, он ничего не делал без цели, хотя в его действиях, казалось, было больше доброты.

Не рассказала Зафира и о том, что Беньямин погиб, спасая принца, которого боялась и презирала вся Аравия. Принца, которого презирал и сам Беньямин за то, что тот не распоряжался собственной жизнью. В конце концов, сафи всё-таки разглядел что-то в Насире – что-то такое, что стоило его жертвы.

Айя подавила всхлип.

– Альтаир всё ещё жив, – добавила Зафира. – Но ему не легче. Он в плену у Ночного Льва.

Сеиф и Айя переглянулись.

– Haider?¹¹

– Именно так. Ваш добрый друг цел и невредим, – сухо добавила Кифа и, заметив, как нахмурилась Зафира, добавила: – Это – истинное имя Льва. – Она подняла руку, демонстрируя татуировки. – Я ведь частично учёный, помнишь?

Сеиф провёл ладонью по лицу.

– Я всегда подозревал, что его планы были слишком далекоидущими. Никогда нам не стоило доверять Альтаиру...

– Довольно, – тихо прервал его Насир. Зафира порази-

¹¹ Haider – Лев.

лась, какие глубокие чувства принц теперь питал к Альтаиру. – Сколько вы это планировали? Годы? Никто не ожидал, что Ночной Лев выживет и будет ждать. Мы нашли Джава-рат и сердца Сестёр Забвения. Мы сражались с величайшим врагом Аравии, в то время как вы просто бесцельно пере-бирались с места на место. Поэтому, сафи, предупреждаю: лучше следи за своим языком.

Сеиф скрестил руки на груди. И хотя ему, должно быть, было уже больше века, он выглядел словно капризный ребё-нок.

– Их сердца? – потрясённо переспросила Айя.

– Те самые сердца, что озаряли минареты и наполняли земли волшебством, – объяснила Зафира. Кажется, все зна-ли, что нечто озаряло минареты, но не знали, что именно. – А теперь сердца умирают.

Кифа сверкнула на неё глазами:

– Что?

Зафира рассказала именно то, что сама узнала от Сереб-ряной Ведьмы.

– Так, погодите-ка. Каким образом сердца Сестёр храни-лись в минаретах, пока они всё ещё правили Аравией? – спросила Кифа, хмурясь.

Зафира не знала бы ответ на этот вопрос, если бы не Джа-варат. Она замерла, прислушиваясь к потоку чужой памяти.

– Чтобы жить, им не нужны были сердца.

Laa, сердца были как драгоценности могущественных

женщин. Украшения, даровавшие им власть, не больше. Чтобы дышать, жить и чувствовать, Сёстрам не нужны были сердца. Совсем не как людям и сафи.

Они могли вырвать себе сердце с той же лёгкостью, с которой вынимают занозу из ладони, и так же легко поместить обратно.

– Но из-за того, что они хранили свои сердца в минаретах, а не в собственных телах, их сила размывалась, – добавила Зафира, в очередной раз поражаясь тому, сколь многим пожертвовали Сёстры ради блага королевства. – И они были почти как мы.

Интересно, а Серебряная Ведьма когда-нибудь вынимала сердце из своей груди? Была ли она подобна своим Сёстрам или слишком любила свою Силу?

Насиру, казалось, не было дела до волшебства ни раньше, ни теперь.

– Волшебство было потеряно для нас все девяносто лет. Сердца переживут лишнюю неделю. Сначала мы отправимся за Альтаиром.

Кифа прислонила копье к бежевой, украшенной орнаментом стене и потёрла виски.

– Я желаю вернуть волшебство по причинам, которых никогда не понять сафи, но тут я поддерживу принца. Сначала Альтаир, потом – магия.

Сеиф окинул их изучающим взглядом:

– Сердца могут не выдержать.

«Да, это правда», – сказал Джаварат. У сердец было только два обиталища – сами Сёстры и созданные ими специально для этой цели королевские минареты.

– Как и сказал Насир, на Шарре они продержались почти целый век, – заметила Кифа.

Но там они были внутри Сестёр. Пять огромных деревьев Шарра – то, чем стали Сёстры, стражи Джаварата, защитницы собственных сердец, поддерживаемые их волшебством.

Сердца непременно нужно было поместить в минареты, иначе они рассыплются в прах. И всё же Зафира прикусила язык, не желая, чтобы её слова прозвучали чёрство. Она тоже не хотела оставлять Альтаира на милость Льва.

– Альтаир желал бы, чтобы мы вернули их, – согласилась Айя.

Кифа посмотрела на Зафиру, словно её слова были более весомыми, чем слова двух сафи из Высшего Круга. «Дом». Вот чего она на самом деле желала, но сейчас говорить об этом было не время, когда все остальные были так самоотверженны. Зафира была самоотверженной всю свою жизнь. Разве так сложно выдержать ещё день или два?

– Вот о чём я не успела рассказать, – проговорила она. – У нас только четыре сердца. Пятое – у Льва.

Сеиф сердито нахмурил брови, чем вызвал её раздражение.

– Вы потеряли пятое сердце.

– Мы потеряли, Сеиф. И мы потеряли гораздо больше,

чем сердце одной Сестры, – мягко напомнила Айя, прежде чем Зафира, Насир и Кифа успели бы свернуть ему шею. «Милостивые снега!» Айя обвела их взглядом. – Вашей вины в этом нет.

– Я и не считала, что мы виноваты, – заявила Кифа.

– Но вернуть сердце важно, – спокойно продолжала Зафира. – Четыре сердца не помогут нам победить.

Айя глубоко вздохнула, поняв смысл.

– Магия – для всех или ни для кого.

– Даже будь это возможно, никто из вас не владеет волшебством, – высокомерно заявил Сеиф.

Но Зафира владела волшебством – владела задолго до того, как даже поняла, что умеет.

– Каждое пламенное сердце сожжёт всё на мили вокруг, – продолжал Сеиф.

– Может, я и не жила в эпоху волшебства, но даже я знаю, что магия – врождённая, – сказала Кифа. – Нам нужно будет совершенствовать наши навыки, но это не значит, что мы будем странствовать по Аравии с пустым мочевым пузырём.

– А другой аналогии не нашлось? – спросил Сеиф.

Кифа закатила глаза:

– Ханжа.

– Лев придёт за остальными сердцами, – сказала Айя, возвращая их к более насущному вопросу. – Одно-единственное сердце бесполезно без остальных.

Мудрые слова, Зафира понимала это, но почему-то чув-

ствовала, что сердца не были главной целью Льва. Пока нет. Она вынула Джаварат из сумы, коснулась пальцами гривы льва, и ей тут же полегчало. Даже там, на Шарре, Лев был сосредоточен на поисках книги. Зафира сомневалась, что в противном случае им удалось бы сбежать даже с одним сердцем.

«Твоя уверенность поражает, бинт Искандар».

– Аравия почти ничего не знает о сердцах, – заметила Зафира. – Сёстры надёжно скрыли это знание.

– А теперь оно сокрыто в Джаварате, – заключил Насир.

Зафира мрачно кивнула:

– Сначала Лев придёт за Джаваратом, хотя бы по той причине, что он жаждет знаний.

Даже если бы она не видела татуировку, обвинявшую глаз Льва, – древнее сафаитское слово ‘ilm, выписанное яркой бронзой, – девушка бы знала это, потому что Беньямин рассказал им. Именно это Лев ценил больше всего.

Сеиф посмотрел на книгу и протянул руку:

– В таком случае книга должна быть под строгим надзором.

«Нет, бинт Искандар».

Для бессмертного фолианта он был слишком похож на обиженного ребёнка.

– Полагаете, я не буду защищать артефакт, связанный со мной кровью? Если что-то случится с ним, я погибну, – резко ответила Зафира. – Уж кому-кому, а мне хватит сил за-

щитить его.

Сеиф лающе рассмеялся.

– Ты связала себя с hilya?¹²

Зафира понятия не имела, что означает hilya, но достаточно было посмотреть в лицо сафи, чтобы её решимость поколебалась.

Он вздохнул, готовый извергнуть ещё больше яда, но Айя заговорила первой:

– Довольно. Защищай его бдительно, Охотница.

Зафира кивнула, не уверенная, было ли это внутреннее торжество её собственным или же вызванным книгой, которая с радостным облегчением покоилась в её руках.

Сеиф явно хотел сказать что-то ещё, но по тому, как взгляд его светлых глаз метнулся к Айе, Зафира догадалась: он хотел возложить вину за всё на Беньямина, павшего сафи, который последние девяносто лет обвинял себя в предательстве Льва и искренне делал всё, что мог, лишь бы исправить трагедию. Очевидно, что Беньямин даже стал частью паутины Альтаира, чтобы защитить его, потому что нелегко одновременно и возглавлять шпионскую сеть, и быть генералом, правой рукой султана.

Айя схватила Сеифа за руку и увела его.

– Есть ещё кое-что, – медленно проговорил Насир, останавливая их. Зафира чувствовала – что бы принц ни собирался сказать, это дорого обойдётся ему. – Лев контролирует

¹² Hilya – украшение, драгоценная утварь, артефакт.

ет моего... отца. Если у вас есть сафи, которым мы могли бы доверять, хорошо бы разместить их по всему городу. У дворца, в Великой Библиотеке, в любом важном месте.

Сердце Зафиры замерло при упоминании ещё одного места, которое Баба так желал увидеть. Воплощённая история – свитки и пергамент, хранивший до последней крупницы знания обо всём, что когда-либо имело значение. Она задавалась вопросом, воспользовался ли Лев Библиотекой, пока контролировал Гамека. Вполне вероятно – его жадность не знала пределов.

Сеиф поджал губы и заговорил с Айей так тихо, что даже Зафира не разобрала слов. Затем он направился прочь, не оглядываясь.

Кифа изогнула бровь:

– Проклятый Гулюль. Я думала, Беньямин любит собой любоваться, но этот даже одежду застегнуть не удосуживается.

– Но ведь смотреть необязательно, – заметила Зафира, и Кифа ответила ей убийственным взглядом.

– Сеиф – капитан королевской стражи Альдерамина. Он обо всём позаботится. Прошу простить, что он не самый обходительный из нас, – проговорила Айя и указала на ящик с сердцами в руках Насира. – Прежде чем мы решим, как надлежит поступить дальше, мы будем держать сердца поближе и постоянно менять их местоположение. Хранитель будет меняться каждые полдня. И ни на миг нельзя остав-

лять их без присмотра. – Через паузу сафи добавила: – Беньямин был о вас высокого мнения. Они с Альтаиром сделали не меньше ради сохранения Аравии, чем даже сама султанша, но этого никогда не было достаточно. Беньямин всегда говорил, что мир надлежит спасти тем, кто более всего пострадал от его несправедливости. Жизнь смеётся над нами, не правда ли?

«Смерть, – мысленно поправила её Зафира, ведь она была смертной. – *Смерть* смеётся над нами».

Айя прикрыла рот тыльной стороной ладони, но ещё прежде с её губ сорвался шёпот. *Roohi*¹³.

Снаружи последние лучи солнца омыли мир тёмным золотом. Никто не знал, что сказать в наступившей тишине. Каково это было – провести вечность с бременем печали? Они оплакивали Беньямина, но никто из них не мог и представить, как сильно оплакивала сафи его супруга.

Неужели и Зафире предстоит прожить остаток своих дней, обременённой смертью близких?

– *Okhti*?¹⁴

Зафира замерла. «Ну вот, теперь я слышу то, чего нет». Но Насир посмотрел ей за спину, а потом и Кифа.

– Королевство в самом деле тесно, – проговорила Айя, ласково улыбнувшись.

Но ведь Ланы здесь быть не могло! Она осталась в Демен-

¹³ Roohi – душа, дух.

¹⁴ Okhti – сестра, моя сестра.

хуре, с Ясминой, Умм и Миском. В безопасности. Затаив дыхание, Зафира обернулась, боясь, что если сделает вздох – больше не услышит нежную мелодию голоса сестры.

Девочка, слишком миниатюрная для своих четырнадцати лет, замерла на пороге. Платок соскользнул с её тёмных волос. Она была хрупкой, вся в веснушках. В нежном взгляде карих глаз застыло недоверие. Эти черты Зафира могла бы нарисовать даже вслепую.

Лана.

Зафира устремила к сестре, выронив лук и колчан на полированные камни пола, и крепко обняла сестру, со всхлипом уткнулась носом в её волосы.

– Уа, милая.

Лана смеялась, хотя по её щекам струились слёзы. Зафира отёрла слезинки кончиками пальцев, коснулась губами лба сестры.

– Что ты здесь делаешь?

– Жду тебя, – ответила Лана, робко улыбнувшись, поскольку остальные продолжали смотреть на них. – Я так по тебе скучала, Okhti. Мне было так одиноко.

– Врушка, – поддразнила Зафира. Как же она была счастлива видеть сестру! – Я оставила тебя в добрых руках. У тебя были Ясмин и Миск, а Умми наверняка находила тебе занятия. Это мне бы...

Зафира осеклась, когда Лана побледнела. Чуть отстранившись, она посмотрела на сестру, чувствуя, как всё внутри

сжалось от ужаса. Лану тяготило бремя, с которым было трудно мириться.

– Что такое? Что случилось, Лана?

– Умми, – ответила девочка чуть слышно. – Она умерла. Умерла в тот день, когда вы отбыли.

Глава 8

Насир не слышал, что сказала её сестра, но когда Зафира упала на колени и джамбия в ножнах на её поясе ударилась об пол – это сказало о многом. «Иди же к ней, дурак». Но ступни словно пустили корни, намертво приковав его к полу, а ящик в руках готов был треснуть – так крепко сжимал его принц. Аяя судорожно вздохнула. Если в этих стенах станет ещё больше печали, они рухнут.

Кифа нарушила тишину – устремилась вперёд, и Насиру стало ещё гаже на душе.

– Зафира...

– Как? – прошептала она, потянув за платок на шее, словно тот был петлёй.

Глаза её сестры расширились от страха и боли.

– Лана, – процедила Зафира, вскинув голову, и Насир поразился её гневу. – *Как?*

– Okhti, – прошептала Лана. Её взгляд метался между Насиром, Кифой и Айей. – Не здесь...

– *Расскажи мне.*

Нет, это был не гнев – Насир понял. Зафира пыталась удержать себя в руках, когда что-то внутри неё рассыпалось на части. Она держала спину прямой, но принц заметил, как дрожали её плечи, с каждым ударом сердца – всё сильнее. Он хотел сократить расстояние между ними, коснуться её плеч,

чтобы те не были так напряжены. Ведь это обычно делают, чтобы успокоить, да?

Насир крепче сжал ящик. Откуда ему было знать – обычно он наносил смертельный удар и скрывался, не дожидаясь последствий. Альтаир бы знал, что надлежит сказать и сделать, как помочь девушке снова почувствовать себя живой.

– Помнишь, как вернулся Арз? – спросила Лана. Как и у Зафиры, у неё были тонкие черты, но лицо Охотницы было более бледным и казалось холоднее, резче. Черты девочки, напротив, выглядели теплее, и бронзовый блеск её волос подчёркивал это. – Сразу после того, как вы с Дином отбыли.

Насир стиснул зубы при упоминании Дина. Плечи Зафиры опали ещё сильнее.

– Солдаты в чёрных с серебром одеждах наводнили улицы. На них были... маски. Люди замирали, бросали все свои дела. Они не могли дышать – падали прямо посреди улицы и задыхались, словно лёгкие вдруг отказывали им. Я слышала это. Видела. – Взгляд Ланы метнулся к Айе и вернулся к Зафире.

Насиру показалось, что его собственные лёгкие отказывали ему, когда он собрал смысл слов девочки воедино.

– Как такое возможно? – выдохнула Кифа.

– Ядовитый дым, – проговорила Лана резко. – Он уничтожил целое селение. Я видела, как умирали люди.

Никогда прежде Насир не был себе настолько отвратителен, как в этот самый миг. Пусть он не имел никакого отно-

шения к этому яду, к газам, которые собрали в Сарасине, его трусость была всему виной. Он не сумел противостоять отцу.

Кифа опустилась рядом с Зафирой, и Айя подошла к ним, погладила Охотницу по волосам. Лана держала сестру за руки.

Насир остался стоять там же, где стоял, с ящиком в руках, с бременем правды, сгибающем плечи.

Ибо он сделал это. Он погубил мать Зафиры.

Глава 9

Зафира думала о своём народе, о тех, кого презирала за их ликование, за смех и блеск в глазах, когда снег мешал им жить, когда Арз подползал всё ближе. Она думала о лавандовой двери «Бакдаша»¹⁵. О кондитерской Араби и лавке старого Адиба. О Пустом Лесе, где Дин рубил деревья, и о его маленьких творениях, рассеянных по домам её и Раадов.

Она думала обо всём, кроме Умм, обо всём, что могло хоть немного помочь ей чувствовать себя живой.

«Чёрное с серебром», – сказала Лана. Сарасины.

Зафира вспомнила предупреждение Беньямина, что внимание султана обратилось к Деменхуру после того, как Сарасин оказался у него под пятой. К аравийцам, чьим единственным преступлением, как и у прочих, была земля, на которой стояли их дома.

«Умми, Умми, Умми...» С её холодными голубыми глазами и тёплой улыбкой. С её силой и стойкостью. С кровью Бабы на руках.

– А твоя мать, – мягко спросила Кифа Лану справа от Зафиры, – разве она не успела сбежать вместе с тобой?

Лана присела, и широкий подол её нефритовой абайи¹⁶,

¹⁵ Бакдаш – кафе-мороженое.

¹⁶ Абайя – длинное традиционное арабское женское платье с широкими рукавами.

которую Зафира раньше у неё не видела, взметнулся.

– Она такая же, как ты, Okhti. Лаа, ты такая же как она.

Зафира старалась не вслушиваться в слова. Старалась усмирить боль.

– Она пошла к зданию старой школы. Знаешь ту, что возле нашей улицы? Она увела с собой тринадцать пожилых и шестерых детей и унесла всю еду, какую только могла найти, а потом помогла забаррикадировать окна и дверь, – Лана опустила взгляд, посмотрела на свои руки. – Потом она пошла к колодцу за водой.

Вот такую Умм Зафира хорошо помнила – женщину с гордо поднятой головой, умеющую крепко держать нож. Умм, с которой Лана была плохо знакома. В наступившей тишине Зафира поняла, что ждёт, когда Лана расскажет больше. Она была как ребёнок, надеющийся, что правда – совсем не такая.

– Может, она спряталась в другом месте. – Зафира готова была отправиться в западные селения. Она ведь была даамова dai'ra и могла найти что угодно, кого угодно. – Может, она всё ещё...

Лана покачала головой, заставив её осечься:

– Миск нашёл её. Она спасла остальных ценой своей жизни.

Зафира запнулась о слово «нашёл». Так говорят о птенце в снегу. О потерянном кошельке, обнаруженном вдруг со всеми потраченными динарами.

– А Ясмин? – спросила она, чувствуя, как сжались рёбра.

– Жива, – сказала Лана. – И в безопасности. Она во дворце в Деменхуре.

Облегчение Зафиры вылилось в тяжёлый выдох, который заметили все. Их внимание стало вдруг слишком пристальным. Все взгляды были устремлены на нее. Сострадание заполняло комнату – безмолвный ответ Джаварата. Она вскопчила и повернулась к Айе, но при этом чуть не врезалась в Насира.

– Мне жаль.

Она недоумённо нахмурилась – скорее из-за печали, которую увидела в его взгляде, нежели из-за слов, которые он произнёс.

– Почему? – спросила девушка. – Разве ты приложил руку к её гибели?

Он вздрогнул.

Даам, он *вздрогнул*! Зафира замерла. Если ядовитые газы были делом рук султана – сыграл ли Насир в этом какую-то роль? Она остановила поток тёмных мыслей. «О небеса!» Он ведь покинул Крепость Султана тогда же, когда она покинула Деменхур. Значит, он готовился к путешествию на Шарр, а не к резне в селении.

Зафира опустила взгляд, чувствуя смесь стыда, и раздражения, и боли, и ещё бездны других эмоций.

– Пойдём, – проговорила Айя, зная точно, что ей нужно. – Я провожу тебя в твою комнату.

Глава 10

Насир прислонился к гладкой двери в комнате, отведённой ему Айей. Покои были просторны и богато украшены, но кровать оказалась простой и аккуратной, и лунный свет из окна проливался на неё. Принц и не осознавал, сколь долго был в постоянном обществе других – не считая времени, проведённого в тесных каютах корабля, – пока Айя не прикрыла за ним дверь и воздух не задрожал лишь от его собственного дыхания.

Раздевшись и сложив одежду, он вошёл в ванну, над которой лениво клубился пар. Как и всегда, мытьё напоминало ему обо всём, что он так ненавидел в себе, – о шрамах на спине, о неправильности жизни. Теперь у него появился новый шрам – у ключицы, всё ещё скользкий от целебного снадобья, которым натирала его Зафира. Он откинулся на бортик ванны, сохранявшей остатки тепла, и вспоминал прикосновение её пальцев к коже. Вес её тела. Жар её взгляда, заставивший его раскрыться.

И её боль. То, как изменилось её лицо, когда девушка поняла всю глубину его чудовищной природы, ибо он не сделал ничего, чтобы помешать отцу добыть ядовитый газ, погубивший её мать.

Одежда, которую для него приготовили, была слишком

яркой – бордовый камис¹⁷, тёмный халат с сине-серебряной окантовкой. Эта одежда могла попасть сюда только одним способом, и Насир отчётливо представил, как Альтаир копался в своих сундуках, ухмыляясь, как безумец, когда нашёл всё это, спрятанное в дальнем углу. Насир натянул камис через голову и повесил халат на спинку стула. Он выравнивал книги на полке и расставил чаши на столе.

Стоя здесь, так далеко от Шарра и так близко к отцу, вдыхая воздух, всё ещё наполненный болью Зафиры, Насир чувствовал себя потерянным. Он не умел действовать без приказов, без чужих повелений.

Прежде чем принц успел как следует подумать, что делает, он уже вышел из своей комнаты, пересёк устланный коврами коридор, остановился у другой двери и тихо стукнул. Один раз.

Дверь открылась почти сразу же.

Волосы девушки были распущены, мягкими волнами обрамляя лицо. Так она казалась моложе, уязвимее, и как же велико было его облегчение от того, что в её взгляде не было обвинений.

«Прости», – хотел сказать Насир. Хотел заставить её понять.

«Как ты?» – едва не спросил он, но этот вопрос был бы слишком чёрствым – её глаза и так говорили всё ясно.

– Я собиралась искупаться. Что случилось? – наконец

¹⁷ Камис – мужская рубашка у мусульман.

спросила Зафира. Она говорила настороженно, а в её руке был зажат Джаварат.

«Ничего».

– Я совсем не то имел в виду, – быстро выдохнул он, словно его сердце наконец решило, что довольно уже слушаться упрямого разума.

«Эгоистичный идиот». Зафира оплакивала свою потерю, а всё, о чём мог думать он, – это о себе самом. Но Насир слишком устал. Даам, он так устал от колючих зарослей этих слов, протянувшихся между ними и разделявших их.

Девушка склонила голову, словно любопытная газель.

– Что ты не имел в виду?

Он хотел остановить тени, но те стекали с его пальцев. Как же получалось, что произнести слова было настолько невозможно, и так легко – вынуть клинок и прервать чью-то жизнь?

«Потому что слова режут сильнее клинка».

Насир медленно вздохнул, поднял руку, чтобы потереть шею, и уронил.

– То, что я сказал на Шарре. Что... что это ничего не значит. – Лишь когда принц произнёс это, он сумел посмотреть на собеседницу.

И успел заметить, как её взгляд коснулся его губ, а потом бордового льна его камиса, и вот она снова смотрела ему в глаза.

– А что же это значило тогда?

«Всё», – хотел сказать он, но его рот закрывал кляп, сотканный из страха и привычки подавлять чувства.

Он знал, что поступил глупо, сказав то, что сказал. Он сократил расстояние между ними, чтобы не позволить ей разрушить себя, привести её в чувство, отвлечь. Он не ожидал, что его собственные чувства будут так сильны, что его жажда будет такой отчаянной, и этот поток эмоций вогнал его в ужас.

Девушка откашлялась, когда он так и не сумел ничего сказать, и её разочарование было настоящим проклятием. И дверь она закрывала медленно, словно ожидая, что он протянет руку и остановит её.

Он был наследным принцем, рождённым, чтобы вести за собой, но вынужденным следовать чужим приказам, подчиняться, подчиняться всю свою жизнь.

И потому он не сделал ничего.

Глава 11

Зафира прижалась лбом к гладкой деревянной двери, слышала, как Насир по ту сторону тяжело вздохнул – напоминание о том, как легко могла расколоться его маска отчуждённости.

Спустя некоторое время дверь в его комнату закрылась.

Она знала, что Насир хотел сказать гораздо больше. В его глазах была буря, а на губах – печать. Она могла бы помочь ему, но он ведь был принцем. У него должно было хватить сил. О небеса, она была такой же вздорной, как Сеиф!

– Кто это был? – спросила Лана с кровати, которая была гораздо шире всех, в которых Зафире доводилось спать.

Сестра говорила так, словно Зафира только что вернулась после целого дня блуждания по лавкам на рынке. Словно между ними не было смертей, а на горизонте не рождался новый мир.

И снова Зафира ждала, что слёзы обожгут глаза. Но вместо этого в груди разливалось тепло, от которого стало легче дышать.

Лана склонила голову набок, безмолвно повторяя свой вопрос. А что могла сказать Зафира? Что это был новый друг? Юноша, с которым они поцеловались? Принц, которому она должна кланяться? Убийца, чей отец был повинен в смерти их матери и сотен других?

– Насир, – ответила Зафира, откладывая Джаварат. «Ну вот, уже лучше. В мире же полно Насиров, да?»

Лана вскинулась:

– Насир? Принц Смерти?

«Нет, видимо всё же маловато Насиров».

– Я и не знала, что он так хорошо выглядит, – вслух размышляла Лана, и Зафира прикусила нижнюю губу, думая о том, как бордовый лён камиса охватывал его плечи, и о маленьком треугольнике кожи, проглядывавшем в расстёгнутом воротнике. О том, как ткань шальваров прилегала к его бёдрам. Он выглядел не просто хорошо, он выглядел... Зафира прижала ладони к щекам.

В том, что она не одета, когда Насир совсем недалеко, было что-то такое... и это пугало её больше, чем когда-либо пугал Арз. И принц *манил* её сильнее, чем когда-либо манил Арз.

Лана подошла к краю ванны.

– Ты очень красива, когда счастлива.

Зафира опустила голову на край ванны.

– Ну нет.

Его мягкий голос ласкал слух. «*Я совсем не то имел в виду*».

Часть её всегда знала, что тогда он солгал. Даже в тот миг знала, потому что мгновение между мраморными колоннами было слишком настоящим, ярким, наполненным слишком многими чувствами. Её разозлило то, с какой лёгкостью

он солгал. С какой лёгкостью отмахнулся от неё и от себя самого.

– Но ты привлекла внимание принца!

В том-то и дело, правда? Её тянуло к Насиру так же, как его тянуло к ней, но, в конце концов, на Шарре не было толпы женщин, которые липли бы к нему. А вот теперь всё будет иначе.

– Как ты назвала его? Принц Смерти?

– Принц Смерти. Охотник Деменхура. Титулы не расскажут, каков человек на самом деле.

Зафира вздохнула:

– Как я могу быть счастлива, Лана? Я потеряла друзей на Шарре. Умми погибла. Нашего селения больше нет.

Мгновение Лана смотрела на руки Зафиры.

– И Дин тоже был среди тех друзей?

Зафира дёрнулась, брызнула водой себе в лицо, и Лана робко улыбнулась.

– У меня было предчувствие, когда я смотрела, как он идёт за тобой, поднимается вместе с тобой на корабль. Он никогда не был таким... таким же стойким, как ты. Ты будешь сражаться за нас даже из могилы. Ты бы убила за нас. А он был счастлив умереть за тех, кого любил.

Зафира изучала Лану – глубокую печаль в её словах, то, как влажно блестели её глаза. Милостивые снега, её сестра *любила* Дина – не так, как его любила сама Зафира, как одного из самых близких друзей. Не так, как сам Дин любил

Лану – как заботливый старший брат. Нет, сильнее, глубже.

Там, где Зафира была тверда, Дин был мягок. Он всегда видел в мире лучшее, тогда как Зафира видела лишь тьму. Неудивительно, что Лана влюбилась в него.

– Сначала мы были в безопасности, – тихо проговорила Зафира, – а в следующий миг зазвенели тетивы.

Она знала, что никогда не забудет этот звук... и ужасную тишину, последовавшую за этим, – словно прервавшийся вздох. Пальцы сами собой сомкнулись вокруг кольца, которое она носила на золотой цепочке на груди, и Лана посмотрела на её руку.

– Мне очень жаль, – добавила девушка.

Горло Ланы сжалось. Она силилась найти слова, ведь скорбь, о которой писали в книгах, была лишь жалким осколком той боли, которую причинял реальный мир.

– Так должно было случиться, как бы я ни желала иного.

Может быть, если бы Зафира любила его... Если бы приняла его предложение. Вышла за него замуж.

Она отбросила эти мысли и поспешила сменить тему беседы:

– Как тебе удалось сбежать во время нападения?

– Миск, – ответила Лана всё ещё мрачно. С тяжёлым вдохом она скрыла свою скорбь. – Он был готов, когда пришли солдаты... словно знал всё наперёд. Несколько его друзей проводили халифа и sayyidi¹⁸ Хайтама к их каравану.

¹⁸ Sayyidi – господин.

Конечно же, Миск знал, ведь он был пауком Альтаира, посланным, чтобы шпионить за Охотником Деменхура. И разумеется, как шпион он получил известия, вот только, очевидно, слишком поздно, и успел увести лишь узколобого халифа и никого из людей. Неуместное ощущение предательства кольнуло её, словно то, что Миск узнал обо всём немного раньше, по-своему делало его участником этой резни.

Джаварат гудел. С мокрых волос девушки капала вода. Кап-кап-кап.

– Когда я хотела вернуться за Умми, Миск не позволил. А когда он пошёл за ней сам, её уже не было. Не было времени продолжать поиски – нам пришлось спешить во дворец.

Есть в пустыне такие пески, которые кажутся безобидными – пока не сделаешь шаг и они не провалятся под тобой, проглатывая ничего не подозревающих путников. Сильнее зыбучие пески затягивали тех, кто неистово боролся, и ослабляли свою хватку, лишь когда ты сдавался. Горе было похоже на зыбучий песок. Чем сильнее пытаешься вырваться – тем больше оно поглощает тебя.

Зафира отбросила полотенце в кресло и натянула свежую одежду.

– Я думала, будет больнее, – сказала Лана, пытаясь понять. Зафира уже подталкивала её к кровати.

– Когда пять лет назад мы похоронили Бабу, мы похоронили и часть Умми вместе с ним. Она была мертва так же долго, как и Баба. Она любила нас, но не так сильно, как Ба-

бу, – мягко объяснила Зафира, сама пытаюсь понять, почему сейчас чувствовала скорее облегчение, чем скорбь, а чувство вины было сильнее боли. – Баба был её жизнью. И мы служили ей постоянным об этом напоминанием.

Лана отвела взгляд.

– Не надо, – сказала Зафира, чуть сжав её подбородок. – Ты всегда оставалась рядом с ней и делала своё дело. Твоей вины нет, – в отличие от самой Зафиры, которая примирилась с матерью лишь для того, чтобы потом потерять. – Как вы здесь оказались? Как нашли меня?

Лана играла с крохотной дверцей в светильнике, заставляя тени изломанно танцевать по комнате.

– Арз ожил снова сразу же, как ты покинула Деменхур. И почти сразу пришли солдаты. Там был настоящий хаос, Okhti. Люди с криками разбегались, а потом всё просто... замерло. Некоторые люди обладают такой силой, да? Им достаточно просто появиться, и все вокруг теряют разум. Так было, когда пришла Амма Айя. Высокая, прекрасная, ирреальная. Я видела, как она помогала людям, уводила их в безопасное место. Ясмин затащила меня в нашу повозку, но я видела её. Амма Айя склонилась над юношей, упавшим навзничь, надавливала на его неподвижную грудь, а потом поднесла что-то к его носу. Когда мы добрались до дворца, я узнала, что тот юноша выжил.

Зафира моргнула. Лана побледнела. «Милостивые снега!»
– Я была так сосредоточена на тебе и Айе. Может, я не

права? Может, мне стоит тревожиться и по поводу этого... юноши?

Лана многозначительно посмотрела на неё:

– Он просто друг. Мы не так много разговариваем, потому что он носит маску, защищающую его лёгкие. Но с ним приятно коротать время за работой.

– За работой? Во дворце? – переспросила Зафира. Это не было частью сделки, которую она заключила с халифом, согласившись на путешествие на Шарр.

– Как раз об этом я и собираюсь рассказать дальше, – строго ответила Лана, натягивая одеяло на свои миниатюрные ступни. – После того как Амма Айя вылечила мальчика, дворцовые лекари не отпускали её. Она ухаживала за каждым, кого к ней приводили. За солдатами тоже. Халиф и большинство мужчин во дворце были недовольны, что женщину так превозносят, но ей было всё равно. И они мало что могли сделать, ведь она – *сафи*.

Лана сияла от восхищения, и Зафира была рада этому, хоть и немного ревновала, потому что все восторги сестры раньше относились только к Зафире.

– Я пыталась помогать ей, как когда заботилась об Умми. Кажется, ей это понравилось, – продолжала Лана. – Понравилось, что рядом с ней был кто-то, кто знает, что ей нужно, даже до того, как она попросит. Мы были настроены друг на друга. Все остальные в основном набрасывались на неё с вопросами, понимаешь?.. Я помогала людям, Okhti. Я нако-

нец-то поняла, каково было тебе.

Зафира спрятала улыбку, подавила свою гордость и прилив смущения за то, что поначалу ей показалось, словно её кем-то заменили.

– Сеиф утверждает, что Амма Айя – лучший целитель, которого когда-либо знала Аравия, – добавила Лана, и Зафира вспомнила сына Бенъямина, печальную музыку Айи в том сне-путешествии. Насколько искусной целительницей была Айя на самом деле, если не сумела спасти собственного сына? Или, возможно, это ещё страшнее – располагать такой силой и при этом не суметь изменить ничего?..

– Она бы не могла найти ученика лучше, чем ты, – искренне проговорила Зафира.

Лана застенчиво улыбнулась, склонив голову.

– Ну пока что я знаю половину трав из сундучка Умми, хоть мне и не представилась возможность вернуться домой и забрать его. Я так многому научилась, Okhti! Амма Айя оставалась во дворце Деменхура, пока Арз не пал.

А потом Айя отправилась сюда, в Крепость Султана, чтобы снова увидеться с возлюбленным... и узнать, что он погиб за много лиг отсюда.

– И Ясмин просто... разрешила тебе отправиться сюда?

– Она, эм... нет.

Лана не стала рассказывать больше, но Зафира знала Ясмин.

– Ясно. Но тебе достанется потом? Если только уже не до-

сталось.

– Достанется. Я понимаю. Так же хорошо, как ты понимаешь, что тебе придётся рассказать ей о её брате, – поддразнила её Лана. Зафира видела: сестра пытается хоть немного смягчить то, к чему пока не готова.

Девушка посмотрела на сестру:

– Я хочу сказать – Айя ведь могла оказаться убийцей, которой ты приглянулась. О таком ты не думала?

Лана засмеялась, прежде чем поняла, что Зафира говорила вполне серьёзно.

– Ты могла погибнуть на Шарре, но тебя это не остановило. – Она сжала руки Зафиры в своих маленьких ладонях. – Мне было нечего терять.

Нет, всегда есть что терять.

– И к тому же, – Лана сморщила носик. – Амма Айя не производит впечатление убийцы. Я доверяю ей.

Зафира вздохнула. Главное, что Лана была в безопасности, а Айя не оказалась чудовищем, служившим Льву или кому-нибудь не менее ужасному. Сама Зафира тоже доверяла Айе. В конце концов, эта сафи была супругой Беньямина.

– Любой, кто умеет исцелить тело, наверняка находит процесс уничтожения этого тела не менее захватывающим, – поддразнила Зафира, и когда Лана возразила, легонько толкнула её: – Я так горжусь тобой, Лана. Так горжусь!

Девочка сияла.

– Но ведь именно ты уничтожила Арз. Ты спасла Аравию.

Зафире очень не хватало этого – быть в центре внимания сестрёнки.

– Боюсь, я не так величественна, как героини из твоих историй. И к тому же я действовала не одна, – ответила девушка. И да – они ведь не спасли Аравию. Пока не спасли.

Под пристальным взглядом Ланы Зафира накрыла ладонью Джаварат. Лана заслуживала того, чтобы узнать правду, не так ли? Правду о том, что её сестра была теперь связана с древним фолиантом. Что её сестра жила, дышала памятью Сестёр Забвения.

– И я не вернулась прежней, – добавила она, а потом рассказала Лане об их путешествии.

О том, как они встретили Ночного Льва. О Джаварате и ифритах. О Серебряной Ведьме. Лана впитывала каждое слово, и когда Зафира закончила свой рассказ, то поняла, что есть вещи намного страшнее Арза.

Она отчётливо увидела это, когда огонь светильника янтарём отразился в глазах Ланы. Когда такая миниатюрная девочка сшивала воедино плоть мужчины, не боясь крови.

Лана была далеко от своего укромного уголка для чтения в их маленьком доме, в самом сердце опасности, и всё же это было благословением, не так ли? Лев украл у них дом, родителей, селение, но Лана была в безопасности, а значит, Зафира могла завершить начатое: покончить с врагом, отыскать Альтаира, вернуть волшебство. А потом – встретиться с Ясмин, что было, пожалуй, страшнее, чем всё прочее, вме-

сте взятое.

Сама мысль о том, что придётся рассказать ей о судьбе Дина, вгоняла Зафиру в ужас, смешанный с глубоко пустившей в ней корни печалью, от которой сжималось горло.

Лана наблюдала за ней, и Зафира с усилием улыбнулась.

– Что скажешь, Крепость Султана такая, какой ты её представляла?

На миг ей показалось, что Лана будет давить, терзать её вопросами – о шёпоте Джаварата и странствиях по снам Бенъямина. О плаще Бабы, который она больше не увидит.

Вместо этого Лана ответила:

– Я боялась, что мне будет нечего здесь делать. Это ведь город султана! А я – деревенская девушка, у которой ничего нет за душой. Но знаешь, как сорняки прорастают, где бы ты их ни посадил? Вот и я такая же.

Зафира не стала говорить сестре, что та была одним из самых прекрасных сорняков во всей Аравии.

– Но я нашла себе занятие.

– Да?

Лана кивнула.

– Кажется, султан сходит с ума. Люди бунтуют и всё чаще и чаще попадают в лечебницы, а врачей на всех не хватает. Амма Айя и я помогали им. Она занимается со мной по утрам, а с полудня мы помогаем в разных лечебницах. Мне даже немного платят. Представляешь? Я зарабатываю достаточно динаров, чтобы что-то купить, Okhti. Мои собствен-

ные деньги. – Лана подалась вперёд, вспомнив о чём-то, и понизила голос. – О, а когда я зашила мужскую руку аккуратно, словно швея, Амма Айя сказала, что у меня врождённый талант. Что когда волшебство вернётся, мой талант может стать целительством. Ты только представь!

Зафиру охватил прилив гордости и лёгкое чувство... потери. Словно сестра больше не нуждалась в ней. Словно она нашла собственную цель, тогда как Зафира свою потеряла. *«Ну что, караван эгоистичных мыслей».*

– А как там Сахар? Он... – девушка не успела закончить. Лана нежно улыбнулась.

– Он в безопасности. Он ведь был с нами, помнишь?

Прежде чем девушка успела расспросить, что с её конём, снова раздался стук в дверь – такой же тихий и неуверенный, как раньше.

Глаза Ланы заблестели:

– Это же он, да? Принц. – Она подтолкнула Зафиру: – Ну ты собираешься открывать?

– Нет.

Лана спрыгнула с кровати.

– Тогда я...

– Нет, ты тоже не откроешь. Сядь. – Зафира строго посмотрела на неё, но взгляд Ланы был неумолим. Девушка стиснула зубы. – Ладно.

Зафира открыла дверь. Сердце колотилось где-то в горле. Взгляд Насира скользнул по её влажным волосам, по мято-

му камису и остановился на лице. Принц по-прежнему был полуодет.

– Ты устала? – спросил он.

Она нахмурила лоб:

– Нет. Полагаю, я достаточно отдохнула на корабле.

– Пойдём со мной.

Насир уже отвернулся, и девушка однозначно не потерпела бы таких приказаний, если бы не уловила свет, блеснувший в его глазах. Лёгкую неуверенность. Вспышка тени вырвалась из его пальцев, прежде чем Насир сумел остановить тьму.

– Куда? – спросила девушка, пропустив мимо ушей, как Лана, устроившаяся на кровати, шепнула её: «Yalla!»

Зафира не должна была потакать ему. Не должна была потакать себе самой!

– Хочу показать тебе кое-что.

Принц редко использовал слово «хочу». Скорее всего, он и делал то, что хотел, очень редко.

– Но моя сестра...

Лана зашипела. Небеса, да Лана же принца даже не знала!

Зафира, нахмурившись, отступила в комнату.

– Я думала, ты скучала по мне.

– Конечно. И если вы не слишком увлечётесь, – добавила Лана, усмехнувшись, – то быстро вернётесь.

– Увлечётесь? – переспросила Зафира, вскинув брови.

Не то Ясмин нашла новую слушательницу для своих лю-

бимых историй, не то кое-кто теперь читал не только о приключениях.

Лана лишь пожала плечами.

Зафира завернула Джаварат в шарф и спрятала в углу. «*Возьми нас с собой, бинт Искандар*». Девушка стиснула зубы, противясь голосу, и строго посмотрела на Лану, которая с любопытством рассматривала фолиант:

– Не трогай его.

– Конечно, *saayida*, – серьёзно ответила сестра.

Зафира последовала за Насиром в его комнату. Её взгляд скользнул с его халата, висящего на спинке кресла, на полотенце, аккуратно развешенное на вешалке, там же, где сушился тюрбан, а потом на кровать, где простыни были смяты в беспорядке после бесплодной попытки уснуть.

– Где сердца? – спросила девушка. Он держал сердца последним.

– У Кифы, – ответил принц и притворил за ней дверь, отсекая комнату от остального мира. Все тревоги о Лане, Льве и Джаварате истаяли, осталось лишь обжигающее тепло внизу живота.

Насир замер, осознав то же самое, коротко вздохнул и прошёл мимо неё.

У окна он передал ей два предмета из мягкой телячьей кожи – нечто среднее между носками и туфлями. Его рукав сдвинулся, и когда принц не поспешил скрыть татуировку в виде слезы так же поспешно, как когда-то, Зафира почув-

ствовала... Она не знала, что именно почувствовала, но чувство это было смешано со страхом.

С тем страхом, которого она жаждала.

– Ты умеешь лазать по стенам?

Зафира выглянула наружу. Холод пустыни обжигал. Ясные звёзды ярко сияли, такие близкие, что казалось, можно дотянуться до них рукой. В ночи возвышались силуэты зданий, бдительных, точно совы, которых она иногда видела в Пустом Лесу.

Сейчас они находились на высоте двух или трёх этажей от земли, но девушка пожала плечами, пытаясь усмирить бешеный ритм пульса.

– Конечно. Первое правило – не смотри вниз, Iaa?

– Смотреть вниз – половина веселья, – усмехнулся Насир, но в его голосе было напряжение, усилившее остроту её чувств.

– Веселье. И ты. – Она почти рассмеялась.

Принц резко повернулся к ней, заключив её между стеной и жаром его тела. Казалось, руки и ноги отказали ей. Мирра и янтарь переплелись, когда Насир чуть склонил голову, и его губы оказались так близко к её губам, что кожа зудела, а голова пошла кругом.

Правый уголок его рта чуть приподнялся.

– Со мной может быть весьма весело, Зафира.

Она сглотнула, когда он медленно произнёс её имя, и взгляд принца потемнел, когда он проследил за движением

её горла. Девушка хотела стереть эту озорную улыбку с его губ своей собственной, чувствуя, как её тело чуть качнулось, готовое вот-вот устремиться вперёд, сократить небольшое расстояние, разделявшее их.

– Только об этом я и мог думать. О тебе. О нас. О тех проклятых словах, – проговорил Насир, и его голос был словно жидкая тьма.

– Ты сам их произнёс, – выдохнула Зафира.

– Я беру их назад.

– Это твой способ извиниться?

– Я мог бы встать перед тобой на колени, прекрасная газель, – прошептал он, почти касаясь её щеки, – если ты того желаешь.

Здесь был не Шарр. Она была в комнате с запертой дверью и полуодетым принцем, в нескольких шагах от кровати. Воздух кипел от его опасных слов, от её блуждающих мыслей и нарастающего напряжения, от которого становилось трудно дышать.

– Я измеряю веселье ударами своего сердца. – Его низкий голос зазвучал ещё ниже. Более хрипло. – Чувствуешь?

Насир провёл кончиками пальцев по её запястью, и струйки теней тянулись за ними, словно дым за пламенем. Склонив голову, он коснулся губами внутренней стороны её локтя. Его дыхание стало неровным.

В горле у девушки пересохло.

– Это не веселье. Это... это...

Небеса, да какие же подобрать слова? Он тихо хмыкнул, словно соглашаясь.

Каково же будет отпустить себя? Игнорировать осторожность и прожить этот миг, не сковывая себя?

– Ты учишься брать то, что можешь, – тихо проговорил он, а потом вдруг быстро забрался на подоконник и скрылся из виду.

Зафира привалилась к стене.

«Милостивые снега!»

Её рука горела. Как такое возможно, что пара хриплых слов и сокращение дистанции заставляет её ноги подгибаться, словно у новорождённого оленёнка? Она судорожно вздохнула. Как бы то ни было, какой даамов смысл в том, чтобы лезть туда? Только на третий раз Зафира сумела надеть туфли, которые были ей слишком велики, а потом подтянулась на выступе – как раз вовремя, чтобы увидеть Насира, ползущего к вершине ловко, словно паук. Он прыгнул и скрылся из виду.

Зафира уже подумала было скользнуть назад в комнату и забраться в кровать – *в свою* кровать. Она рыкнула.

«Увлечётесь».

Усмирив дыхание, она ухватилась за выступающие камни и подтянулась, с облегчением нащупав опору пальцами ног. «Не смотри вниз». Схватившись за следующий камень, Зафира поднялась ещё немного и чуть не соскользнула, когда сбоку показался Насир.

– Рассвет успеет раньше тебя, – насмешливо прошептал он.

Зафира сверкнула на него глазами и наконец добралась до уступа, достаточно широкого, чтобы дать немного отдыха сведённым судорогой ступням. Ох уж этот принц и его даамовы представления о веселье! Девушка провела ладонями по стене, и от страха перехватило дыхание, когда ладонь ощутила пустоту.

Насир протянул ей руку:

– Тебе придётся прыгнуть.

Он точно был ненормальным. Она не собиралась прыгать в темноту, так высоко от земли, только чтобы упасть мимо его...

– Верь мне, – мягко проговорил принц. В его фразе крылся особый смысл. Вопрос.

Нет, это она была безумна! Снова сверкнув на него глазами, Зафира присогнула колени, сделала глубокий вздох и прыгнула. Его руки подхватили её почти сразу же – крепкие, надёжные объятия – и подняли. Она услышала его резкий вдох.

Насир удержал её чуть дольше необходимого, и Зафира испытывала такое облегчение, оказавшись на твёрдых камнях, что чуть ли не привалилась к нему, прежде чем восстановить равновесие.

Лёгкие занавеси были закреплены на столбиках, расставленных на одинаковом расстоянии по периметру открытой

крыши. Решётчатые арки с замысловатой резьбой отбрасывали притягательные тени на подушки и коврики, сложенные внутри. Занавеси трепетали от лунного бриза, маня пройти внутрь. И вся обстановка побуждала сделать определённые выводы. Может, Зафира и была неопытна, но она не была глупа.

– Мы почти на месте, – усмехнулся принц, поскольку, в отличие от неё, он не был ни глуп, ни неопытен.

– Кажется, с меня хватит твоего веселья.

В ответ он лишь медленно пожал плечами, уловив её ложь. Звёзды короной ложились на его волосы. Свет полной луны погружал всё в обманчивые сумерки.

– Ты же знаешь дорогу назад, Охотница.

Она рыкнула:

– Веди, мой султан.

Насир растворился в ночи. Его ноги едва касались поверхности, когда он устремился к самому краю. Сердце девушки сжалось, когда принц спрыгнул, раскинув руки, словно сокол в полёте. Пара мгновений – и его силуэт вырисовался на соседней крыше.

«Если мальчишка может так, почему не могу и я?» Она была девушкой, завоевавшей Арз, приручившей тьму Шарра. Прыжки по крышам были не более чем детской игрой.

Зафира отступила, чувствуя под подошвами туфель шершавый известняк. Резко вздохнув, она помчалась вперёд. Край крыши приближался с каждым ударом сердца. «Не

останавливайся. Не останавливайся». Оттолкнувшись на самом краю, она взмыла в воздух. Ужас стиснул ей горло, наполнил её вены, напоминая о хрупкости жизни. Зафира наслаждалась мигом, когда страх начал горячить кровь и превратился в возбуждение.

Его представление о веселье.

В следующий миг её ступни ударились о землю, камни царапнули ладонь, а от удара клацнули челюсти.

Жива! Пусть даже сердце осталось где-то там, на крыше.

Зафира поднялась на подгибающихся ногах, чувствуя, как кровь стучит в ушах. Они оказались на округлой крыше, из центра которой поднималась изящная башенка минарета. Лунный свет проливался на ступени, высеченные на внешних стенах, отражаясь от глянцевых обсидиановых плиток.

– Прекрасная газель, – проговорил Насир. Его тон был чуть дразнящим, заставив девушку замереть. – Не хотим же мы, чтобы люди подумали, будто здесь приземлился рух.

Зафира бросила на него хмурый взгляд:

– Ещё одно оскорбление, и я столкну тебя прямо с этой крыши.

Принц ответил полуулыбкой. Зафира невольно задалась вопросом – будет ли его сердце однажды полно такой радости, чтобы улыбка коснулась и его пепельно-серых глаз?

– Я заберу тебя с собой.

Этот тон...

– Тогда мы оба погибнем.

– Похоже, тебе не так уж сложно стать моей погибелью.

Принц смотрел на неё таким странным взглядом, словно она растворится среди звёзд, стоит ему только отвернуться. Почти благоговейно. С желанием. Девушка тяжело вздохнула и отвела взгляд. В конце концов, когда это путешествие подойдёт к концу и их миссия будет исполнена, всё это уже не будет иметь значения, не так ли?

Он был её будущим повелителем, а она – его подданной.

Глава 12

Насир видел, как что-то в ней изменилось – внезапная настороженность, замутнившая блеск в её глазах. Он не понимал, что сделал не так на этот раз.

– Мы почти на месте, – сказал принц, потому что не знал, что ещё сказать, и начал подниматься по лестнице, спиралью обвивающей заброшенный минарет. Он забыл о своей ноге, пока та не начала пульсировать болью уже на второй крыше. Но Насир не собирался уступать, словно дряхлый старик, просто потому, что какой-то ифрит настиг его на Шарре.

В отличие от пяти халифатов, в Крепости Султана не было королевского минарета, полного волшебства, а только бесконечное море шпилей, устремлённых в небо, тянущихся к чему-то, чего невозможно достичь. Вершина этого минарета была самой высокой точкой, откуда открывался вид на дворец и его окрестности. Поистине захватывающее зрелище, особенно когда луна сияла ярко, как сейчас.

Он часто приходил сюда раньше, со свежим ожогом на спине и кровью на прикушенном языке. Когда его мать плакала, а отец сжимал кочергу, глядя на него серыми глазами, слишком древними для смертного. Насир приходил сюда ещё прежде, вместе с человеком, которого называл Бабой и который держал его за руку и смотрел на него с гордостью. В то время принц знал, что такое любовь. Он всё ещё помнил

то чувство, наполнявшее грудь до краёв.

Вот почему, как только Насир увидел яркий лунный свет из своего окна, он поспешил к Зафире. Или же он мог остаться один, заново проживать свои воспоминания, пока его пальцы кровоточили тенью. Наконец-то он был дома, в том месте, где никогда не хотел быть, но когда рядом стояла Зафира, тьма отступала и тени, струившиеся с его рук, становились не ярче дыма над остывающим даллахом¹⁹. Морщинка между её бровями, нижняя губа, зажатая между зубами. Лунный свет кистью художника обрисовывал резкие черты её лица.

– Поверить не могу, что после мне придётся проделать весь путь обратно, – пробормотала она, и Насир добавил к списку эти мелодичные нотки в её голосе.

«Мы могли бы остаться здесь», – чуть не выпалил он, словно безнадёжный болван, игнорирующий действительность.

Оперевшись о зубчатый край, Насир подтянулся, чувствуя под ладонями хрупкий известняк. Балкон минарета прятался в тени выступающего карниза, так что лучший вид открывался сверху, с небольшой покатой крыши. Он помог девушке забраться наверх.

И порыв ветра похитил её вздох.

Ясное небо развернулось над головой всеми оттенками пурпурного, усыпанное серебряными звёздами. Настенные

¹⁹ Даллах – арабский кофейник.

светильники освещали углы дворца, окуная всё обширное здание в золотисто-оранжевое великолепие. Тени играли на замысловатой резьбе.

Его дом. Его клетка из тонкой паутины и славы.

Вокруг дворца, словно изгиб материнской руки, располагалась Великая Библиотека. Затенённые стёкла блестели – защитники вечного знания, сокрытого внутри. Там хранилась вся история Аравии до последней унции, каждый клочок папируса, который хоть чего-то стоил. Настоящее святилище для тех, кто, как и Лев, копил знания, словно скупец – монеты.

Насир не был жадным искателем знаний, но библиотека когда-то стала ему убежищем. Он сбегал в тексты, испещрявшие многочисленные свитки переплетённого папируса. Мать всегда говорила, что разум должен быть остёр, как клинок, и потому он проводил за чтением столько же времени, сколько за тренировками, испытывая лёгкую вину от того, что это ему и правда нравилось.

Их окружали дома с горделивыми куполами из меди и обсидиана, грани которого жадно поглощали щедро льющиеся лунные лучи. Арки утопали в этой битве света и тени, лишь кое-где сонно покачивались одинокие светильники. Песчаные дюны устилали землю, а впадины между ними, казалось, были подсвечены синим. Редкие стоянки бедуинов сияли ярко, словно упавшие звёзды.

– Какая красота, – тихо проговорила девушка, и Насир,

стоявший рядом с ней, был согласен.

Луна увенчала её короной из звёздного света, окутала её волшебством. Звёзды тускнели от зависти перед её блистательной красотой. И в самом деле не было ничего – *никого* – прекраснее.

Так почему же вдруг его охватила такая всепоглощающая печаль?

– Мне очень жаль, – повторил он, – что это произошло с твоей матерью.

Слова сорвались с его губ без предупреждения. Чувство вины грызло его сердце, запертое точно в клетке.

Она скривила губы.

– Я хотела вернуться, искать её, но очевидно...

– Нет, ты не можешь, – прервал Насир, не дав ей закончить. Она замерла – охотница среди дикого леса, и его сердце взяло над ним верх, колотясь под рёбрами, словно он всё ещё мчался по крышам. – Ты не можешь уйти.

– Почему нет? – осторожно спросила она, и запоздало он понял, о чём девушка не договорила: «... *но очевидно, она мертва*».

Она хотела вернуться, но в действительности – не собиралась. Rimaal, теперь её вопрос повис между ними, требуя ответа.

Имелся тысяча и один способ ответить на него, но он выбрал слова, которые меньше всего были ему по душе.

– Нам нужно вернуть сердца.

Зафира усмехнулась, потому что тоже желала услышать совсем не этот ответ. Ветерок играл с её волосами, и принцу захотелось заправить непослушные пряди ей за ухо. Он сжал руку в кулак.

– Я не собираюсь уходить, пока мы не найдём Альтаира. Пока мы не вернём волшебство и не убьём Льва, – сказала она. – Моя сестра – здесь, а подруга – в безопасности. Больше у меня никого нет.

«У тебя есть я», – хотел сказать Насир.

Девушка повернула голову, словно слышала его слова, так и не высказанные. В лунном свете он различал тени эмоций, сменяющихся в её взгляде. Гнев. Печаль. Боль. Но её тоска давала ему надежду, а упорство наполняло его ужасом.

– Всё моё селение погибло, и моя жизнь перевернулась. – Она коротко и невесело рассмеялась. – Моя мать умерла, а я не пролила ни единой слезинки. Вот какая я стала бессердечная.

Нет. Насир знал, что значит быть бессердечным, что значит красть живые души, оставляя позади сирот, вдов и разрушенное будущее. И всё же он плакал, когда его мать инсценировала свою смерть. Боль была такой сильной, что Насир был поражён тишиной в сердце, которая осталась после, – оглушительной тишиной, которую нарушало лишь присутствие Зафиры рядом.

– Пять лет, – тихо проговорила она. – Мать не покидала дом пять лет и вдруг нашла в себе силы выйти наружу, когда

смерть была неминуема.

Когда убиваешь так много, ни одна из миссий не выделяется среди прочих. Насир был просто не в силах чувствовать вину или раскаяние за каждую убитую им женщину, каждого сына, каждого возлюбленного. Память о всех них была общей, отмеченная каждым его вздохом: он дышал, а кто-то – больше нет. И никогда не сделает новый вздох.

До этого мига.

Эта единственная смерть не была на его руках, но он был повинен в том, что не помешал случившемуся.

– Почему? – спросила Зафира в наступившей тишине.

– Потому что она – твоя мать, – тихо ответил он. Если девушка и заметила сдерживаемые эмоции в его голосе, она ничего не сказала.

Зафира не винила его за тот яд, и он был бы глупцом, если бы убеждал её в обратном. Она и так знала, что он – убийца, но самое страшное – она по-прежнему предпочитала видеть в нём человека. И он не стал испытывать эти пределы. Молча он прижал кочергу к своему сердцу и выжег правду дотла. Мир дрогнул перед глазами.

Зафира сделала один осторожный вдох, потом ещё один.

– Была.

– Не всегда скорбь сердца измеряется слезами. Все мы скорбим по-разному. – Насир посмотрел на дворец и величественные огни. Неспособность плакать не делала её бессердечной. – Трудно быть безразличным к своей семье – я

хорошо это понял.

Он ждал, что после этих слов его снова накроет волна от-
вращения к себе, но тишина странным образом успокаивала.

– Ты хочешь увидеть его? – спросила девушка.

– Да, – ответил он, прекрасно понимая, о ком она. –
Пусть... пусть даже он никогда не станет тем же человеком,
каким был прежде, – у Насира были свои соображения об
отце, но он не озвучил ни одно. – Прежде – Альтаир.

Если бы только Альтаир знал, что Насир сделает всё, что
угодно, чтобы вернуть его. Если бы только он мог сказать
Зафире, что сделает всё, что угодно, только бы исправить
свои преступления.

Он хотел сделать ещё больше. Теперь, когда он узнал
правду, что Ночной Лев много лет постепенно погружал свои
когти всё глубже в разум и душу султана Аравии, Насир
испытывал жгучую, непреодолимую потребность положить
этому конец.

– И волшебство, – сказала Зафира.

– И волшебство, – согласился принц, но только ради неё.
Ведь теперь он знал цену магии и то, что волшебство сделало
с его отцом, с матерью, и ему не было дела до волшебства,
разрушившего его семью.

Но ради неё, ради исправления всех совершённых им
ошибок, он доведёт дело до конца.

Глава 13

Свет, пробивающийся сквозь полузакрытую штору, расчерчивал столовую полосами, словно решётка тюремной камеры, и зной пустыни пробуждался ото сна. Обычно никто не избегал раннего солнца. Высший Круг сохранял скрытность без излишней паранойи.

Когда Зафира выглянула из окна своей комнаты, то увидела отблески серебра на каждой затенённой улочке, на каждой крыше. Раньше она и подумать не могла, что увидит Стражу Султана во плоти – их блестящие плащи, точно маяки, выделялись среди коричневых и золотистых оттенков пустыни. Но раньше она так же не могла представить, что станет объектом преследования Стражи. «Они бдительны, когда ищут *zumra* и свою добычу», – предупредила Айя.

Снаружи донёсся шум – уличный торговец торговался с женщиной за фрукты в его тележке на колёсиках. Дин обычно после всё равно подсовывал купцу пару лишних монет, заявляя: *«Нужно заплатить им за хлопоты»*.

– Ешь, – сказала Лана, сидящая слева от Зафиры, и подтолкнула к ней тарелку с масляной харшей²⁰. Еда была разложена на полотне с бахромой.

Кифа рядом кивнула. Ящик с сердцами стоял между ними.

²⁰ Харша – марокканские блины.

– Силы тебе понадобятся.

Айя наблюдала за ними со своей странной, чуть мечтательной улыбкой.

– Всем нам понадобятся силы. Мы черпаем их в поддержке и единстве, ибо вместе мы сильнее. Это всегда было основой Высшего Круга – и сначала, когда Круг был советом по делам сафи во главе с Бенъямином, и после, когда он стал маленьким войском под командованием Альтаира.

Она отвернулась, стиснув зубы при воспоминании.

Зафира не знала, что побудило Лану тронуть Айю за руку, но, когда сестра коснулась сафи, та повернула ладонь и переплела их пальцы. Да, одно дело – услышать об их связи от Ланы, и совсем другое – увидеть собственными глазами.

– Простите меня, мои дорогие, – проговорила Айя. Её глаза увлажнились, даже когда она нежно улыбнулась Лане. – Из всех потерь, которые мне пришлось пережить, эту... эту я пока не знаю, как преодолеть.

– Возможно, эта скорбь из тех, которые нужно принять, – тихо отозвался Насир. – Не всякую скорбь нужно побеждать.

Айя задумчиво посмотрела на него:

– Ты говоришь, как тот, кто и сам пережил потерю.

Roohi. Вот что она сказала прошлой ночью.

Баба тоже говорил так, и Умм улыбалась ему той особенной улыбкой, которая сияла лишь для него одного.

Habibi. Hayati. Roohi.

Любовь моя, жизнь моя, душа моя — вот что означали

эти слова, но смысл их был гораздо глубже.

Habibi — для друзей и любви, что была вполне настоящей.

Hayati — для любви всепоглощающей, более глубокой день ото дня, пока тот или та, кого любишь, не становился твоей жизнью.

Roohi — когда твоя душа переплеталась с душой того, кого ты любишь, и сияла с силой тысячи солнц. Когда она пускала корни под сердцем и её нити оплетали всё твоё существо.

Вот что разделяли когда-то Баба и Умм. Вот о чём мечтала маленькая Зафира, пока любовь родителей не уничтожила их обоих, не разбила вдребезги, разбросав осколки их душ по одинокой земле.

Она вспоминала родителей прошлой ночью под звёздами, стоя рядом с юношей со взъерошенными волосами и вопросом в серых-пресерых глазах. Она видела дворец, раскинувшийся внизу во всём своём великолепии, видела огни Великой Библиотеки, истинное волшебство, и всё же...

Всё это меркло рядом с ним, с её принцем.

– Ты в порядке?

О небеса. И надо было ему сесть так близко? Харша в его руке была идеально поделена надвое. Зафира подмечала все эти детали – то, как принц аккуратно развешивал свою одежду на спинке кресла, тогда как сама она просто бросала свою в кучу. То, как он разламывал хлеб на маленькие аккуратные

кусочки, чтобы съесть, – будь то манакиш²¹, или лепёшка, или харша.

– Лучше не бывает, – ответила девушка, и Лана издала какой-то звук, подозрительно похожий на фыркание.

– Он выглядит так, словно скорее бы съел тебя, – шепнула Кифа ей на ухо и закатила глаза, когда Зафира отшатнулась. – Шучу, Охотница.

Двери запахнулись, и девушка схватила свою сумку. Сеиф вошёл в зал чеканным шагом. Айя выпустила руку Ланы и быстро убрала блюдо с маринованным ягнёнком. Судя по всему, хладнокровный сафи не одобрял поедание ягнятины или даже охоту на животных в принципе.

Сеиф швырнул что-то на столик рядом, и Айя побледнела. Зафира прищурилась. Это была крошечная бутылочка, почти пустая... с чем-то алым внутри. «Кровь?»

– Мы ничего не нашли – ни кораблей в гавани, ни каких-либо признаков Льва. Мы трудились всю ночь. – Сеиф приблизился и бросил недобрый взгляд на Насира: – Пока ты был...

– Осторожнее, сафи, – тихо предупредил Насир. – Трепать языком может быть опасно, и даже бессмертные мрут как мухи.

В запахнутых глазах Айи отразилось любопытство.

– Где ты был? Вы не должны были покидать дом.

– Мы наблюдали за окрестностями с самой высшей точки

²¹ Манакиш – левантийская лепёшка.

в городе.

«Вот бы я умела врать так гладко», – подумала Зафира. А с другой стороны, это ведь было не вполне ложью.

Сеиф презрительно фыркнул:

– Вместе с ней?

– Ты намекаешь, что женщины не умеют карабкаться по стенам? – Насир смерил его взглядом прежде, чем Зафира успела возмутиться.

Сеиф раздражённо рыкнул. Глядя на тень ухмылки на лице Насира, Зафира наконец поняла, почему Альтаир относился к своему искусству вызывать в других ярость так, словно это было единственной целью всей его жизни. Лана изо всех сил пыталась не рассмеяться.

– Возможно, его здесь пока нет, – сказала Кифа, – но это не отменяет неизбежного.

Он идёт за нами. Сафи не знают.

– Ночной Лев, – прошептала Лана, и Сеиф бросил на Айю взгляд, в котором отчётливо читалось: «Нужно было оставить её там, в снегу». В тот самый миг Зафира решила, что Сеиф будет последним, кого она станет защищать, и первым, кого она скормит дандану.

Кифа изучающе посмотрела на Лану:

– На улицах воцарится настоящий хаос, когда эти вести разлетятся по всей Аравии.

Хаос *уже* витал в воздухе, в пыли, поднимавшейся, когда народ бунтовал, в тяжёлом бремени налогов.

– Но с Сарасином всё будет в порядке, – процедил Сеиф.

– Вот как? – переспросила Зафира раздражённо. – И кто же защитит народ Сарасина?

Сарасинцы уже достаточно пострадали с тех пор, как был убит их халиф. Халифат всегда был тёмным местом – в том числе в буквальном смысле этого слова, с их тёмным песком и тусклым небом. Но с тех пор как трон опустел по хладнокровному приказу султана и армии Сарасина были теперь под его властью, там царили напряжение и страх неизвестности.

Сеиф проигнорировал её слова. Ну да, чего ещё ожидать. Айя поднялась.

– Влиятельный смертный по имени Музаффар. Он был хорошо известен в торговых кругах, но пока вы были на Шарре, начал делать себе имя и среди простого народа. Он успокаивает людей, обеспечивает их необходимым. Его люди хранят мир, а это – больше, чем многие могут пожелать.

– Хрупкий мир, – тихо заметил Насир. – Этого едва хватит, чтобы противостоять Льву.

– Не все боятся Льва. Даже в прошлом, во время его тёмного правления, были те, кто верил, что он – предвестник новой эпохи, – сказала Айя. Жемчуг в её волосах сиял. Будь она менее задумчивой, Зафира приняла бы её пыл за поддержку. – Они утверждали, что Лев принесёт золотой век величия и что, если бы Сёстры не цеплялись за старые обычаи, мы бы никогда не оказались в этой темноте.

– Ну да. – Кифа отряхнула руки и поднялась. – Нам нужна кровь.

– Здесь рядом лечебница, – тут же ответила Лана.

– Кровь силахов, – уточнила Кифа с нотками нетерпения в голосе. – Кровь с магическими свойствами. Такого в лечебнице не найдёшь.

– Для чего? – спросила Зафира, хотя страх, бегущий по её венам, был вполне ясным ответом.

Кифа встретилась с ней взглядом.

– Для тебя. Чтобы наш компас снова начал работать. Ты с лёгкостью сможешь выследить Альтаира, Льва и сердце в придачу за один раз.

С лёгкостью. Как будто всё это находилось в корзинке, спокойно ожидающей, когда Зафира придёт и возьмёт.

– Для этого нужен *dum sihr*, – возразила Зафира, поджав губы, невольно ощутив укол вины за своё раздражение на Кифу, словно Советница, не колеблясь, готова была использовать запретную магию крови.

– Нет.

Приказ прозвучал резко, но в этом голосе звучали отголоски потери. Все взгляды обратились к Айе. Сафи качала головой, а в её глазах отражалось нечто сродни безумию.

– Нет. Только не *dum sihr*.

Лана выступила вперёд:

– Амма...

– Чего бы он ни желал, это не будет настолько же ужасно, –

голос Айи хлестнул словно плетть. В следующий миг Зафира поняла, кто он: Лев.

«*Cena dum sihr всегда велика*». Так сказал Беньямин на Шарре. Зафира вспомнила, что однажды он использовал магию крови, пытаясь спасти их с Айей сына... Тщетно. Эта боль превращала всех их в безрассудных дураков.

– Он желает отомстить всему вашему роду, – сквозь зубы процедила Кифа. – Желает сковать тьмой всю Аравию.

«*Желает дома для своего народа*», – сказал Джаварат.

Но дом нельзя было построить на насилии.

Айя по-прежнему качала головой, а в её взгляде отражались отблески истерики. Лана снова протянула сафи руку, и Зафира отчётливо вспомнила Умм в объятиях сестры, хрупкую и потерянную. Лана прошептала что-то – слишком тихо, чтобы слышали остальные, – и Айя закрыла глаза, беря себя в руки, и коснулась губами лба Ланы.

Зафира ощутила укол тревоги, а в глазах защипало.

Насир молчал, и взгляд его серых глаз был непроницаемым. Он поднял было руку и тут же уронил, со вздохом отвернулся.

– Моя мать имитировала собственную смерть. Мой отец совал кочергу в огонь и клеймил меня. Сорок восемь раз. Унижал меня. Опустил меня до положения пса. – Голос принца звенел в темноте, одновременно тихий и властный. – Всё это сделала магия. Магия даровала Льву власть над моим отцом. Магия заставила мою мать оставить Позолочен-

ный Трон. — Насир посмотрел на свои руки, с которых срывались струйки теней. Он тихо, прерывисто рассмеялся, выдохнув сгусток тьмы. — И всё же вот он я, помогаю вернуть волшебство.

Зафира знала, что он страдал, видела это своими глазами во дворце Льва на Шарре. И всё же она никогда не связывала его страдания с магией.

Как же так случилось, что то, что она так сильно любила, к чему так страстно стремилась, причинило ему такую невыносимую боль?

Айя, казалось, хотела протянуть ему руку, коснуться, прежде чем вспомнила, *кто* он, и вместо этого улыбнулась.

— Этот бой — не обычная битва, — мягко проговорила она и тихо вздохнула. — Мы должны делать то, что от нас требуется.

Сеиф покачал головой и указал на пустой фиал, который принёс.

— У нас была кровь. Я использовал последние капли, чтобы защитить этот дом, и магия скоро иссякнет. Серебряная Ведьма на пути к островам Хесса. Если пытаться добраться до неё и получить фиал с её кровью, Лев первым найдёт нас. Хуже того, с каждым мигом, пока сердца находятся вне минаретов, их сила, сама их жизнь иссякает. Вы столько времени путешествовали с этой женщиной и даже не подумали попросить её?

— В вашем распоряжении была целая вечность магических знаний, и вы не попытались добыть больше этой крови са-

ми? – выпалила Зафира. Небеса, ох уж эти сафи.

– А *Bait ul-Ahlaam*? – спросила Лана, и Зафира замерла, узнав это название. «Дом Грёз». Насир спрашивал о нём Серебряную Ведьму ещё на корабле, и Зафира помнила её сердитый ответ. Она чувствовала себя идиоткой – ничего не знала о Доме, в отличие от своей маленькой учёной сестры.

Сеиф закрыл глаза и медленно с досадой выдохнул.

– Я видела рисунки в книге, – поспешно пояснила Лана. – Он ведь находится в Альдерамине, да? И там можно найти всё что угодно.

Айя склонила голову набок.

– Дом Грёз процветает из-за того, что его слава преувеличена, малышка. Не думаю, что у кого-то там найдётся фиал с кровью силахов.

– Нет. Слава *Bait ul-Ahlaam* преувеличена для тех, кто не ищет ничего конкретного, – возразила Кифа, к облегчению Ланы. – Мой отец путешествовал туда из Пелузии не единожды и всегда находил то, что искал. Каждый даамов раз. К сожалению.

– Мне казалось, твой отец не любит магию, – сказала Зафира.

– Не любит, – резко ответила Кифа. – Это магазин, полный самых разных странных вещей, волшебных и не очень. Все настойки и травы, которые когда-то были доступны в Деменхуре. Пепел из вулканов Альдерамина. Чёрная руда. Это очень древнее место. Если где-то и может найтись фиал си-

лахской крови – так это в месте, существующем с эпохи Сестёр.

– Такое возможно, – уступил Сеиф, и Лана не удержалась от широкой улыбки. Что-то во взгляде сафи говорило, что это место он знает не только понаслышке. Возможно, ему даже доводилось бывать там, как и Серебряной Ведьме. – Но, как известно, хранитель... любит поторговаться.

Сеиф тоже говорил об этом с какой-то неуверенностью – словно они оба нашли то, что искали, но отдали за это гораздо больше, чем собирались.

Тем не менее, как бы сильно Зафира ни любила волшебство, она не была уверена, что хочет использовать запретную *dum sihr* ради одного короткого мига, в который она почувствует магию. В последний раз, когда девушка порезала себе ладонь, она связала себя с бессмертной книгой. Сеиф снова начал ходить по залу туда-сюда, а Зафира пыталась дышать спокойнее. Она направилась в фойе, нащупывая Джаварат в сумке.

«Ты боишься, бинт Искандар».

– А что, разве не стоит бояться? – пробормотала она. Говорить с книгой вслух казалось ей куда менее безумным, чем говорить с фолиантом в своей голове, тем более что даамов артефакт отвечал.

«Мы – это ты. Мы защитим тебя».

Ну да, конечно, словно книга могла защитить её хоть от чего-то. Если верить Серебряной Ведьме, это ей, Зафире,

надлежало защищать фолиант, или же она умрёт вместе с ним.

«Страх – всего лишь предупреждение, к которому стоит прислушаться».

– Книга, которая в буквальном смысле извергает философию. Ясмин будет в восторге, – сухо проговорила Зафира, слишком поздно осознав, что остальные последовали за ней.

– Смертные. Их жизнь так коротка, что они говорят сами с собой, – протянул Сеиф, обращаясь к Айе.

Зафира чуть не зарычала:

– У меня есть имя – Зафира.

– Не обращай внимания, – вмешалась Кифа. – Стоит ему увидеть наши округлые уши, как в его глазах мы тут же превращаемся в ходячие трупы. Но, по крайней мере, мы сами знаем, когда придёт срок ложиться в могилы.

«Бесполезные разговоры ни к чему нас не приведут, бинт Искандар».

– Попробуем эту лавку диковинок? – спросила Лана.

«Дыши».

– И кто же из нас отправится? – напряжённо спросила Кифа.

Вдох.

– Мост через пролив по-прежнему цел, – прозвучали слова Айи откуда-то издалека.

Выдох.

– Отдайте нам сердца и Джаварат, – сказал Сеиф, а Насир

смотрел только и только на неё. – Мы слишком доверились смертным, и...

Что-то внутри Зафиры оборвалось. Крик пронёсся по её венам, а рука дёрнулась к стреле.

«Мы – не смертные».

Все замерли. *Всё* замерло.

Девушка вздрогнула, почувствовав на себе всеобщее пристальное внимание. Кровь шумела в ушах, а занавеси, покачивавшиеся на окнах, казалось, смеялись.

– Okhti? – позвала Лана.

Зафира моргнула. Кифа издала какой-то сдавленный звук, но первым, кто сделал к ней осторожный шаг, был Насир. Словно Зафира была зверем, которого он боялся спугнуть.

– С тобой точно всё в порядке? – Принц смотрел на неё так, словно на целом свете не было больше никого, кроме неё.

Зафира не сумела встретиться с ним взглядом.

– Конечно. Почему ты спрашиваешь?

– Ты... – начал Насир. – Ты сказала о себе «мы». Словно вас двое. Ты сказала, что вы – не смертные.

– Нет, я этого не говорила. Я ничего не говорила.

Её желудок сжался. Все пятеро смотрели на неё так, словно она сейчас выступала на какой-нибудь сцене, валяя дурака. Зафира отступила к выходу, чувствуя спиной длинные ручки двойных дверей.

Насир приблизился к ней ещё на шаг.

– Отдай мне Джаварат.

– У меня его нет, – солгала девушка. Книга была у неё в сумке, но остальные этого не видели.

– Зафира, – Насир говорил таким тоном, словно обращался к непослушному ребёнку, – он у тебя в руках.

Девушка опустила взгляд. В косых лучах света львиная грива на обложке Джаварата вспыхнула. Зафира крепче сжала книгу, которая использовала её губы, чтобы произносить бессмысленные слова. Милостивые снега, что же с ней такое?

Она перевела взгляд с Айи, чьё лицо выражало любопытство, на самодовольного Сеифа, затем на смущённую Кифу и встревоженную Лану, а потом, наконец, на Насира. В его серых глазах отражалась жалость, и это стало последней каплей.

Её решимость разбилась. Рухнула.

«Оставь их. Свобода – там, за этими дверями».

Зафира распахнула двери и устремила прочь – так же в панике она мчалась через оазис на Шарре. Ветер бил ей в лицо, кровь громко стучала в висках. Разум казался слишком хрупким, готовый вот-вот треснуть.

Ей было стыдно, что Лана увидела это. И что Кифа увидела.

– Это всё твоя вина, – прошипела она.

«Остановись».

Она подчинилась, как дура, – остановилась сразу за воротами дома и ясно осознала, что вокруг Крепость Султана. Под ногами была тёплая мостовая из тёсаного камня. Милостивые снега, западные селения Деменхура в сравнении с этим – просто трущобы! Сколько, должно быть, понадобилось времени и труда, чтобы создать этот шедевр искусства – от мостовых и улиц до каждого фрагмента резьбы на окружающих её домах. И сейчас между Зафирой и уличным мальчишкой, прячущимся в более богатой части базара, не было никакой разницы. Иссиня-чёрный камис, пошитый из платья, купленного давным-давно в Деменхуре за огромное количество динаров, теперь казался тряпьем.

«Они...»

– Хватит, – прошипела Зафира. – Ничего мне не говори.

Наступившая внезапно тишина была полна раздражением Джаварата и стыдом, вызывающим чувство вины. «Отлично». Тени протягивались вокруг, предупреждая её, что она не останется одна надолго. Откуда-то доносились голоса. Дальше по улице она видела прилавки базара, спрятанные в тени зданий. Последнее, что ей было нужно, – это чтобы кто-то требовательно спросил, кто она такая.

Зафира поспешила в противоположную сторону, обнаружив небольшой альков, скрытый в углу между тремя массивными домами. Солнечный свет струился на жёлто-коричневые камни, высвечивая арку в одной из стен, построенную из ярких глазурованных плиток синего, красного и золотого.

го оттенка – словно проход в тайный мир. Девушка подошла ближе и увидела, что это не дверь, а фонтан с журчащими струями проливающейся в небольшой бассейн сверкающей зелёной воды.

Эта красота казалась хрупким мигом замершего времени – красота, которую Зафира не могла оценить.

– Не понимаю, почему я вообще слушаю тебя, – прошипела она.

Джаварат не ответил, и Зафира привалилась к стене, восстанавливая дыхание. Песчаный кот, примостившийся на бортике фонтана, подозрительно посмотрел на девушку.

«Это правда. Мы – не смертные».

По спине и шее стекал пот – солнце было щедро на зной.

«Мы – бессмертные».

– И что же – я вдруг тоже стала такой? – зло спросила она.

«Мы связаны – ты и мы. Тебе отмерен тот же срок, что и нам».

– Нет... так не должно быть.

«Как может книга, собранная из старого папируса, говорить с неразумной девчонкой?»

Зафира скрипнула зубами, чуть не бросив Джаварат в фонтан.

– Что тебе нужно от меня?

Должна была быть какая-то причина, по которой фолиант говорил с ней, подстрекал её. Зафира не была похожа на Льва или на ту тьму, в которой гнил Джаварат. Она была бессиль-

на, как постоянно повторял Сеиф. Возможно, пришло время доверить книгу Айе, и...

Шипение едва не оглушило ее, и девушка в испуге выронила Джаварат. Он упал на пыльные камни и раскрылся. Зафира внимательно огляделась, но рядом лишь тихо журчал фонтан да пыль танцевала в косых лучах солнечного света.

Затем книга со стуком захлопнулась.

«Бинт Искандар».

Эти слова звучали как ужасающий стон. Страх тек по её венам.

«Позволь нам показать тебе, на что ты способна».

Альков исчез. Угасающий свет обрисовал часть заснеженной деревни и женщину в плаще, стоявшую в центре. Базар выглядел знакомым, как и скудные чахлые деревья. «Деменхур». Но сама Зафира ведь была не там. Она – всего лишь наблюдатель, подсматривавший за другим миром через подзорную трубу.

Зелёный кожаный фолиант – Джаварат – был зажат в левой руке женщины, а скрюченные пальцы правой руки она протянула к небу. Зафира не могла понять слов, срывающихся с уст женщины. Заклинание.

Люди в ужасе с криками разбежались с базара, пытались скрыться от неё – от этой женщины, – когда она вдруг резко опустила сжатый кулак.

И земля вздыбилась.

Круглая джуму'а²² взорвалась – камни и обломки полетели во все стороны, к окружающим шатрам, поражая кричавших селян. Несколько мужчин устремились к женщине – у некоторых в руках были табары и мечи. Другие поднимали камни и любое самодельное оружие, какое только могли отыскать.

Но даже видя их приближение, женщина не шелохнулась. Её плащ чуть развевался на пронизывающем холоде.

Женщина лишь перевернула следующую страницу Джаварата, и через несколько мгновений, в которые никто не дышал, Зафира увидела, как она резко опустила вниз сложенную аркой ладонь.

И мужчин разрубило пополам.

Раздались новые крики. Тела падали на землю с тошнотворным стуком. «Нет!» – хотела закричать Зафира. Она хотела остановить эту бессмысленную жестокость, но её уста были сомкнуты, защиты. Она силилась сделать вдох, скованная этим ужасным видением... Iaa, кошмаром. Вот чем это было.

Кошмаром.

Мужчины падали один за другим, рассечённые надвое её пугающей силой. *Силой Джаварата*. Ужасный образ жёг кожу Зафиры. Другие – большинство – валились на колени и пронзали себя насквозь мечами. Разрушенный базар стал багровым от крови, лившейся свободно, скапливавшейся у

²² Джуму'а – площадь, где проводились торжества.

ног женщины.

Наступила тишина, и, удовлетворённо хмыкнув, она повернулась, откинув капюшон окровавленной рукой.

Зафира уставилась на саму себя.

Это была она – вплоть до льда в глазах и сердитого изгиба бровей.

Именно она... за исключением только одной детали.

Волосы у неё были цвета раздробленной кости.

Серебряный фиал, наполненный чем-то густым и алым, висел у неё на шее. И когда седовласая версия её самой спрята-
ла Джаварат под плащ, Зафира увидела свежую рану на ладони женщины, среди многих других шрамов, где плоть уже срослась. *Dum sihr*. Она подошла к чёрному скакуну, рассекая снег сапогами, взлетела в седло и исчезла среди улиц.

Оставив после себя гробницу.

Лавандовая дверь Бакдаша висела на петлях. Яркая кондитерская лавка Араби превратилась в груды щебня. Она видела мужчин, мальчиков, детей – все были мертвы. Все они. Кого-то ударило камнем, кого-то рассекло пополам. Внутренности выпали наружу, кровотока, кровотока, кровотока.

Из-за неё.

«Прошу», – умоляла она. Она не знала, кого умоляет – просто повторяла это слово раз за разом, пока всё вокруг не помутилось и она не потеряла равновесие.

А потом – ничто.

Зафира впилась ладонями в камни, с хриплым вздохом

подняла голову. Вокруг был альков. Джаварат лежал у её колен.

«Ты видела, бинт Искандар?»

Она видела лишь нечто гораздо более зловещее, чем Ночной Лев. Нечто маленькое и непритязательное, слитое с многовековыми воспоминаниями самых могущественных существ Аравии и с тем, что было гораздо хуже, – со злом, просочившемся в Шарр.

И это зло контролировало её.

– Почему? – прошептала девушка. – Почему я?

«Чистейшие сердца всегда восторжествуют в самых тёмных душах».

Зафира услышала звук торопливых шагов прямо за поворотом. Она закрыла глаза, восстанавливая дыхание, подобрала Джаварат и поднялась на подгибающихся ногах. Три фигуры приблизились к ней, и их плащи сверкали серебром. Стража Султана. *Khara*. Девушка прижалась к стене, но они поспешили мимо алькова, даже не бросив туда взгляд, тихо переговариваясь, сжимая в руках простые чёрные рукояти скимитаров.

«Покажи мне что-нибудь полезное, – прошипела Зафира Джаварату. – Покажи мне, что Лев может сделать с единственным силахским сердцем».

Ничего.

Лаа, раздражённая тишина.

Рыкнув, Зафира стряхнула видение, дарованное Джавара-

том, и прокралась за стражниками. Потом она слышала пение, обрывочные крики и требовательные возгласы, которые доносил блуждающий ветерок.

«Нас увидят».

– Теперь ты можешь говорить? – спросила Зафира.

Она метнулась из теней одного здания к следующему, но не нужно было жить в этом городе, чтобы понимать – такая безлюдность была необычной. Это был город султана. Здесь должно быть всегда шумно, а не жутко тихо в одном месте и шумно в другом. Перед переулком девушка остановилась, прищурилась, глядя на площадь впереди.

От страха у неё перехватило дыхание. До неё донеслось, как толпа нараспев скандирует: «Налоги – смерть. Казну – разбить».

Протесты. Люди протестовали, шагали – нет, бежали к дворцу. К ней.

Сердце готово было выскочить, а пальцы, сжимавшие Джаварат, стали скользкими. Развернувшись, Зафира поспешила к дому Айи, и нагретые камни обжигали её голые ступни. Напоровшись на мелкий булыжник, она выругалась. «Только бы не упасть, только бы не упасть». Она думала об Арзе и о своей охоте, когда даже её добыча не слышала её быстрых шагов.

Расстояние между ней и толпой росло, и девушка не позволила себе медлить. Ужасная ошибка.

От взрыва земля содрогнулась, и Зафира упала на колени.

Толпа устремилась к ней.

Глава 14

Под землёй – вот где сейчас оказался Насир, в комнате, забаррикадированной и укреплённой, чтобы заглушить все звуки. Тени клубились в его руках, словно дымок над погашенным светильником. После того как он оторвал взгляд от двустворчатых дверей – уже неизвестно в который раз, – Айя предложила им потренироваться.

Нет, это *было бы* предложением, если бы она приняла отказ Насира.

– Нужно решить, отправляемся ли мы в Альдерамин, – проворчала Кифа.

Насир не понимал зачем.

– Делать такой крюк, чтобы добыть то, чего, возможно, даже не существует, – значит рисковать, тогда как мы легко могли бы собрать силы и подготовиться к прибытию Льва.

Советница посмотрела на него:

– Мне всегда казалось, что ты не тот человек, который будет просто ждать.

Да, он таким не был. Он предпочитал, чтобы перед ним стояла задача, на которой он мог сосредоточиться, миссия, которую он должен был исполнить. Но без Льва, носящего шкуру его отца и угрожающего ему смертями невинных, у него не было никаких причин искать волшебство. Особенно учитывая, что этот план был таким же шатким, как и другой

вариант.

– Независимо от нашего решения, – сказал Айя, сжимая посох, – мы не уйдём без Зафиры, laa? Пойдём.

Насир стоял, не двигаясь, у входа в просторную комнату, прижимая к себе ящик. На стенах в свете канделябров блесло разнообразное оружие. Он посмотрел в глаза Сеифу, словно бросая вызов сафи – пусть попробует сказать что-то о ключьях тьмы, выющихся, срывающихся с его рук. Хотелось рассмеяться – какая ирония! Магия жила в его костях – именно то, что разрушило всю его жизнь. Его кровь была слишком... смертной, чтобы использовать её для *dum sihr*, и всё же силахское происхождение означало, что волшебство будет с ним всегда, вне зависимости от минаретов.

– Если Зафира вернётся и никто из нас не встретит её, она подумает, что мы уехали, – сказал принц.

– Выдыхай, принц, – отозвалась Кифа. – Раз уж она могла охотиться в Арзе и каждую ночь возвращаться в свою постель, то в городе султана она как-нибудь справится.

– Иногда ей нужно время, чтобы подумать в одиночестве, – спокойно проговорила Лана.

– Она говорила о себе так, словно их было двое, – безучастно сказал Насир и плотно сжал губы, когда щупальце тёмного дыма попыталось вырваться изо рта. – Вы что, не слышали?

– Это говорила не она, – проговорила Айя. – Джаварат. Книга – это *hilya*, артефакт, созданный и наделённый неве-

роятной силой. На свете немного hilya, поскольку Сёстры запретили создавать их после того, как некий тиран, живший далеко от берегов Аравии, использовал магию одного из этих артефактов и обратил целую цивилизацию в пепел.

– Это было ещё в те времена, когда сафи считали очень мудрым торговать hilya за пределами Аравии, – сказала Кифа с обманчивой мягкостью. – И всё же, зная, на что способны hilya, Сёстры сами создали такой артефакт.

– У них не было выбора, – жёстко ответил Сеиф.

Кифа откинулась на спинку кресла, скользя внимательным взглядом по его расстёгнутому халату, закинула в рот зерно засахаренного миндаля и передала мешочек Лане.

– Выбор есть всегда.

– А что, есть и другие земли, кроме Аравии? – спросила Лана, и глаза у неё загорелись.

– Да, они всегда были. Аравия – лишь небольшой кусочек целого мира. Магия – не единственное, что исчезло девяносто лет назад. Когда возник Арз, *весь* наш мир уменьшился, потому что лес покрывал территории за границами королевства, заключив нас в клетку. На самом деле там целая прорва земель и народов. Остров, где зелень не ограничивается оазисами, листья по размеру больше, чем взрослые мужчины, а у зверей трубки вместо носов. А на севере есть королевство, где люди бледнее, чем в Деменхуре со своими снегами, и столь же безжалостны.

Насиру хватало и размеров его мира, shukrun²³.

– То, что сказала Зафира – правда? – коротко спросил он, возвращая их к насущным вопросам.

– В какой-то мере так, – ответила Айя, опустив голову. – Джаварат бессмертен. Охотница смертна. Nilya создаются из силы и воспоминаний. Можно сказать, они – разумные существа. Редко когда они добровольно связывают себя со смертным... или даже бессмертным. Самые тёмные артефакты жаждут получить сосуд, тело. Другие просто ищут общения. Странно, что Джаварат выбрал её, но то, что она... *они* сказали – правда. Однако смертные тела не приспособлены для того, чтобы поддерживать души целую вечность. Бессмертие Джаварата продлит её жизнь на срок куда более долгий, чем большинство смертных вообще увидит.

– Khara, – выдохнула Лана.

– Эй! – возмутилась Кифа.

– Не ругайся, – предупредил Насир, и Лана посмотрела на него так, словно волосы у него поседели.

– Это – обоюдоострый меч, – проговорила Айя, старательно игнорируя их. – Сафи хорошо знают, что такое бессмертие. Наши сердца замедляются в зрелости; наши тела неподвластны смертельным недугам. Но бессмертие – это не полная неуязвимость от смерти, и сейчас для Зафиры риск её «смертности» стал больше. Жить вечно – не значит иметь неразрушимую жизнь, а уничтожить книгу намного легче,

²³ Shukrun – спасибо.

чем человека. Если книгу уничтожить – она погибнет.

– Джаварат – бесценный артефакт. Никто в здравом уме не станет уничтожать его, – холодно сказал Сеиф, и Насир глубоко вздохнул, чтобы удержаться и не попытаться снести этому сафи голову.

– Каждый миг, что я провожу здесь, – оскорбление моей жизни. Лев не будет просто ждать вместо того, чтобы воплотить свою ярость.

– Это не ярость, – покачала головой Кифа. – Ярость и гнев прогорают легко, точно огонь. Но месть – совсем иное. Это пламя ты можешь поддерживать больше века. И чем дольше горит такой огонь, тем слаще отмщение.

– Такой шанс ему уже представился, – сказал Сеиф. Если они с Айей и заметили, с каким жаром Кифа говорила о мести, никто это не прокомментировал. – Тысячи шансов.

Кифа пожала плечами:

– Возможно, он выжидает, чтобы всё изучить. Кто знает? Между жадой мести и жадой власти есть тонкая грань. Не все понимают границы.

– Я не... – возразил было Насир.

– Ты – друг. Ты не в счёт, – бросила ему Кифа.

Сеиф подскочил, чтобы разразиться ещё одной тирадой, но Насир услышал лишь эти слова – «Ты друг». Они кружились в его разуме, опьяняя.

– Ты искренне? – тихо спросил он, слишком устав, чтобы скрывать любопытство.

– Конечно, почему нет? – Кифа склонила набок свою обритую голову. – Эй, расслабься. Я не собираюсь плести тебе браслет в подарок. И между нами нет никакого договора, связывающего нас условиями. Нам не...

– Нет, нет. Я... Ладно, не важно, – быстро проговорил Насир. Кифа изогнула бровь, глядя, как он пытается унять бешено бьющееся сердце. Rimaal. Сначала брат, потом мать, теперь – друг.

Что же будет дальше?

Айя взмахнула посохом, быстро очертив в воздухе арку.

– Я буду тренироваться, если он поднимется вверх и дождётся Зафиру, – сказал Насир, кивнув на Сеифа.

Зафира могла позаботиться о себе – он это знал. Она не была ребёнком или немощной старухой. Она была девушкой, которая даже на Шарре не побоялась встать лицом к лицу с Ночным Львом. Но это не означало, что они должны покинуть её. *«Дурак. Ещё немного – и ты будешь петь песни в её честь».*

Сеиф направился было к выходу, но Лана, игравшая с изящной булавой, висевшей до того на стене, обернулась к ним:

– Я пойду. Можно мне взять это?

– Нет, – в один голос сказали все, кроме Сеифа.

Лана обиженно поджала губы и вернула булаву на стену. Когда дверь за ней закрылась, Сеиф удобно устроился на подушках с пачкой посланий, и Насир снова испытал непре-

одолимое желание снести ему голову.

– Приятно видеть тебя в твоей естественной среде обитания, Айя, – проговорил сафи.

Айя рассмеялась удивлению, промелькнувшему на лице Насира. С её сиреневой абайей и нежными руками она не выглядела здесь на своём месте.

– За годы работы в королевстве я отточила тысячи навыков, юный принц. В первую очередь я – целитель, а во вторую – учитель магии. Конечно же, я не ровня Анадиль, но считаю, что по-своему заслуживаю похвалы. – Сафи приняла боевую стойку. – А теперь давай-ка посмотрим, что ты умеешь.

Спирали теней отделились от его ладоней, когда все взгляды обратились к нему.

Насир был не в настроении показывать кому-либо, на что способен.

– По крайней мере, тебе ничего не стоит призывать свою силу. Ты должен усовершенствовать этот талант. Заточить его, как лезвие клинка. Обратить его в меч, который ты сможешь использовать.

Насир закрыл глаза, потянувшись к источнику тёмного пламени внутри, пытаясь найти чёрный поток, текущий по его венам вместе с кровью, но ему казалось, словно он дёргает воздух. Кифа фыркнула, и глаза Насира распахнулись. Тени исчезли.

– Ты напоминаешь мне одно отцовское изобретение. Оно

было всё такое тёмное, яркое, а потом развалилось в клубах дыма, – сказала Кифа.

Принц смутно помнил, что её отец был великим изобретателем. Также он вспомнил маленький стеклянный инструмент, который Кифа украла у отца. *«Лучше всего работает, когда я представляю, что поджигаю его».*

– И что, отец часто звал тебя, чтобы ты поддерживала его воодушевляющими криками? – устало спросил Насир.

Впервые с тех пор, как он встретил храбрую воительницу, жёсткое выражение её лица сменилось уязвимым. Он сказал это слишком поспешно, не задумываясь. А ведь она не была шумным золотоволосым генералом, привыкшим к беспечным насмешкам. Да, они с братом готовы были вцепиться друг в друга, и всё же Альтаир оставил после себя зияющую пустоту, которую Насир чувствовал слишком остро.

Принц открыл было рот, чтобы извиниться, но Кифа опередила его, пожала плечами:

– Нет, а должен был. Ну что ж, сам виноват.

Айя легонько ударила его своим посохом, и тот стал посохом Льва. Он вспомнил о Беньямине, прыгнувшем перед ним, принявшем на себя удар. Вспомнил Альтаира в плену у Льва... его даамова отца.

На мгновение – всего лишь на миг – концентрация нарушилась, но этого оказалось достаточно. Тени хлынули на свободу, поднимаясь, как дым над костром. В комнате стало темно.

«Дыши».

Он думал о тонких тёмных прожилках в льдистых голубых глазах. О косе, венчавшей голову, точно корона. Айя выкрикнула предупреждение. Насир снова почувствовал тычок её посоха в плечо, и ему пришлось замереть, противостоять внезапному желанию наброситься, убить. Тени стали отчётливее.

«Нет. Никаких убийств.

Дыши».

Он был неуправляем. «Чудовище». Какой смысл был в жизни, которую он не мог контролировать? Сеиф взвился на ноги, потянул Айю прочь. Подобное Принц Смерти уже видел не раз, когда брёл по улицам.

«Как же неправы те, кто верит, что сила властвует над всем. Контроль – вот ключ к победе. Помогите мне, мама».

«Слушай», – вот и всё, что она прошептала.

Он наполнил лёгкие воздухом и с усилием разжал кулаки. Тьма гудела – песнь, едва слышимая ухом. «Слушай». Насир закрыл глаза и потянулся, коснулся спутанных шепотков, расплетая хаос.

– Вот так, – осторожно проговорила Кифа.

Тьма хлынула в каждую трещину его существа, переполнила его лёгкие и все органы до краёв, но он продолжал тянуть, распутывать бешено кружившиеся спирали, пока свет не вернулся в комнату.

Последний шепоток обратился в ничто, и Насир сумел на-

конец перевести дух. Тени истаяли. Он повернул руки – тьма исчезла и с его кожи, вернув его перепачканным ладоням и запястьям их первоначальный цвет.

В тишине он поднял взгляд. Айя робко улыбнулась:
– Вовремя.

Насир не удержался, коротко рассмеялся над тем чувством, которое охватило собравшихся. *Понимание*. Словно наконец они поняли, почему вся Аравия боялась его. Айя избегала встречаться с ним взглядом. Сеиф занял боевую стойку. Но хотя бы Кифа не выглядела обеспокоенной.

Всю свою жизнь он прожил без магии. Всю свою жизнь он *подавлял* магию, хоть это, очевидно, и не помогло – чем больше он использовал свои тени, тем легче ему было дышать. И тем легче, как он понял, будет контролировать их в конечном итоге.

– На это нет времени.

Он мог бы быстро изучить что-нибудь ещё, но своенравную тьму? На это потребуется время – куда больше времени, чем они могли себе позволить.

– Он тренируется десятую часть дня и считает, что может завоевать весь мир, – проговорил Сеиф. – Ты забыл о своём отце...

– Не думай, что я что-то забываю, сафи, – холодно ответил Насир.

Они ненавидели Гамека, но никто из них не жил с султаном. Никто из них не подвергался пыткам раскалённой ко-

чергой и унижению годами. Никто из них не смотрел на медальон на шее отца, преисполненный желания сорвать амулет.

– Ты не умеешь себя контролировать, – сказал Сеиф.

– Боюсь, он прав, – мягко добавила Айя.

Насиру было всё равно. Ему не нужны тени, чтобы спасти Альтаира. Ему не нужна тьма, чтобы позаботиться о сердцах. И когда Насир посмотрел на Кифу, и та встретила его взгляд прямо, не дрогнув, он знал: ему не нужен был Высший Круг – у него были свои собственные союзники.

Глава 15

Звук всё никак не прекращался – звенел, звенел, звенел, хоть она и сглотнула несколько раз, только чтобы унять этот даамов звон. Зафира слышала о взрывах, залпах, снопах искр и огне, запертом в коробки – пелузианское изобретение, такое же потрясающее, как и все остальные. Сейчас она не могла оценить этих новшеств. Крики доносились эхом, словно звучали за лиги отсюда, и земля содрогалась от сотен бегущих ног. Толпа приближалась.

«Вставай!» – приказал Джаварат. – *ВСТАВАЙ!»*

Зафира покачнулась, поднялась на подкашивающихся ногах. Она ненавидела Джаварат, ненавидела себя за глупость, которая заставила её выбежать на улицу. Тени окутывали её, песок затуманивал взгляд, но ослепла она из-за этого проклятого звона в ушах после взрыва, ведь она всегда полагалась на слух не меньше, чем на зрение. Где-то разбилось вдребезги стекло. Где-то кричала женщина. Кричали мужчины. Сквозь дымку она видела вспышки серебряных плащей и обнажённых скимитаров. Стража султана.

Нет, нельзя, чтобы её увидели и тем более поймали. Чьи-то руки схватили её за плечи. Девушка сопротивлялась, но её утанули в альков у дома Айи.

– Держись, – негромко проговорил чей-то голос. Зафира слышала это слово, сказанное тем же голосом бессчётное

число раз, когда пряталась в своей комнате, пока сестра заботилась о матери.

Она моргнула, фокусируя взгляд, и звон стал тише.

– Что ты здесь делаешь?

– Я ждала тебя, когда услышала взрыв, – с отчаянием ответила Лана, и её взгляд метнулся к хаосу за спиной Зафиры. – Я пришла так быстро, как только смогла. Вернись в дом.

Сама Лана не шелохнулась, не собираясь идти за ней, – упрямо стиснула зубы, и Зафира узнала это выражение лица, потому что и сама часто смотрела так же. Только сейчас она увидела в руках у сестры деревянную коробку с инструментами, бинтами и снадобьями внутри.

– Иди, Okti, – поторопила Лана, указывая на тонкую серебристую полосу прохода у фонтана. – Там можно срезать. На другом конце прохода – дом Айи.

Зафира не знала, почему не поняла этого раньше сама.

– Они ждут тебя, – добавила Лана.

– С ума сошла? Я не оставлю тебя здесь. Это опасно, – Зафира покачала головой. Переложив Джаварат в другую руку, она схватила сестру за запястье.

Но Лана вырвалась. Зафира замерла. Взгляд сестры был жёстким.

– У тебя есть свой долг, а у меня – свой.

«Ты ничего не должна этому миру», – хотела было сказать Зафира, но это были не её слова. То были слова Дина,

когда он пытался остановить её, чтобы она не отправлялась на Шарр. Слова, которые призваны остановить, помешать, заключить в клетку. И всё же она хотела сказать их – сказать хоть что-нибудь, потому что невысказанные слова Ланы звучали так же громко и ясно, как крики за пределами алькова.

Зафира покидала её каждый день, предпочитая чудовищный лес сестре, которая нуждалась в ней. Она оставила Лану, когда отправилась на зловещий остров, хотя знала, что может никогда и не вернуться к сестре, у которой никого не осталось.

– Айя тебе так велела? Это ведь совсем не то же, что помогать в лечебнице. И Айи здесь даже нет.

Лана не ответила. Люди кричали. Упрямое выражение на лице Ланы изменилось, и новое странным образом напоминало об Айе – слишком мудрое для ребёнка.

«Дай ей шанс», – сказала Ясмин. Давно она не слышала голос подруги в своей голове. В последнее время там всегда был лишь Джаварат или даже более громкое молчание Джаварата. Зафира отступила назад. Фонтан журчал – единственный свидетель всей сцены. *«Будь осторожна. Не рискуй собой...»* Всё, что она могла бы сказать, казалось в этот миг неправильным.

Вместо этого она прошептала: «Прости», – и исчезла в узком проулке.

Когда девушка вернулась, в фойе никого не было – словно никому, кроме Ланы, не было до неё дела и никто не тревожился. Зафира быстро омыла ступни и поспешила вверх по лестнице, опустилась у кровати, думая о сердцах, которые были в безопасности под защитой самого опасного убийцы.

Весь этот путь на Шарр – и сердца просто *ждали* в этих стенах.

Все эти попытки отыскать Джаварат – и она совершила ужасную ошибку, связала свою жизнь с фолиантом.

Все эти усилия, чтобы обеспечить сестре безопасность, – и вот девочка просто шагает прямо навстречу угрозе. Зафира не знала, что внушила Лане Айя, что она там болтала о долге и обязательствах, но девушка была уверена – она это не одобряла. «Небеса, да ты только послушай себя!» Сама Зафира скрылась в Арзе примерно в том же возрасте. Кто она такая, чтобы отказывать Лане?

Раздался стук в дверь – такой же тихий, как минувшей ночью, словно некая часть его хотела увидаться с Зафирой, а другая не желала иметь с ней дела. Девушка спрятала Джаварат под подушку, всё ещё не в силах изгнать то видение, и открыла дверь.

Свет, лившийся из её окна, упал на шрам Насира, отра-

зился в его глазах.

– Я не знал, успела ли ты вернуться. Я тренировался с Ай-ей, а внизу ничего не слышно.

Так вот почему он не пришёл, когда произошёл взрыв.

– Там был бунт, – ответила Зафира. – Лана оста- лась там.

Она сама не понимала, почему вдруг сочла, что ему есть какое-то дело – до Ланы, до их погибшей матери, до всего этого. Она не понимала, но слова просто полились сами, когда он смотрел на неё таким вот взглядом.

– Она должна была дожидаться тебя в фойе, но мы так и подумали, что она уйдёт, когда Айя заметила пропажу своего ящика с инструментами. Айя найдёт её.

«*Не волнуйся*», – говорил сам его тон, когда его язык отказывался.

Зафира кивнула, напоминая себе, что пока её не было, Лана занималась этим. И сегодняшний день ничем не отличался от предыдущих. Коридор был пуст – только снизу доносились голоса. Сеиф говорил что-то протяжно, и Кифа отвечала быстро, легко.

– Сейчас мой черёд приглядывать за сердцами? – спросила девушка.

Насир опустил взгляд на ящик, который держал, и Зафира невольно замерла, увидев, как он сцепил челюсть, как его взгляд метнулся к её рукам в поисках... *Джаварата*.

– Я как раз нёс их Сеифу. Сейчас его черёд.

Он был достаточно добр, чтобы его голос звучал с оттен-

ком извинения, но от того не стало легче. Откровение. Слова уже почти сорвались с её языка – «*Ты мне не доверяешь?*» — но желание сохранить достоинство не позволило ей произнести это. Зафира не могла винить его – Джаварат ведь использовал её, когда говорил через неё. А что, если он использует её для чего-то похуже? Для чего-то, что может навредить сердцам?

Что, если они найдут фиал с кровью и Джаварат побудит её сделать что-то немислимое?

«*Небеса, да чего же ты хочешь?*» – безмолвно рыкнула она. Книга притворилась, что не слышит её.

Он стиснул зубы.

– С тобой всё хорошо?

«Нет», – хотела сказать она.

– Разве ты не спрашиваешь это каждый раз?

Он нахмурил тёмные брови.

– Разве не об этом я должен спрашивать? После того, что случилось?

– Должен, обязан, нужно, – протянула она, чувствуя, как учащается пульс. Так легко было раздражить его, когда он выглядел настолько сбитым с толку. – А ты никогда не думал о том, чего ты *хочешь*, принц?

Он смотрел на её губы, и Зафира почувствовала, как у неё вспыхнула шея, прежде чем Насир отвёл взгляд. Он был так озадачен её вопросом, что она чуть не рассмеялась.

– Какой у тебя любимый цвет? – Его слова будто наталки-

вались одно на другое.

На этот раз она не сумела сдержать удивлённый смешок, и его взгляд просветлел прежде, чем она замолчала.

– Разве о таком не спрашивают?

– Ну, может быть, дети, – ответила девушка.

На его лице промелькнула печаль, и ей тут же захотелось забрать слова обратно. Он ведь был сыном тирана. И даже когда Серебряная Ведьма была султаншей, Зафира сомневалась, что Насир не лишился своей юности сразу же после её мнимой смерти. И вряд ли он мог искать у кого-то утешения, за которым приходят дети.

– Синий, – мягко проговорила она.

Лёгкая улыбка тронула его губы и исчезла.

– Я мог бы догадаться.

– Это любимый оттенок моего Бабы. «Воды Баранси под облачным небом в самый спокойный день». Его тоже нет. Теперь я официально сирота. – Её рука скользнула к джамбии, пальцы сомкнулись на потёртой рукояти. Она знала, что Насир читает в её молчании.

– Как?

Зафира подумала было, как лучше сплести нить слов, прежде чем поняла – нет, можно не смягчать правду перед Насиром.

– Он отправился в Арз, когда я не могла пойти туда... и вернулся через несколько месяцев. Обезумевший. И Умми ударила его ножом в сердце, потому что... потому что у неё

не было выбора.

– Может, он хотел увидеть вас в последний раз.

Зафира смотрела на матово блестящий каменный пол, на бледный узор на его одежде, на блеск его джамбии с ониксовой рукоятью. Она вдохнула домашний аромат свежеспеченного хлеба. Нет, она не собиралась плакать перед ним. Перед мысленным взором промелькнуло видение Джаварата, и она стиснула зубы.

– Твоя очередь. Какой цвет самый любимый *у тебя*?

Его глаза вспыхнули, прежде чем он сумел скрыть удивление. Разве он не думал, что она тоже спросит? Да, это всегда было своего рода игрой – подмечать самые небольшие проявления эмоций Насира Гамека. И Зафира поняла – это игра ей по душе. Она могла бы играть в это вечно, без усталости.

– Твой, – ответил он чуть слышно.

Он смотрел так пристально, что у неё перехватило дыхание. Зафира покачала головой:

– Это...

– Каждый цвет, который составляет тебя.

Она затаила дыхание, ожидая, желая, но Насир уже замолчал, и часть его словно отступила.

– Расскажи мне больше, – тихо попросила Зафира, подходя ближе, и он вскинул голову. Солнце отразилось в его глазах золотом.

Его губы сжались, и он снова аккуратно надел маску невозмутимости, скрывавшую черты, а взгляд серых глаз

стал твёрдым, точно камень, когда звук шагов нарушил их уединение. Кто-то поднимался по лестнице.

– В другой раз, – сказал он тем же тоном, которым говорил со всеми, кроме неё. В этом его голосе было меньше обещания и больше отстранённости. Он сжал кулак, стиснув тень, выплеснувшуюся было с его ладони, бросил на Зафиру последний взгляд и ушёл.

Глава 16

Альтаир облокотился на невысокий столик в ожидании еды. К его удивлению, с тех пор как они поговорили о союзе, отец больше ни разу не пускал ему кровь. Впрочем, свободы Альтаир тоже не увидел – его цепи по-прежнему были прикручены к стене.

Когда он рассказывал Бенъямину о своих грандиозных далекоидущих планах по восстановлению Аравии, Альтаир знал: всегда оставалась вероятность того, что ему придётся осуществить эти планы в одиночку. Он ведь был готов – до тех проклятых дней на Шарре. С Насиром, потом с Зафирой. С Кифой и самим Бенъямином.

За эту скудную горстку дней он сколотил семью и обрёл место в ней. Нашёл людей с мечтами настолько же безумными, как его собственная, движимых идеями, над которыми другие лишь посмеялись бы.

По крайней мере, так он считал. Теперь пустота грызла его, а одиночество напоминало шарик на верёвке, который он отбросил далеко-далеко лишь для того, чтобы тот вернулся и ударил с новой силой.

Единственный его товарищ выскочил из дыры в стене в поисках объедков, которые Альтаир обычно оставлял после трапезы.

– Так любезно, что ты решил меня навестить, Насир, но,

видишь ли, еда у меня закончилась, – сказал он маленькой крысе, которая ходила кругами в поисках того, чего не было. «Да-а, Насир до мозга костей».

Крыска с писком дала дёру, и Альтаир поднялся, заслышав звук приближающихся шагов. Кривобокое глинобитное жилище воняло старостью, а по углам комнаты протянулась плотная паутина. Это место было полуразрушено и явно небезопасно, но zumга так и не нашла его.

«Если они вообще меня ищут».

Лев ворвался в открытую дверь, а за ним вошёл ифрит с двумя плошками шурпы и тёплой лепёшкой. Пища крестьян. Ни кусочка баранины.

– Ты пристрастился к разговорам с самим собой? – спросил Лев, садясь на холодную твёрдую землю.

Ифрит поставил еду и ушёл.

– Помогает сохранить юность голосовым связкам, – с улыбкой ответил Альтаир. Он стоял ещё мгновение, прежде чем снова опустился на пол. – Я мог бы и петь, если тебе угодно.

Такие моменты особенно пугали его – когда отец искал его общества без каких-либо причин, просто ради общения.

Пугали, потому что он наслаждался этим временем. Они были точно призмы, через которые можно было разглядеть не жестокое в своих амбициях чудовище, а человека, любопытного и собранного.

Лев редко прикасался к еде, которую приносил. Сначала

это останавливало Альтаира, но если бы он продолжил бояться яда, то умер бы с голоду. Такое тело, как у него, не поддерживало себя само.

– У тебя глаза моего отца, – проговорил Лев.

Альтаир замер, так и не донеся кусок лепёшки до рта.

Лев нахмурился, словно и сам себе удивился.

– Иногда я забываю его лицо. И события тоже. Хотя я странным образом помню, что они были... поворотными, что ли. Время подавило воспоминания.

По мнению Льва, что бы ни подавило его воспоминания – это было не время. Альтаир видел, что это беспокоило отца настолько, что безумие затуманивало его взгляд. Так же его глаза блестели, когда он говорил о мести, словно он отчаянно желал этого, нуждался в этом, но никак не мог понять *почему*.

– Ты любил своего отца, – заметил Альтаир и поднял руки. Кандалы на его запястьях блеснули. – Ну а мой отец держит меня в цепях.

Лев улыбнулся.

– Я мог бы снять их. Сделать тебя не пленником, а сыном. Союзником. Мы впишем наши имена в историю. И да, тоже будем жить вечно.

Тяжёлые слова, произнесённые в разгар дневного зноя. Это было бы так легко – отложить работу десятилетий и принять сторону отца. Он добьётся того же, что и планировал: новой Аравии, не осквернённой Арзом, освобождённой от

проклятий, которые принесло исчезновение волшебства.

Он доел свою шурпу и пододвинул к себе отцовскую плошку, всё ещё не тронутую.

– Я не отпущу тебя, Альтаир, и они не придут, – уверенно проговорил Лев. Даже если они победят, следуя путём, который ты проложил для них, почему ты считаешь, что ты получишь какое-то признание? Я – не провидец, но даже я знаю, что из этого выйдет.

– Да? – вырвалось у Альтаира, хотя ему не следовало ничего говорить. Стены дрогнули от громовой поступи коней где-то на улицах.

Лев посмотрел на него неожиданно пристально, словно его сын был головоломкой, которую он вот-вот разгадает. Словно он *уже* разгадал Альтаира за несколько совместных трапез.

– Тебя забудут.

То были слова, которые пробивали щиты и заставляли даже самые быстрые языки замолчать. Верёвочки, привязанные к пальцам, заставляющие их дрожать – раз, два, три, десять. Судорожные вздохи.

Да, это были именно такие слова.

Альтаир со стуком – слишком громким – отставил плошку, избегая встречаться взглядом с отцом. Он провёл ладонями по обнажённым рукам, внезапно похолодевшим.

– Ты нашёл «банду»? – выпалил он.

Лев склонил голову набок, как делал всякий раз, когда ис-

пытывал любопытство.

– Я послал во дворец за свитком. В нём подробно описано заклинание, похожее на дар Охотницы. А почему ты спрашиваешь?

«И да, тоже будем жить вечно...»

Альтаир резко опустил кулаки на стол между ними. Из мелких щелей поднялась пыль. Пристально он смотрел в янтарные глаза Льва. Взгляд собеседника оставался невозмутимым, любопытным.

«Нет, Баба». Его не забудут, пока он всё ещё способен сделать вдох. Слишком уж большую часть своей жизни он посвятил тому, чтобы всё сложилось как раз не так.

– Сними с меня оковы, – сказал он осторожно, – и я скажу тебе, где их искать.

Глава 17

Когда Зафира была маленькой, длины её пальцев хватало как раз на то, чтобы охватить рукоять джамбии Бабы. Она морщила носик и спрашивала, почему же та была такой простой и потёртой. Она ведь ходила с Бабой и Умм на базар, где мужчины носили свои джамбии с гордостью. И рукояти их были из полированного камня или дерева, инкрустированные драгоценными камнями или украшенные резьбой. Каждый кинжал казался красивее предыдущего.

– Клинок создан для того, чтобы убивать и калечить, – ответил ей Баба. – Он напоминает мне обо всём, что я сделал. О каждом олене, которого я освежевал, о каждом кролике, чью жизнь пресёк. Жизни – не для того, чтобы красть их, моя abal²⁴.

– А ты подаришь мне мой собственный клинок?
Умм улыбалась.

– Девочкам не должно носить мужские игрушки.

Но Баба не согласился:

– Моя девочка будет носить *оружие* и будет прекрасно владеть им, ибо на это нужна особая смелость – держать в своих руках силу и знать, когда надлежит использовать её.

И тогда он подарил Зафире свой кинжал, с потёртой от долгого использования рукоятью. Но лезвие было по-преж-

²⁴ Abal – дикая роза.

нему острым – достаточно острым, чтобы она порезала палец, когда вынула кинжал из ножен.

До сих пор она помнила смех Бабы. Он словно сам был удивлён своему смеху, словно всё в мире было правильным.

– Ты ему нравишься, – сказал ей Баба позже, и это она тоже помнила. Потому что ей кинжал тоже очень нравился – так сильно, что она брала его с собой всюду. И когда купалась. И когда помогала Умм месить тесто для хлеба на кухне. И когда начала охотиться, чтобы накормить людей.

И когда Баба вернулся из Арза.

Теперь она всюду носила с собой Джаварат так же, как когда-то – и по-прежнему – носила свой кинжал. Вот только фолиант не заставлял её чувствовать себя доброй, храброй, правильной. Просто он был частью её. И когда Зафира оказывалась далеко от книги, это вызывало ту же тревогу, как когда-то моменты, в которые она снимала свой плащ.

– Чистые сердца не должны с удовольствием устраивать бойню, – сказала ему Зафира... и с болью вспомнила, как Насир отказался передать ей сердца.

«Ты отвергаешь нас, бинт Искандар».

– Нет, – твёрдо ответила она. Может, Джаварат и провёл целый век, впитывая зло Шарра, но ведь эти годы были ничем в сравнении с воспоминаниями Сестёр. – Я никогда не причиню вред моему народу. Я отвергаю хаос, которого ты жаждешь. Мы связаны друг с другом... так как насчёт *моих* желаний?

Небо кровоточило закатом. Солнце проливало последние тёплые лучи. Лана только недавно вернулась. И хотя Зафира не удержалась от судорожного вздоха облегчения, она не собиралась встречаться с сестрой. Раздражение и гнев диктовали ей, что сестра должна прийти к ней первой. А Джаварат только издавал этот свой проклятый гул, как всякий раз, когда её эмоции были необузданными, бурными.

Зафира покрутила в руках джамбию Бабы. Может ли она зайти так далеко, что забудет о своём народе? Что в самом деле навредит им? Она вспомнила об отравлении ядовитыми парами. Возможно, это было небольшой милостью – её деревня исчезла, а люди погибли, и им больше не нужно бояться, что их раскроит пополам девушка, которая прежде обеспечивала их пищей.

Джаварату было на неё наплевать. Он просто желал, чтобы кто-то исполнял его волю, выпустил на волю хаос, чего она просто не могла допустить.

«Итак, мы узнали».

Девушка вздрогнула от его зловещего тона.

– Если нам суждено продолжать существовать так, с этой нелепой связью, ты больше не сможешь влиять на меня и не поделишь со мной свой жуткий гнев.

Небеса, она и правда говорила как безумная, командуя книгой. Разумной книгой, но всё же.

«Наша связь необратима. Нет никакого «если»».

– Нет, – согласилась Зафира. – Но я могу выкопать яму и

похоронить тебя там, и ты больше никогда не увидишь света дня.

«*Но и ты – тоже*», – злорадствовал Джаварат.

– Ты прекрасно понимаешь, о чём я, – рыкнула она.

Джаварат замолчал, размышляя о сказанном, а Зафира упала обратно на кровать с неким чувством гордости. Стук в дверь заставил её подняться. Она постаралась не обращать внимания на укол разочарования, потому что это не был тот же тихий стук, которого она, как оказалось, ждала. Если это была Лана, эта девчонка...

«*О!*»

Она не удержалась от улыбки.

– Я не узнала стук.

– Ну не всё же мне быть предсказуемым, – проговорил Насир, окинув быстрым взглядом её комнату, прежде чем сфокусироваться на ней. В его глазах отражалось нетерпение. – Можно войти?

Зафира склонила голову набок, но, помедлив немного, отступила в сторону и притворила дверь за ним.

– Это – самый смелый вопрос, который ты когда-либо задавал.

Уголок его рта приподнялся:

– Я могу быть смелее.

Зафира рассмеялась, и его глаза потемнели в ответ. А потом он вдруг шагнул к ней, прижал её к себе и поглотил её ошеломлённый вздох поцелуем, а потом увлёк за собой на-

зад, назад, к её кровати.

Он был холодным. Таким холодным, что этот холод она чувствовала кожей. Обхватив его за плечи, она отстранилась. Её губы горели от новых ощущений, а кровь бежала со скоростью безумного скакуна. Зафира уставилась на принца.

«Скажи же хоть что-нибудь».

– Я не думала, что ты вернёшься, – сумела произнести девушка. Она ведь была уверена, что его последние слова были отстранёнными, боялась, что он испугался её.

– Почему нет? – спросил он, словно её вопрос был глупым. И она решила не спрашивать про Лану и Айю.

Насир заметил, что она медлит, и чуть улыбнулся.

– Ты – словно комната, полная книг. Каждый раз, когда я вижу тебя, я открываю что-то новое.

Его глаза ярко сияли. В изгибе его губ была некая дерзость, в его прикосновениях – уверенность. Кажется, он читал по её лицу, как делал всё чаще за последние дни, и отступил.

– Мне уйти?

«Нет». Но слово было слишком смелым для этого мгновения, поэтому она присела на колени на своей кровати и жестом пригласила принца последовать её примеру.

– Садись, – сказала девушка, понимая, что Лана может войти в любой момент. Но сейчас ей было всё равно. И она, и Лев, и Джаварат, и сердца – всё могло подождать. – Задай мне ещё вопросы.

Глава 18

«Каждый цвет, который составляет тебя...» Rimaal,
впору бросать своё занятие и становиться бардом.

Но это было правдой. Цвет не имел для него никакой ценности, пока он не встретил её. Зафира была всем, чем не был сам Насир. Она видела смерть отца, которому её же мать вонзила нож в сердце – ужас, который он не мог и предположить, потому что все свои страдания, всё горе она перенаправляла в гнев, в ярость, в *действие*.

А Насир всегда был уставшим и печальным и...

Его тянуло к Зафире, как мотылька к пламени, и чем больше он приближался, тем большее обжигало пламя. Но что будет, когда огонь сожжёт мотылька крылья?

Он поплёлся вверх по лестнице, зная, что скоро им придётся выдвигаться, раз уж они хотят разыскать неуловимый фиал с кровью и найти Альтаира. Насиру не доводилось бывать в Альдерамине, и перспектива такого путешествия его не воодушевляла. А ещё он не считал правильным использовать Зафиру, словно она была всего лишь инструментом.

«Кто бы говорил».

Он остановился было у своей двери, а потом шагнул к её, прижался лбом к чёрному дереву. Он всегда стучал тихо, чтобы, если она чем-то занята, не побеспокоить её.

До этого она отвечала на каждый стук.

Но сама возможность видеть Зафиру не успокаивала и не дарила ему наслаждения – напротив, наполняла его ужасом, которого он жаждал и вместе с тем не понимал. Эдакая зависимость от опасности, перерастающая в необходимость.

Однако прежде, чем он успел постучать, он услышал тихий шёпот, мужской голос из-за двери, за которым последовал её пьянящий смех.

Все мысли покинули его. Быстро он отступил на шаг, споткнулся о ковёр.

Сафи никогда не отличались целомудрием. В распутстве и разгулах им не было равных – любой из них мог очаровать Зафиру. *Khara*, даже уличный песчаный кот был притягательнее, чем он.

Девушка снова рассмеялась, так тихо, что даже слышать это казалось преступным.

Спотыкаясь, Насир ввалился к себе в комнату. Тени хлынули с его ладоней прежде, чем он успел остановить их, и принц, сев на край кровати, с горечью рассмеялся над собой. Ему ведь казалось, что он достиг определённого уровня самоконтроля.

Медленно он выдохнул, щёлкнул лезвием, высвобождая его из наруча, снова спрятал его, повторил ещё раз и ещё раз. Он был убийцей. Клинком, созданным для того, чтобы пресекать чужие жизни. Чудовищем на поводке. Чем этот миг отличался от прошлого раза, когда он оказался в Крепости Султана?

Любой, кто мог заставить её смеяться так свободно, так прекрасно, был лучше, чем он когда-либо может стать – даже в своих надеждах.

О, но как он хотел бы иметь возможность действовать так же эгоистично, как чувствовал.

Глава 19

Зафира знала: пригласить его сесть к ней на кровать было плохой идеей. Из-за этого блеска в его глазах было тяжело думать и говорить и, даааа, даже дышать. Он явно заметил, как изменился поток её мыслей.

– Тебе даже говорить ничего не нужно. Твоё лицо говорит за тебя.

Он подался вперёд, совсем близко, коснувшись кончиками пальцев её лица, и она наслаждалась его знакомым прикосновением, зная, что каждое мгновение украдено. Он ведь был *принцем*. Когда всё это закончится, он вспомнит, что на свете есть много других женщин.

– Мне остановиться?

«Да», – подумала она, но некая часть её испытывала удовольствие от того, как дрогнул его голос.

– Нет, – ответила девушка и смело чуть опустила голову так, что её губы коснулись его ладони. Она протянула руку, дотронулась до щетины на его подбородке, потом запустила пальцы в волосы.

Его губы коснулись её, тёплые, мягкие, чужие и одновременно с этим – такие знакомые. В тот миг не было больше ничего – только он и она и это мгновение.

Бережно Насир опустил её на подушки, и она почувствовала себя опьянённой приглушённым сладким ароматом гра-

натов и весом его тела. Тихий стон сорвался с её губ, когда он судорожно вздохнул, провёл ладонью по её телу, остановившись на бедре.

– Подожди, – выдохнула она. Казалось, она вот-вот взорвётся. В его серых глазах промелькнула досада, и это чувство кольнуло его остро, точно нож.

– Что такое?

– Если мы сделаем всё сейчас, то...

Она никогда не видела, чтобы кто-то замер настолько, что казалось, даже сердце остановилось.

– То – что?

– Ничего, – быстро ответила девушка.

Кровь стучала в шее. Она уже не чувствовала себя такой сильной, какой обычно чувствовала себя рядом с ним. Не чувствовала тоски. Она чувствовала себя... униженной. Всё казалось неправильным, и ей хотелось исчезнуть.

– Интересно, – пробормотал он, соскользнул с кровати, и она увидела тёмно-лиловую линию на его одеждах, которой там прежде не было. – Я полагал, ты никогда не совершишь такую ошибку. Не влюбишься.

От резкой перемены в его голосе, ставшего глубже, бархатистее, Зафира похолодела. Он говорил уверенно, как может говорить только бессмертный. Эти слова она говорила вслух только Арзу. И только одно существо слушало из глубин проклятого леса – тот, кто подружился с ней, как и она с ним.

Его глаза, уже не серые, блеснули янтарём в огне светильника.

Крик замер в её горле. Она пыталась, пыталась, пыталась кричать, но ужас и головокружительное чувство от прикосновения его губ поглотили крик. Тысяча и одна эмоция заставили её замереть – страх, отвращение, гнев, и – что хуже – *желание*.

А потом все эти чувства поглотило одно: Джаварат был на виду.

– Ты настолько же утончённая, роскошная, как я себе и представлял, Охотница.

Голос Льва был ласковым прикосновением, а комната наполнилась тенями, тёмными, как пустая гробница.

Её пульс бился в такт единственной мысли: «Лев. Лев. Лев».

– Я скучал по тебе, *azizi*, – мягко проговорил он, и его взгляд потемнел, скользя по лежащей девушке.

«Моя дорогая».

Осознание было ужасным до тошноты: некая часть её тоже скучала по нему. Зафира ведь никогда по-настоящему не жила без него. Он всегда был рядом – только руку протяни; его присутствие исходило из странных искорёженных деревьев, из непроницаемой тьмы, из теней, выющихся вокруг неё, успокаивающих её.

Его губы исказились в недоброй усмешке.

– Разве ты не скучала по мне? Ты и я – мы одно.

– Ты уже не первый, кто говорит это, – отрезала Зафира, впиваясь пальцами в простыни, заставляя себя подняться с кровати.

Он склонил голову набок, а когда приблизился, девушка разглядела седую прядь в его тёмных волосах. Медленно он обрёл собственные черты, и вот уже перед ней стоял Лев, и в свете светильника поблёскивала его золотая татуировка. ‘Пт. Знание, которого он жаждал, и этот голод был неутолим.

– Но именно я сделал тебя тем, чем ты являешься – моим компасом, лезвием. Вот почему ты мудро связала себя с Джаваратом, успешно собрав знания Сестёр Забвения.

Она замешкалась, и его брови приподнялись.

– Ты боишься его, – понял Лев, тихо прищёлкнув языком, приперев её к стене.

И Зафира позволила ему это, потому что это отвлекло его от Джаварата.

– Ты боишься дверей, которые распахивает знание. Прими их, azizi. Ибо нет дара более великого.

– Я никогда...

– Ш-ш, – тихо проговорил Лев, приложив большой палец к её губам, и она почувствовала его мозоли. – Дерзкие обещания так быстро приводят нас туда, где нам совсем бы не хотелось оказаться.

Она вздрогнула.

– А теперь, – добавил он тихо, не громче шёпота, и она

почувствовала это слово, вдохнула аромат гранатов, – отдай мне Джаварат.

Он не искал сердца, не искал сафи, которых ненавидел, не искал даже Серебряную Ведьму, которая была более могущественной, чем он когда-либо мог бы стать. Он желал получить Джаварат и всю сокровищницу знаний, сокрытых в книге.

– И? – её голос был не громче вздоха.

– Когда я займу Позолоченный Трон, ты станешь моей царицей, пока я создаю дом для моего племени. Весь мир будет нашим, и мы придадим ему любую форму, какую только пожелаем.

Трон. Ибо знание было властью, а власть символизировал трон.

– Все эти годы, – проговорила Зафира, легко вынув джамбию из ножен. Она будет защищать фолиант, даже если это станет последним, что она сделает. – И ты так и не понял: меня никогда не интересовали царские венцы.

Она прижала лезвие к его шее, упиваясь вспышкой его изумления. Тотчас же оно исчезло, и её уверенность пошатнулась.

– Разве мысль о моей крови приносит тебе радость? – Он вскинул голову, и лезвие её джамбии ярко блеснуло в огне светильника у самой его плоти.

Не радость – *власть*. Осколок видения Джаварата... часть её, сокрытая в самом тёмном уголке её души, жаждала этого.

Его голос был точно колыбельная.

– Вскрой мою плоть, azizi. Перережь мне горло и увидишь, алая ли у меня кровь или чёрная.

Что имело гораздо больше значения – это кровь, пролитая им самим: кровь Бабы, Дина, Беньямина, Сестёр Забвения и тысяч других.

– Я прикончу тебя, – прошептала девушка.

Её рука дрожала, поддаваясь некому пьянящему тёмному чувству. К её удовольствию, у Льва перехватило дыхание, и чёрная бусина выступила на его золотой коже в том месте, где лезвие Зафиры касалось его плоти.

Кровь ифрита, несмотря на его полусафинское происхождение.

Причина, по которой она не чувствовала его пульс даже теперь и по которой сердце не билось в его груди. Он был сложен как мужчина, как сафи – кости, сухожилия, органы, – но бессердечен, как ифрит. Поистине так.

Его тихий ответный смех был изломанным – мягкая ткань, прикрывавшая шипы. И его непринуждённость и самообладание впервые дали трещину.

– Ты говоришь так, – сказал он – Лев, пытающийся понять мышь. – Но когда я позвал из темноты, ты ответила. День за днём, год за годом, задолго до того, как ты ступила в мои владения, ты стояла в снегу и говорила со мной. Разве не помнишь, azizi?

Тогда она была маленькой и одинокой, впервые стоя пе-

ред Арзом, спрашивая, что лес хочет от неё. Она знала лишь, что Арз ответил ей. Она просто не знала, что тот голос принадлежит Ночному Льву, готовившему её к тому, что было нужно ему.

– Где Альтаир? – требовательно спросила Зафира. Нет, она не покажет реакцию на его слова, на волну воспоминаний. – Что ты сделал с последним сердцем?

Он снова проигнорировал её вопрос.

Но она не позволит просто так отмахнуться от неё!

– Почему ты это делаешь?

И вот тогда он замер. Чёрная жемчужина скатилась по его щеке – тёмная, тёмная слеза. Она не понимала, зачем ему волшебство и почему он так обожал знание.

– Почему? – повторила она, так тихо, словно вздохнула.

Он нахмурился, а в янтарных глазах отразилось смущение и лёгкая тревога – ещё одна трещина в маске пошатнувшегося самообладания.

Он словно... словно не мог вспомнить. Его взгляд упал на угол её кровати.

Одновременно они рванули к Джаварату. Лев выбил кинжал из её руки. Девушка проскользнула под его рукой, как всегда ловкая, но он знал её настолько же хорошо, насколько она знала себя сама, и резко увернулся.

– Он тебе не поможет, – отчаянно выдохнула Зафира. «Он мой!» – Его невозможно прочитать. Он делится знанием лишь с теми, кто ему нравится.

«Помоги!» – взмолилась она Джаварату, но, когда пальцы Ночного Льва сомкнулись на книге и он снова медленно принял облик Насира, фолиант ничего не сделал. Он молчал.

Laa, это было слишком. Она почувствовала, как сила книги бурлит в её венах, замораживая её до костей. Ибо она отвергла его хаос и насилие. Она отвергла *Джаварат*.

Зафира подняла взгляд на Льва. Нет, она не позволит ему увидеть её ужас.

– Я больше не поддамся твоей лжи, – поклялась она почти что с гордостью.

Лев лишь улыбнулся.

– Поддашься, *azizi*. Запомни мои слова.

Его взгляд заметался по комнате, и девушка смутно понимала, что он ищет сердца. В тот миг Ночной Лев исчез, забрав с собой то, чего больше всего желал, оставив Зафиру парализованной эмоциями, которые сумел всколыхнуть одной лишь улыбкой и поцелуем.

Глава 20

– Что ты сказала?

Светлые глаза Сеифа горели от ярости, и эта ярость разрушила всё, что ещё оставалось от стойкости Зафиры. Маленькая комната словно сужалась с каждым стуком сердца, а полки превращались в решётки, запирая её.

– Как такое могло произойти? Как он вошёл в дом? – Айя выглядела поражённой. Её жёлтая абайя казалась бесцветной в тусклом свете.

Лана прижималась к Айе, и расстояние ранило Зафиру больно, как клинок.

Сеиф буквально кипел:

– Отвечай на вопрос, Охотница!

– Откуда мне знать? – огрызнулась она. – Я была в своей комнате. Может, это *ты* впустил его.

– Следи за своим языком, – прошипел сафи, и Зафира почувствовала себя ребёнком. – *Dum sihr*, охраняющая дом, возможно, иссякла, но это ты вручила ему *hilya* на серебряном блюде. – Он резко повернулся к Айе: – Я знал, что мы не можем доверять ей безопасность фолианта. Смертная. *Ребёнок*. Именно этого мы и боялись.

Айя побледнела, и желание спорить, сражаться, охватившее Зафиру, тут же иссякло. Насира здесь не было. Может, так даже лучше, потому что она бы просто не могла взгля-

нуть на него, не вспоминая, как он был с ней в комнате, как свет падал на его шрам, как его ладонь лежала на её бедре.

«Нет, ладонь Льва».

– Я не знала, что это он, – прошептала девушка. – Как...

– Проклятый Гулюль, для бессмертных сафи вы все удивительно туповаты, – взорвалась Кифа. – Он же наполовину ифрит. Неужели вы не думали, что он может менять форму, как чистокровный ифрит?

– Чей облик он принял? – спросила Айя.

Дышать становилось всё труднее. Она вспомнила вес его тела, янтарь, блеснувший в его фальшиво-серых глазах.

Зафира судорожно вздохнула.

– Какая разница? – спросила Лана, подходя к сестре и беря её за руку. На неё словно набросили тёплое одеяло, и даже биение сердца стало спокойнее. – Мы могли бы попытаться вернуть книгу, а не стоять здесь и разговаривать. Нет... Okhti, а что, если он уничтожит книгу? Ты...

Зафира покачала головой:

– Не уничтожит. Если есть для него хоть что-то священное – это знание. – В этом она была абсолютно уверена. И если она хоть что-то успела узнать о таинственном Джаварате, так это то, что знания фолианта были безграничны. – Но он собирается занять трон.

Она не сказала, как Лев поклялся сделать её своей царицей и как она дрожала – не только от отвращения и гнева.

Стыд сковал ей язык, не позволил рассказать остальным,

что Лев обещал нечто гораздо худшее, чем любой из них мог вообразить. Лаа, это был даже не стыд – страх. Как бы они стали относиться к ней, если бы узнали, что она не только отдала Льву Джаварат, но и говорила с ним? Целовала его?

Вот почему она не могла говорить о зле, скрытом в Джаварате. О видении, о шёпоте. Для них она была девочкой с чистым сердцем. Совершенной в своих желаниях.

Страх. Стыд. Это были иглы, сшивавшие нитью её губы.

– Это было ожидаемо. – Сеиф раздражённо отмахнулся от её слов. – Того же он желал столетие назад. Вы полагали, он изменился? Что его желания ограничились бы Джаваратом и одним сердцем? Лаа.

– Тогда мы должны отправиться во дворец. К трону, – сказала Лана, и никто не прокомментировал это её «мы». Она словно уже была частью всего происходящего. Словно нашла ветку на дереве zumga и удобно там устроилось, по-своему объединив банду.

– Но он не может занять трон, – заявила Кифа, морща лоб. – Это знает каждый ребёнок. Позолоченный Трон пускает к себе лишь кровь Сестёр или тех, кого они сами назначили.

Сеиф и Айя переглянулись.

– Возможно, – согласился Сеиф. – Однако же мы не знаем, каким знанием наделит его Джаварат, какую откроет лазейку, о которой знали Сёстры, а теперь узнает и он. Как бы то ни было, он был бы дураком, если б проник во дворец до

того, как постигнет Джаварат. Я приказал моим сафи обыскать весь город, но тщетно. – Он стиснул зубы. – Пошлю ещё больше воинов.

Его голос звенел тревогой. Вокруг них затягивалась петля, и это была вина Зафиры.

– Я пойду. – Слова сами сорвались с её губ. Девушка откашлялась и вскинула голову, но поняла, что не может никому смотреть в глаза. – Я отправлюсь в Альдерамин. В Bait al-Ahlaam. Я найду фиал с кровью силахов и использую его, чтобы найти Альтаира, сердце, Джаварат и Льва до того, как он отправится во дворец. До того как он успеет сделать хоть что-то. Я всё исправлю.

«Невозможно». Эхо голоса Джаварата отдавалось в её разуме даже теперь.

Она отбросила насмешки фолианта. Может, список того, что ей предстояло, и был слишком длинным, но все эти четыре пункта были связаны между собой. В этом она была уверена.

– Okhti, нет, – прошептала Лана.

Но что она понимала? Лана могла войти прямо в сердце бунта, исцелить человека, но она не понимала, что такое настоящее бремя ответственности. Зафира годами заботилась о своих людях, давала им то, чего они заслуживали, всегда.

Всегда – до этого дня. До мига, когда Джаварат использовал её и говорил её голосом. До мига, когда она, как и сказал Сеиф, передала Льву Джаварат на серебряном блюде.

Зафира уставилась на свои руки, вспоминая, что они натворили в том ужасном кошмаре. Внезапно видение Джаварата перестало казаться таким уж неправдоподобным.

Она уйдёт на рассвете. Лаа, она уйдёт прямо сейчас.

– Есть ещё кое-что, – сказала Кифа, обращаясь к Зафире. – Я как раз собиралась найти тебя... Смотри.

Советница взяла ящик с низкого столика и открыла. Сердца тускло мерцали в неверном свете светильников. «Нет...» Они казались темнее не из-за света.

Лана заглянула внутрь и тихо проговорила:

– Они умирают.

Сердце Зафиры пропустило пару ударов. Дышать было почти больно. Волшебство – вот ради чего она отправилась в это путешествие, ради чего покинула свой дом, свою жизнь, свою семью.

И теперь волшебство умирало прямо у неё на глазах.

В тот миг вошли они – все девять, одетые так богато и изысканно, словно вышли из мечты портного. Высший Круг Беньямина. Прекрасные, беспощадные, вооружённые и жестокие. Татуировки змеились вокруг левого глаза у каждого из них, отмечая те вещи, которые они ценили превыше всего. Да, Зафире казалось, что она слышала, как кто-то ещё бродит по дому, когда она впервые здесь оказалась, но думала, что ослышалась, ведь никто не присоединялся к ним в трапезах. Гордыня. Даже Сеиф не трапезничал с ними. Зафира сдержалась, пряча благоговение, которое уже почти отрази-

лось у неё на лице.

Кифа произнесла мягко:

– Они заберут сердца.

Зафира моргнула, непонимающе глядя на воительницу. Слово «заберут» звенело в её голове.

Её первая мысль была о родителях Дина и Ясмин, о том, как они скрыли своего единственного сына, когда армия Деменхура пришла, чтобы забрать его, – за несколько месяцев до того, как их призвали в войско целителей.

«Небеса, да успокойся же!» Сердца не были её детьми. Они были всего лишь частью груза, ради которого она рисковала своей даамовой жизнью на кошмарном острове. Не больше.

– Разве это не мы должны хранить их? – непонимающе спросила девушка.

Кифа посмотрела на неё:

– Мы не можем быть везде одновременно. К тому же мы доверяем им самое простое задание. Проехаться верхом, забраться на несколько ступенек, сунуть сердце в пустую грудную клетку минарета. Khalas²⁵.

Её ухмылка стала шире, когда несколько сафи одарили её тяжёлыми взглядами.

Лана, которая забыла прикрыть рот, когда вошли сафи, наконец-то откопала чувство собственного достоинства.

– А это поможет сердцам не... – она осеклась, не в силах

²⁵ Khalas – точка, конец.

закончить вопрос.

Сеиф бережно завернул три сердца в шёлковую ткань и передал их сафи, которые стояли группами по трое.

– Никто не знает, остановит ли это их быстрое разложение, если поместить в минареты четыре сердца. Волшебство Сестёр не вернётся без пятого. Но в чём мы можем быть уверены – сердца здесь больше не в безопасности. Высший Круг вернёт каждое сердце на место и будет охранять их, пока мы не победим.

И снова Зафира вспомнила, как взгляд Льва метался по комнате Зафиры, ища их. И как Лев снова принял облик Насира.

Дрожа, Зафира смотрела, как сафи взяли сердца и бережно поместили их в ящики. Она прикусила язык, удержалась от слов, призывающих к осторожности. Как она могла требовать от них осторожности, когда сама своими руками подарила Джаварат Льву?

Четвёртое сердце Сеиф оставил себе.

«Заберите их», – подумала Зафира. Пусть Сеиф и Высший Круг празднуют эту маленькую победу. Лаа, эта победа была не их. Она просто позволит им сделать это *за неё*. А как только они получат пятое сердце, победа будет *её* – триумф, с которым она украла что-то у Ночного Льва.

Именно благодаря *ей* вернётся волшебство.

Сеиф обернулся к ней, и его суровый взгляд разрушил очарование момента.

– Ну? Стало быть, мы отправляемся в Альдерамин?

«Мы?!» А... так вот почему он оставил себе одно из сердец. Сафи собирался вернуть его в королевский минарет Альдерамина.

Когда Зафира не ответила, Сеиф добавил:

– Или это снова пустые громкие слова, ещё одно дело, которое тебе не по силам?

Зафира опустила голову. Боль от неудачи была всё ещё слишком сильна, рана – слишком свежа, и она не позволила себе возразить. Кто-то из сафи прыснул со смеху, и девушка невольно задалась вопросом: как они могли желать лучшего для Аравии и при этом быть такими ужасно невоспитанными?

Одни за другим группы Высшего Круга уходили в ночь, унося с собой сердца, предназначенные для Пелузии, Зарама и Деменхура.

«Дыши», – приказала себе Зафира. Кифа смотрела вслед сафи, и лицо её застыло, прежде чем она опомнилась и посмотрела на Зафиру с тенью улыбки.

От этого стало теплее – словно она не осталась одна с этим чувством потери, тоскуя по сердцам с самого мига, как те покинули дом.

– Не уходи, – проговорила Лана, стоя с ящичком Аии в руках.

– Отправляйся со мной, – ответила Зафира, – и тогда нам не придётся разлучаться.

В тот миг, когда Лана закусила губу, девушка поняла, что её желание было нереальным. Их пути всегда были разными – она со своими стрелами, а её сестра со своими сна-добыями.

– Я не могу.

– Почему? – спросила Зафира, ничуть не заботясь о злости, просочившейся в её голос. Не заботясь о нетерпении Сеифа, о сочувствии Кифы.

Лана лишь покачала головой, коротко посмотрела на Айю.

Ещё одна лопата, разрывающая землю в её сердце, опустевшем, словно гробница.

Даже раскалённая кочерга не обжигала так больно, как эта пустота в сердце Насира. Он хотел лишь, чтобы эта пустота когда-нибудь иссякла. И понял вдруг, что *всегда* хотел этого.

Чтобы его *видели*. Понимали.

Чтобы нуждались в нём. Желали его.

Он приступил к долгому раздеванию – начал с оружия, прежде чем расстегнуть пояс, затем расправил складки рубашки и повесил её за креслом. Ветерок из открытого окна любопытными касаниями пересчитывал бесконечные шра-

мы на его спине.

Тихий топот босых ног нарушил тишину, и его рука замерла на поясе шальваров. Он не стал тянуться за мечом – голых рук будет достаточно.

– Прятки тебе не помогут, – проговорил он, и его голос звучал низко, смертоносно. Почти сразу же из теней у решетки на окне возникла фигура, подсвеченная множеством светильников.

Он узнал бы это стройное тело где угодно.

– Кульсум.

Она сняла с головы охряный платок; тёмные волосы блестя на свету. В этот миг он мог только неотрывно смотреть на неё. Его сердце было в руинах, а разум пребывал в смятении между болью и памятью. Перед ним была девушка, которую он любил, чьё тело знал не хуже своего собственного. Чей голос когда-то был самым мелодичным на свете, пока его отец не узнал, что сын обрёл спасение. Лаа, пока Лев не узнал. Лев направлял руку Гамека, вырезая её язык.

Словно Насир недостаточно ненавидел себя прежде. Это кровавое деяние низвергло его в бездну отвращения к себе. Он держался на расстоянии, винил себя и давал бесполезные клятвы до того самого мига, как узнал на Шарре, что Кульсум была шпионкой. Чего он не знал до сих пор, так это сколько времени она работала на Альтаира. Задолго до того, как они встретились впервые? После смерти матери? С тех пор как она потеряла язык?

– Ты пришла к Альтаиру, – сказал Насир.

Она медленно кивнула, «да и нет» – болезненное напоминание о том, чего больше у неё никогда не будет. Как она попала в дом – написала Айе письмо?

– Тогда ты должна знать, что его здесь нет, – добавил он.

Айя бы сообщила ей. В тёмных глазах девушки вспыхнуло обвинение, и принц невесело рассмеялся.

– Не волнуйся, я не убивал его. Но, как ты знаешь, есть судьба страшнее смерти. Он у Ночного Льва, – а потом, поскольку он был жестоким, ужасным и обиженным, Насир проговорил: – Я бы беспокоился о том, что рассказал тебе слишком много, ведь слуги любят посплетничать, не так ли? – Чудовище внутри него улыбнулось. – Но мы оба знаем – теперь ты не можешь им ничего рассказать.

На её лице не отразилось никаких эмоций. Это удалось ей лучше, чем он мог даже пытаться. Кульсум скользнула ближе, и Насир поразился, как в нём могло возникнуть столько ненависти к кому-то настолько прекрасному. Но была ли это ненависть к ней или к себе самому – или и то и другое вместе? Её взгляд упал на его грудь, на свежий ожог у ключицы. Нужно было натянуть рубашку, но какая уже разница? Кульсум уже видела его полуобнажённым бессчётное число раз. Видела даже больше.

– Почему ты это сделала? – мягко спросил принц.

Девушка не ответила, и не ответит даже через тысячу лет.

– Что заставило тебя играть в любовь к чудовищу?

Изучающе Насир смотрел на неё – она стояла, расправив плечи. И её поза была полна достоинства – гордо вскинутая голова, платье, свободно струящееся у ног.

Она не была низкого происхождения – ему стоило понять это не один год назад. И если дружба с Кифой и научила его чему-то, так это тому, как далеко готов зайти человек ради мести.

– Ты ведь не всегда была шпионкой Альтаира. Он увидел такую возможность и воспользовался ею, но ты... – медленно проговорил Насир, и бледные линии теней выступили на его руках. Внутри звучал тихий смех Зафиры. «Дыши». – У тебя были свои собственные планы.

Блеск в её глазах стал достаточным подтверждением.

– Я убил кого-то важного для тебя, – предположил он. Что ещё он мог сделать? Он никогда не участвовал в заговорах, никогда не пытался кого-то свергнуть. Он просто убивал. – Твоего отца.

Кульсум покачала головой.

– Мать?

И снова она покачала головой. Нет – она отказалась от хорошей жизни, чтобы сблизиться с ним. Заставить его полюбить её, намереваясь разбить ему сердце.

– Возлюбленный, – понял Насир и глухо, с горечью рассмеялся. – Я убил того, кого ты любила, и ты оставила свою прежнюю жизнь ради мести. Что ж, это достойно похвалы. Оно того стоило, дорогая? Ты смеялась, когда мой отец клей-

мил меня? Ты злорадствовала, когда я возвращался с очередной миссии, лишаясь ещё одной частицы своей души? Моё горе доставляло тебе удовольствие, Кульсум?

Девушка протянула к нему руку, но Насир отступил.

– Я предпочту смерть твоим касаниям.

Он не был святым и прекрасно понимал, какая ирония была заключена в его отвращении.

– Тебе следовало всё как следует продумать. Ты должна была понимать, что султан ненавидел меня намного сильнее, чем ты. Тогда бы ты сохранила язык. – Он покачал головой в ответ на молчание. – Ничто не было так болезненно, как это – ты знала?

Ничто не было так болезненно, как вера в то, что она потеряла язык, потому что посмела полюбить чудовище, тогда как в действительности такова была цена за её месть. Занавеси трепетали, словно жаждали услышать больше. Ветерок толкнул дверь – Насир сегодня был слишком рассеян и не закрыл её.

– Но если ты готова была пожертвовать столь многим, чтобы причинить мне ту же боль, которую я причинил тебе, то mabrook²⁶. Твоя месть исполнена.

Часть его радовалась этой беседе, радовалась, что он мог покончить с тем, что однажды было между ними, и запереть эти чувства навсегда.

– А теперь убирайся, – приказал принц. – Когда вернётся

²⁶ Mabrook – благословение.

Альтаир, к нему будет целая очередь. Присоединяйся.

Но Кульсум не шелохнулась, только смотрела на него горящими тёмными глазами. С сожалением и почти что... с голодом. Насир представлял, что бы сказала девушка, если бы всё ещё могла говорить. Возможно, несмотря на жажду мести, какая-то её часть всё-таки любила его, как иногда бывает, когда слишком много времени проводишь с кем-то наедине.

Насир отвернулся.

И как будто день его был всё ещё недостаточно ужасен, он услышал скрип двери и резкий вздох, потому что в этом проклятом доме никому не пришло в голову постучать.

«Khara».

Зафира замерла на пороге. Её волосы были растрепаны, а губы припухли. Это зрелище разорвало его на кусочки, когда она переводила взгляд с Кульсум на него, полуобнажённого, и хмурила брови.

«Всё совсем не так, как выглядит», – хотел было сказать Насир, но разве хоть когда-нибудь что-то шло так, как он хотел?

Глава 21

Милостивые снега! Если бы она только оставила дверь закрытой, когда та случайно отворилась – ей бы не пришлось смотреть на это. Насир, полуобнажённый, не скрытый тенями Шарра. Огни светильников обрисовывали его золотыми штрихами вплоть до низкого пояса шальваров, и это зрелище возжигало кровь в её венах.

И девушка... стройная девушка в желтоватом платке, такая прекрасная, что Зафира с её крепким телосложением и совсем не женственным ростом не могла и мечтать сравниться с ней. С каких это пор её беспокоила собственная красота? Но в глазах защидало.

Ревность делала сердце темнее, и Зафира не ревновала. Она была чиста сердцем.

В разуме вспышкой мелькнуло воспоминание – губы Льва, касающиеся её собственных. Насир, чью спину не прикрывало ни клочка ткани. Ну вот и всё, она сходила с ума.

Она ведь зашла просто проведать принца, сообщить ему об их планах. Рассказать ему, что она потеряла Джаварат, и объяснить, что да, он был прав, когда не доверил ей сердца. И что сердца теперь забрали.

Ведь некая глупая, наивная, юная часть её верила, что Насиру не всё равно, что он поймёт.

Как же она ошибалась.

Беззвучно Зафира выскользнула обратно в коридор, пробега пальцами по панелям стен, понимая, что она никогда не забиралась так глубоко в этот дом, где жили многие из Высшего Круга. Их ведь было больше, чем те девять, которые уже отбыли? Она не знала. Но большинство дверей оставались запертыми, и последнее, что ей было нужно, – так это наткнуться на очередное зрелище, которое ей не предназначалось.

Она услышала звук шагов – кто-то быстро шел за ней. «Ну отлично».

Девушка поспешила вперёд, пробежала под аркой и оказалась в зале с высоким потолком, видимо, предназначенном для пиров. Откуда ей знать? Самым большим пространством в её селении в Деменхуре была джуму’а, но это, даама, было снаружи!

– Зафира.

Девушка замерла, чувствуя холод камня под босыми ногами.

– Почему ты убегаешь?

Она развернулась. Насир накинул рубашку, но не успел застегнуть её. Мышцы его груди вздымались от дыхания, и она отчётливо представляла его кожу под своими ладонями, его голос у самого уха. Их губы совсем близко. Руки Льва на бёдрах... «Нет!»

Гнев. Да, вот что ей было нужно прямо сейчас, а не... это. Но в мерцающих огнях светильника она видела в его глазах

такую тоску, что ей было трудно сосредоточиться.

– Я дала вам уединиться. – В голосе девушки звенела сталь.

Насир почти припёр её к стене, ничуть не заботясь о дверях, которые в любой момент могли открыться, и понизил голос:

– Единственное уединение, которого я бы хотел, – это с тобой.

– Нет, неправда, – выдохнула она, игнорируя смысл, стоящий за этими словами.

Она не была так прекрасна, как та девушка в жёлтом платке. Khara. Да ей ведь должно быть всё равно!

Он шагнул ближе, и она почувствовала его ступни рядом со своими. Он опустил взгляд. Зафира ощущала его смятение и жар его тела так же отчётливо, как свои.

– Чего ты хочешь? – прошептала она.

Их пребывание на Шарре сплело между ними нить, узловатую, путаную, и края её истрепались, хоть она и притягивала их ближе друг к другу.

Насир издал звук – нечто среднее между всхлипом и смехом. И всё. «Скажи мне», – безмолвно умоляла она. Тьма лишь смотрела пристально. Дальше, чем теперь, они не заходили никогда – она спрашивала, и он отступал.

– Джаварата больше нет, – с усилием проговорила девушка. Они ведь были частью zumra, и хотя бы это она обязана была сообщить принцу. – Лев пришёл ко мне, в облике... в

облике того, кем он не был.

Насир вскинул голову, глядя ей в глаза, но она отвела взгляд, охваченная смущением и гневом. Её мысли снова обратились к девушке в золотом платке, с золотистой кожей, изысканными чертами и пухлыми губами. Интересно, Насир и с ней не находил слов? Поза незнакомки была непринуждённой, словно она знала все его секреты. Взгляд её тёмных глаз блуждал по его обнажённой груди, как будто она хорошо знала, каково это – ощущать его кожу под пальцами.

Нет, решила Зафира. С ней всё было иначе.

– Раз уж ты даже говорить не можешь о том, чего хочешь, тогда, возможно... – Она остановилась, потом продолжала: – Возможно, ты не настолько этого хочешь. – Она скользнула в сторону от стены. Его рука безвольно опала. – Возможно, ты этого не заслуживаешь.

О нём предупреждала её Серебряная Ведьма? О своём собственном сыне?

Зафира оставила своё сердце у его ног и накрепко замкнула свой разум. Она была почти у выхода, когда Насир заговорил.

Его голос звучал тихо, надломленно.

– А чего хочешь ты?

Смерти Льва. Безопасности для Альтаира. Возвращения волшебства. Справедливости Бабы. «Тебя. Тебя. Тебя». Он был ритмом её крови.

– Честь важнее сердца, – ответила Зафира.

Что бы им ни предстояло сделать – она сделает это сама.
Как и всегда.

Глава 22

Было темно, когда Лев вернулся, и торжествующая улыбка на его губах искрилась, как сама ночь. Радость в его взгляде заставила сердце Альтаира пропустить пару ударов, прежде чем он снова ощутил глубокое вызывающее оцепенение «ничто», и вместе с тем – взрывное бурлящее «всё».

Из складок своих одеяний Лев осторожно вытащил Джаварат – зелёный фолиант с потрёпанными страницами и тиснённой огненной гривой в центре.

Zumra не только не нашла Альтаира – несмотря на их древних сафи, принца, владеющего магией теней, и dum sihr, – так они ещё и проявили беспечность.

Лев пристально наблюдал за ним, но что он мог увидеть? Разочарование Альтаира их несостоятельностью? Удовлетворение Альтаира от того, что его план воплощался, как должен был?

– Снимите с него цепи, – велел его внимательный отец, и к Альтаиру подошёл ифрит с ключом – маленьким, незначительным куском литого железа, который дарует ему свободу.

Джаварат, воплощение воспоминаний Сестёр Забвения – в обмен на его свободу.

Чтобы *он* никогда не был забыт.

Пока ифрит снимал цепи, ни отец, ни сын не проронили ни слова.

– Полагаю, оковы ты не снимешь? – уточнил Альтаир немного хрипло, неотрывно глядя на книгу.

Лев улыбнулся. Поистине, это было невероятно – стать причиной для чьей-то радости. Стать гордостью в чьих-то глазах, пусть даже на одно краткое мгновение. Альтаир сравнил эти ощущения.

– О, ну я так и понял, что прошу слишком многого.

– Ты хорошо послужил мне, Альтаир. За это ты можешь бродить по этому дому свободно, заглядывать куда тебе вздумается.

Да уж, так себе свобода.

– О Баба, прямо гора с плеч... эм, с рук, – протянул Альтаир, потягиваясь и напрягая мышцы. Выждав мгновение, он спросил: – И что же ты собираешься с этим делать?

– Изучать, – просто ответил Лев. – Я не из тех, кто боится быть пленённым книгами.

Альтаир задумался.

– Тогда Великая Библиотека убьёт тебя.

Лев рассмеялся, тихо и задумчиво.

– Не стану откладывать это надолго. Нет ничего лучше, чем войти в дверь, обещающую тебе путь в бесконечность.

Сейчас они находились в другом доме, который раньше принадлежал сафи, талантов которого многим будет не хватать.

– Как они? – спросил Альтаир прежде, чем успел остановить себя. Он почувствовал внутри напряжение, предвкушая

ответ.

Лев помедлил. Это выглядело странно, ведь у него не было пульса, хоть он буквально вибрировал восторгом.

– Живы. И здоровы. Кажется, они торопились. Но это и к лучшему, да? Я начинаю наслаждаться нашим союзом, Альтаир.

Альтаир опустил взгляд, глядя на оковы на запястьях, подавляющие его силу, натирающие кожу. Какие ещё тайны он должен был раскрыть, чтобы избавиться от них?

Глава 23

К тому времени, когда Насир сумел сплести слова в нить, подходящую для извинения, было уже слишком поздно. Зафиры не оказалось в её комнате.

Её не было в фойе. Не было нигде в доме, и когда принц выбежал на улицу в такой спешке, что не надел даже сапоги, он увидел, как слуги успокаивают двух коней, оставшихся в конюшнях – там, где прежде было четырнадцать.

Никогда его пульс не учащался так, как сейчас. Никогда он не испытывал такой выжигающей всё скорби, такого глубокого сожаления. Он должен был надеть рубашку, должен был сразу отослать Кульсум, должен был ответить на вопрос Зафиры. Что ж, сожаление всегда было Насиру самым близким другом.

Луна в унынии скрылась за облаками, и холод спустился с небес, вонзая в город свои зубы. Насир вернулся к себе в комнату, с облегчением обнаружив, что там пусто, подхватил оружие, помыл ноги и натянул сапоги, при этом чуть не перепутав правый и левый. Затем он вместе со слугами с трудом успокоил одного из буйных коней, хоть слуги и утверждали, что этот скакун был худшим из всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.